

A hooded figure, possibly a thief or assassin, is shown in a dark, atmospheric setting. The figure is wearing a dark hood and a dark, textured tunic. They are holding a long, wooden spear in their right hand. In their left hand, they are holding a glowing blue gemstone. A red light is visible on the figure's chest. The background is dark and textured, suggesting a cave or a dark forest. The overall mood is mysterious and suspenseful.

ЛЕС

Будущее после катастрофы. Л.Е.С. — глобальная Система, контролирующая всю Землю. Меня выдернули из моего времени, чтобы спасти Систему от вторжения из другой реальности. Почему меня? Как я связан с Системой? Почему для этого меня не просто лишили памяти о моем прошлом, так еще и условие поставили — пока не спасешь мир Леса, домой не вернешься. Так что выбора у меня нет, будем спасать. Поехали!

Глава 1

«Берегите природу — мать вашу».

Народная мудрость.

Глава 1.

— Он живой?

— Да живой, живой. Дышит.

— Как он здесь оказался?

— Откуда ж я знаю? Я пришел к нему с утра, как обычно, а его нет. Я туда, сюда. Где искать? Спросил на вышке, сказали, вышел в Лес. Я скорей за ним. Вот, нашел на тропинке.

— Как его ползуны не утащили?

— Не успели, видно. Недавно тут лежит.

— Ой, смотри, рука шевельнулась, вроде.

— Ага, и глаза открывает.

Голова гудела. Голоса надо мной тревожные, удивленные появились издалека, потом стали четче, яснее. Морок проходил, силы возвращались. Я пытался пошевелить руками и посмотреть, что это за люди. Почему они так странно говорят, голоса не узнаю. Где-то недалеко громко каркнула птица. Ворона какая-то, но карканье необычное, протяжное.

Что со мной случилось, где я?

Осторожно приоткрыл один глаз, потом другой. Сфокусировал зрение на людях. Прямо передо мной нависало молодое, конопатое, курносое недоразумение. Копна волос, подсвеченная полуденным солнцем, горела красным. Кривая улыбка застыла на пухлых губах, обнажая неестественно белые зубы. Ну, клоун, да и только. Второй выглядывал из-за плеча рыжего и был еще колоритнее. Крупное красное бородатое лицо, грязно-белые волосы стареющего блондина, толстая шея и огромные плечи. Щербатая улыбка была скорее снисходительно-удовлетворенная. Вот, мол, нашли пропажу, пора к своим делам возвращаться.

Над ними нависали ветви гигантских разлапистых деревьев, теряющихся где-то в бездонной, не определимой глазу, высоте. Или мне лежа на спине так казалось. Сквозь густые ветви еле пробивалось яркое солнце, бросая на землю тонкие жгучие лучи. Тело утопало в душистой мягкой пружинистой траве. Запахи были яркие, сочные, разнообразные. Городом совсем не пахло. И от этих двух субъектов тоже исходило какое-то наглое довольное здоровье. Я в какой-то глухой деревне?

— Вы кто? — спросил я, пытаюсь приподняться на локтях. Тело слушалось со скрипом, натугой, мышцы ломало, словно меня накануне хорошенько побили. В черепной коробке что-то неприятно булькнуло, словно желе.

— Во дает! — воскликнул бородатый, хлопнул по плечу рыжего. — Учитель-то у тебя того, кукухой поехал! Ты как здесь оказался, горемыка?

В лице рыжего отразилась искренняя озабоченность. Изучающий взгляд полон сочувствия и удивления. Отношение ко мне было в этот момент как к несмышленому щенку или к отягощенному деменцией стареющему родителю.

— Нет, — уверенно сказал он. — Здесь что-то другое. Ты себя как чувствуешь, Никифор Иваныч?

Как он меня назвал? Никифор? Это еще кто такой? Что за имя у человека — Никифор? Ну, уж это точно не я.

— Я не Никифор, — вымолвил я, голос был еще вялый, не окрепший, сиплый. — Вы ошиблись.

— Ну, точно поехал! — взмахнул руками бородатый. — Или дурмана нанюхался. Я видел, тут где-то дурман растет. Давай-ка, Митька, его под руки, пока мы все тут не одурманились.

Они ловко и сильно взяли под руки, приподняли. Я слабо сопротивлялся. Дурная птица снова что-то прокричала в ветвях.

И вот тут началось совсем уж что-то странное. Прямо перед моими глазами из ниоткуда в воздухе появилась четкая синяя надпись:

Добро пожаловать в ЛЕС!
Ваше пробуждение прошло успешно!
Жизненно важные показатели в норме!
ЛЕС благодарит Вас за участие в Программе!

Ошарашенный зрительной галлюцинацией, как я полагал, я повертел головой, пытаюсь снять наваждение. Но тщетно. Надпись упорно висела перед лицом, куда бы я не повернул голову. В порыве я даже моргнул несколько раз и пытался сбить сообщение рукой.

И вдруг надпись сама медленно погасла.

Два странных типа с интересом, но молча наблюдали за моими метаниями.

— Мухи! — сказал я и для подтверждения еще пару раз махнул перед лицом рукой. Стало понятно, что они никакой надписи в воздухе не видели.

— Ага, мы так и поняли, — сказал бородатый. — Пошли, не гоже тут торчать как зайцы на голой ветке.

Я не придавал особого значения его странной речи. Зайцы на ветке? Что за бред!

Надо позвонить, если тут вообще есть связь. Я хотел достать телефон, но с ужасом обнаружил, что одежда не моя. Грубого покроя простая рубашка, широкие штаны, какие-то странные то ли лапти, то ли мокасины на ногах. После недолгих поисков, никаких карманов я не обнаружил, естественно, и никакого телефона!

— Где мои вещи? — спросил я как можно требовательнее, продолжая висеть у них на руках. Получилось не очень. — Это что на мне надето?

Они переглянулись, глянули на себя — все были в таких же рубашках и штанах.

— Что надел, то и надето, — сказал бородатый.

— Остальные твои вещи дома, — добавил рыжий Митька.

Я не совсем понял, какой дом он имел в виду. То есть, получается, меня дома переодели, пока я был без сознания, а потом привезли сюда, в этот странный лес? Зачем? Ерунда какая-то.

— Вот мы домой придем, и со всеми вещами разберемся, — сказал бородатый и легонько подтолкнул.

Но мое внимание со странной одежды переключилось на другое. Я-то точно знал, что ходить не могу. После, э, в общем, сейчас не помню, но что-то случилось, и ниже пояса у меня ничего не работает. И уже давно. Со стороны похитителей это было просто свинство. Значит, переодеть они меня смогли, а про мою инвалидность они не знали?! Я категорично

возмутился:

— Да я не могу ходить! У меня же ноги! — и замотал головой.

В этот момент перед глазами возникла другая надпись:

Локация Большой Лес.

Уровень 1. Пробуждение

Основные показатели:

Сила 25

Выносливость 15

Интеллект 45

Дополнительные показатели:

Дух 10

Память 05

Миссия: не определена

Это еще что за хрень?! Какие показатели? Какая миссия?

Я снова мотнул головой — и надпись исчезла. Теперь уже по моей воле, получается. Я несколько секунд смотрел в пустоту леса, а потом, чтобы убедиться наверняка, как в первый раз мотнул головой, изображая то ли ответ «нет», то ли жест закидывания длинной челки. Надпись снова появилась. Снова мотнул — исчезла. Ага, это значит, что вот этот жест — вызов меню своих параметров? Никакая это не галлюцинация! У меня в голове какой-то...

Не успел додумать, как в бок довольно ощутимо ткнули пальцем.

— Так что с ногами? — спросил заботливо рыжий, посмотрел вниз. — Отнялись что ли?

— Какие ноги? — не понял я. — У кого отнялись?

— Ты же сам только что сказал, что ходить не можешь...

— Ах, да! — вспомнил я. — Нет! Вернее да, давно! Я инвалид! Где моя коляска?

Совсем у меня в голове все перемешалось! Даже странно, что забыл такую очевидную и ставшую привычной вещь, как свою инвалидность!

— Ну, нет, хватит! — сказал бородатый тревожно. — Это уже перебор. Он что медовуху пил вчера с Пархомом?

— Нет, не пил, — сказал рыжий. — Я с ним был допоздна.

— С каким еще Пархомом! — возмутился я. — Не знаю никакого Пархома!

Они, не обращая внимания на мои брыкания, все же поставили на ноги и вот тут, поддерживаемый этими странными людьми, я вдруг почувствовал свои ноги. Они были живые! Они двигались! Я пошевелил пальцами, поднялся на цыпочки, хотел присесть, но заботливые незнакомцы в голос заговорили.

— Держи, Митька, его! — сказал бородатый. — Кажется с ногами у него точно не все в порядке, заваливаться начал!

— Не надо, Никифор Иваныч, мы поможем, доведем!

Но я их не слышал. Я ликовал, даже слезы из глаз выступили. Ноги стали живыми, я мог ходить, снова, сам! Боже мой, это же чудо какое-то! Как такое могло произойти вообще?! Никакие врачи, никакие лекарства, тренировки, тренажеры не помогали! А тут — очнулся в каком-то странном месте среди странных людей — и оказался здоров! Как?

И что же все-таки со мной случилось?

Меня тем временем по воздуху торопливо несли на руках эти двое. Я сопротивлялся, едва касаясь земли ногами.

— Подождите, э, товарищи! — наконец, возмутился я. — Отпустите меня! Я сам хочу!

— Не время! — возразил бородатый, продолжая тащить меня. — Выродки где-то недалеко, как бы не нарваться!

— Надо уходить, Никифор Иваныч! — согласился с ним рыжий, который Митька, но все же ослабил хватку и дал знак бородатому. — Отпусти, Поликарп.

— Ладно, — цепкий хват бородатого Поликарпа ослаб, но не отпустил полностью. Он тревожно озирался по сторонам.

Я, все еще не веря своим ощущениям, хотел сделать первый неуверенный шаг, но ноги смело потопали вперед по узкой извилистой тропинке, будто и не были обездвижены больше года. Просто сами взяли и пошли! Как ничего и не было: страха, слез, мучений, отчаяния... Я потрогал ладонями мышцы бедер — крепкие, жилистые, жесткие. Подпрыгнул — они слушались, присел глубоко — им хоть бы хны! Чудо!

Может, мне сделали пересадку? Я был без сознания, а потом очнулся тут? Может тут какая-то народная медицина? И эти люди к ним относятся? Я что-то читал в Интернете о таких лекарях-самородках. Я в какой-то закрытой секте? И теперь, вылеченный, стал у них заложником? И чип в голову какой-то вживили между делом наверняка для контроля? Тогда это точно не самоучки, это высоконучная, технологичная вещь — чип в мозгах.

Господи, какая-то ерунда получается!

Но почему же я ничего не помню?

— Ну, все, пошли! — сказал бородатый Поликарп и легонько подтолкнул меня вперед по узкой лесной тропке.

Радость вернувшихся ощущений была такой, что непонимание обстановки и легкая, временная, как я надеялся, амнезия ушли на задний план. Я шел по узкой тропке, отодвигая низкие ветки с крупными листьями, и наслаждался каждым шагом, словно первый раз. Мои попутчики не держали, следовали чуть позади, постоянно озираясь по сторонам. Снова сверху закричала птица, уже ближе.

— Едрён-матрён, — тихо выругался бородатый. — Шевелитесь!

Мы зашевелились. Я стал идти так быстро, что мои спутники едва поспевали. Еще бы! На таких-то ногах!

Но радость от исцеления снова уступила место беспокойству: где я, как здесь оказался? И почему меня называют Никифором, если я на самом деле... а кто я?

Я перепрыгивал сочные лопухи, огибал низкие ветки толстых деревьев, искоса поглядывая на этих двоих. Они даже не смотрели на меня, не боялись, что я ускользну от них в густые заросли и не скроюсь в этих джунглях. Значит, доверяли. Значит, хорошо знали меня. И еще знали, что никуда я от них не денусь. Может, потому что чип в голове дает им возможность контролировать и мое местоположение, как датчик джипиэс?

От очередного вскрика странной птицы я вздрогнул. В спину тихо ткнули: мол, не замирай, торопись, Никифор.

Я знал, был абсолютно уверен, что Никифор — это не мое имя, что первый раз в жизни вообще его услышал, не подозревая, что такие имена бывают. Но меня до дрожи пугало то, что свое настоящее имя я, как ни мучился, вспомнить не мог! Это ретроградная амнезия, вспомнилось мне. Когда ничего из прошлого не помнишь, хотя в данный момент чувствуешь себя вполне нормально. Если так дело пойдет, то завтра я не буду помнить, что было

сегодня?

Тропинка, вилляющая между деревьями, казалась бесконечной. Из-за густой растительности не было видно конца ей.

— А куда мы идем? — задал я очевидный для меня вопрос, остановился и повернулся к ним.

— Домой, куда же еще, — раздраженно произнес Поликарп, наступая мне на ногу. Лапица у него еще та. — Слушай, Митька, что делать-то будем? Ты сам справишься, или к Кондрату его вести?

Митька посмотрел на меня критически, вздохнул, сказал.

— Попробую сам сначала. Не хочу я его сразу к колдуну. Знаешь, ведь, какие у них отношения.

Так, подумал я, значит, у меня тут еще и отношения какие-то существуют. Да еще и с колдунами. И разговаривают эти двое между собой ну так реалистично, будто я на самом деле здесь живу, я часть их секты. Почему же я ничего об этом не знаю?

Здоровяк развернул меня за плечи и толкнул вперед. Мы снова зашагали по тропинке.

Вид у них конечно экстравагантный, как и у меня сейчас. Но угрозы какой-то от них не исходило. По рожам видно — добряки. На похитителей-бандитов уж точно не похожи. Даже наоборот: они спасали меня от каких-то выроdkов. Кто же они?

И за кого принимают меня?

Становилось все загадочнее, но и... интереснее.

И в этот момент я, шествуя, как пленник, по узкой тропке, решил не сопротивляться, а поиграть в эту игру. Тем более что сопротивляться — себе дороже, видимо. Раз они решили, что я свой, но у меня что-то с головой не так, то пусть так и будет. Будем подыгрывать: шел, упал, очнулся — ничего не помню. Тем более что я шел сейчас — сам, на своих ногах, здоровый, как раньше! Если чудо произошло благодаря этим странным людям в этом странном лесу, то хотя бы из благодарности, я поучаствую в этом квесте. Пока. А там видно будет.

Даже забавно, ведь они меня на полном серьезе принимают за другого человека. Брата-близнеца у меня нет, с двойником — чтоб прямо один в один — ну, это один на миллион, если не больше, и это точно не моя история.

В общем, очень много непонятного, что хотелось бы выяснить. Посмотрим, что будет дальше, будем действовать по обстановке, решил тогда я.

Отодвинув очередную лохматую ветку рукой, я чуть не лбом уперся в неожиданно выросшую огромную стену. Шарахнулся назад, посмотрел вверх — передо мной возвышалось грандиозное сооружение из толстых потемневших бревен, поставленных вертикально, плотно подогнанных друг к другу, заточенных наверху, как карандаши, высотой метров пять. Частокол — вспомнилось. Сверху над этим заборищем выглядывал небольшой козырек, под которым появилось бородатое лицо.

За спиной прогудело, я аж вздрогнул.

— Евдоким, открывай! Мы пришли! — гаркнул Поликарп, и подтолкнул меня в спину.

— Ну, слава богам, нашли пропажу! — прозвучало в ответ.

— Вот мы и дома, Никифор Иваныч, — мягко сказал Митька. — Теперь мы в безопасности.

Меня опять перекосило от этого имени, но среагировал на него почти уже как на свое второе. Что ж, раз в этой игре я Никифор, то пусть будет так.

Послышались глухие, тяжелые стуки, и в цельном заборе, не заметная сразу глазу, отворилась нам навстречу тяжелая большая дверь. Высунулся бородатый Евдоким, улыбнулся, отошел в сторону, вздыхая.

— Чего ж тебя, Никифор Иваныч, в Лес-то понесло? Я ж крикнуть не успел, а ты раз — и только рубаха мелькнула! Кричал потом — бесполезно! Эх!

Первый раз я этого Евдокима видел, но он смотрел на меня радостно, заботливо, терпеливо, словно я сын родной ему. И видно, что доволен моему возвращению.

В спину задышал здоровенный Поликарп:

— Заходи скорей, Никифор Иваныч, не гоже в лесу топтаться!

Я опасливо шагнул в широкий створ. Успел заметить невероятную толщину бревен, наверное, метр в диаметре. Митрофан и Поликарп заскочили следом, Евдоким быстро притворил тяжеленную дверь, грохнул запор, что-то лязгнуло. А потом снова эта птица в лесу: крикнула, но как-то уже не строго и недовольно, а будто бы удовлетворенно.

— Уф! — выдохнул Митька. — Успели!

— Ну, едрён-матрён, устроил ты нам передрыгу! — добавил здоровяк, вытирая пот пятерней. — Меня аж в пот бросило! Ха!

— Слава богам, вернулись все живы и здоровы! — сказал Евдоким, дружески хлопнул меня по плечу и стал забираться обратно на вышку по крутой лестнице.

Я огляделся. Внутри эта крепость выглядела не менее экзотически. Узкая улочка — две машину не разъедутся — была плотно заставлена низкими домиками, сложенными из таких же массивных бревен. Между ними были узкие проемы, но покатые крыши сверху смыкались, образуя непрерывную изогнутую линию. Окошки маленькие — вдвоем тесно смотреть в такое, но зато рамы мощные, не перешибешь. Улица была метров сто, не больше, и заканчивалась таким же массивным частоколом, слегка возвышавшимся над крышами домов. За массивным частоколом огромной скалой вставал плотный лес. Я бы даже сказал Лес. Как выяснилось позже, это определение было прямо в точку.

Лес этот, казалось, расцветивался всеми цветами радуги — от черно-коричневых стволов спрятанных за лохматыми ветвями елей, до воздушных белоснежных в крапинку берез. В плотной стене угадывались и дубы, и сосны, и клены — все знакомые. Но поразили меня, прежде всего, размеры этих чудо деревьев — они были просто нереально гигантские! Я даже поморгал, чтобы убедиться в реальности этих монстров. Некоторые ветви, нависающие над селением, были метров по двадцать, и плавно покачивались над жавшимися друг к другу игрушечными домиками. Словно опахало у шезлонга. Казавшаяся еще минуту назад гигантской стена частокола выглядела на фоне гротескного Леса, словно декоративный дачный палисадник. Выше всех были сосны, в сознании всплыло только одно сравнение — величественных стометровых секвой. Но чтобы березки и ёлки были под стать им?

— Ты будто первый раз увидел Лес! — хмыкнул бородатый Поликарп.

Я нехотя оторвал взгляд от деревьев, захлопнул раскрытый в удивлении рот.

Два моих спутника стояли передо мной и открыто ухмылялись. Правда, у Митьки это была скорее усмешка удивления и беспокойства.

— Нам надо домой, Никифор Иваныч, — голос его прозвучал тревожно.

— Ну, идите, лечитесь! — сказал Поликарп, хлопнул нас по плечам, развернулся. — А мне надо своими делами заниматься.

Он широко зашагал по улице. Митька крикнул вслед.

— Спасибо, Поликарп!

Повернулся ко мне, когда бородатый скрылся в незаметном проеме между домами.

— Ты дом-то свой найдешь, Никифор Иваныч? Или все еще не помнишь?

— Не помню, — честно ответил я. — И это, Митька, не называй ты меня по отчеству. —

Потом подумал немного, продолжил. — И лучше по имени тоже, как-нибудь попроще, ну, например, просто Ник. А?

Митька расширил глаза.

— Да как же, просто Ник? Ты же учитель мой. Это неуважение!

— Ну тебя же Митрофаном не называют!

Митька помолчал, внимательно меня разглядывая.

— Или называют? — уточнил я.

— На собраниях общины обязательно всех полными именами называют, которые богами даны, — будто процитировал Митька.

Я сдался.

— Ну, хорошо. Давай так: когда на людях, то я Никанор...

— Никифор, — поправил Митька.

— Ну да, Никифор! А вот, когда мы вдвоем, то давай просто Ник. Договорились?

Митька, наверное, целую минуту думал. Наконец, вымолвил.

— Ну, хорошо... э, Ник!

Я радостно воскликнул, хлопнул его по плечу.

— Ну, вот и отлично! — повернул его вдоль улочки и сказал. — А теперь веди меня домой! Который тут мой особняк?

— Там! — указал Митька и двинулся вдоль улицы.

Я пошел рядом, буквально пожирая глазами все, что мог. Все было слишком необычно, непривычно.

Как я сразу понял, поселение было небольшим по площади, но очень плотно застроено. То ли это как-то связано с экономическими претензиями, то ли этот чудной и жуткий Лес не давал развернуться. В общем, это для меня было пока не понятно. А заваливать вопросами сейчас и без того обалдевшего Митьку я не стал. Точно решит, что я поехал крышей. А это чревато другими последствиями — запрут меня еще в сарае, как умалишенного. Поэтому надо действовать хитрее: делать вид, что я Никифор, но только головой ударился, а потому потерял память не всю, а только частично.

План был интересный, но все равно очень опасный. Необходимо было не только словами, но и глазами, жестами не выдавать себя.

На краткий миг я даже подумал, что, может, я на самом деле Никифор...

— Ну вот, пришли, — сказал Митька и указал рукой в узкий проход между домами.

Я уставился на проход, разделяющий почти одинаковых два дома. Разница была только в наличниках на окнах. Слева были резные, красиво разрисованные цветами и бабочками, под окном пристроен прямоугольный горшок с пышными цветами, а справа простые, окрашенные в темно-зеленый и изрядно выцветший.

Митька посмотрел по сторонам, подсказал шепотом:

— Твой вот этот, справа.

Я улыбнулся.

— Конечно! Я так и понял! Точнее, я так и помню! Ну не с бабочками же!

Митька тоже неловко заулыбался. Посчитал, видимо, что я так шучу.

— Ну, тогда я пойду? — спросил он, тут же поправился. — Но зайду попозже, хорошо?

— Да, конечно, Митька, иди. Тебе ведь тоже домой надо, покушать там и прочее. За меня не переживай! Мне уже получше, правда!

— Точно? — засомневался Митька.

— Точно! Все я вспомню, будь уверен! Вот и дом свой почти сразу вспомнил! Дай время, заживем лучше прежнего!

— Ага, — промолвил Митька, криво усмехнувшись.

— Иди, — сказал я.

Митька повернулся и пошел дальше по улице. Я стоял, наблюдал за ним, глупо улыбаясь, пока он не скрылся за поворотом. Четыре раза обернулся.

Когда я остался один, меня сковал страх.

В чужом странном мире, в чужом теле стоял я перед чужим странным домом, не решаясь сделать первый шаг. Страшный огромный загадочный лес плотной молчаливой стеной окружал это скромное средневековое поселение.

Вдали послышались чьи-то голоса. Я вздрогнул. Отвел взгляд от Леса. Из-за поворота, метрах в тридцати вышли две тетки: в рубахах до пола, с заплетенными в длинные косы светлыми волосами. Руки оттягивали громоздкие деревянные ведра. Нет, бабу с ведром мне сегодня точно не надо.

Я повернулся к дому, сжал кулаки, резко выдохнул и шагнул в узкий проем словно в кроличью нору.

Глава 2.

Проход был узкий, вдвоем не разойтись. Я шел по твердой вытоптанной тропке в тени смыкающихся крыш. Массивные бревна домов, образующие стены прохода, отполированы до блеска, что, по моему разумению, означало одно — строили их давно и основательно, это не бутафория. Я постучал костяшками пальцев по стене — она была словно каменная, настолько твердая.

Хорошее дерево, прочное, массивное. Дуб, что ли?

Через шагов десять за углами домов тропинка расходилась. Слева было резное, раскрашенное крыльцо соседей, а справа — скромное и непритязательное, стало быть, мое. Сразу за домами простиралось поле, которое метров через тридцать-сорок заканчивалось у массивной стены общины — частокола, за которым возвышался сосновый бор. Из леса доносилось птичье многоголосие. Я задрал голову, чтоб поверх деревьев-гигантов посмотреть на небо, аж в шее что-то хрустнуло. Небо, из того, что можно было увидеть, обычное — голубое с редкими тучками, медленно плывущими на ослепительном бирюзовом фоне. Где-то в вышине парила птица. В углу частокола ютилась смотровая башенка с плоской крышей. Вдоль забора были установлены мостки, похожие на строительные леса, по которым можно было, видимо, обойти все поселение по кругу. Справа бросилось в глаза торчащее над домом сооружение, напоминающее ветряную мельницу. Ну да, если есть пшеница, то и мельница должна быть для перемалывания зерен в муку.

Что росло на поле, я не понимал, но что-то вроде пшеницы или ржи. Я не удержался и потрогал спелые набухшие колосья. Пухлые, как бобы. Никаких овощных грядок, картошки, зелени даже чего-то вроде лука или укропа. Просто пара шагов — и ты по грудь в поле зерновых. Странно как-то, а чего они едят, кроме хлеба?

Я повернулся к «своему дому». Пара ступенек крыльца и массивная дверь с деревянной ручкой. Потянул ее на себя — тяжелая дверь отворилась с тихим поскрипыванием. Я обернулся на соседнюю дверь — вдруг услышат, выйдут здороваться, а я еще не готов знакомиться с новыми-старыми соседями. Впереди открылся мрачный тамбур с двумя дверями — прямо и направо. Ну, направо, это в дом, понятно. А это что за дверь? Кладовка или туалет, наверное. Я торопливо шагнул в тамбур, осторожно прикрыл за собой входную дверь. И оказался в полной темноте. Лишь над дверью тускло светило маленькое окошечко, мутно затянутое какой-то пленкой. Зачем-то постучал в косяк двери, дернул ручку и, опасливо озираясь, шагнул в дом.

— Эй! Есть кто-нибудь? — спросил я в пустоту «своего» дома.

Наверное, очень бы удивился, если бы кто-то мне ответил.

После угнетающего молчания в ответ, я смелее прошел в комнату. Даже для смелости что-то стал насвистывать в тишине.

В доме было немного светлее, благодаря окнам. Но все равно находились темные углы полные разных для меня неожиданностей.

Дом изнутри оказался меньше, чем казался снаружи. Я отнес это прежде всего к толщине бревен, из которых он был сложен. Если по наружному периметру дом был ну, семь на семь метров, примерно. То внутри пять на пять. Эти исполинские бревна были просто

нереальными. Где-то в памяти всплыла картинка обычных деревенских бревен для сравнения. Но здесь — три бревна от пола до потолка! И зачем? Изнутри бревна были слегка срезаны, чтобы стена выглядела более плоской, а не с такими бочкообразными округлостями, как снаружи.

Планировка дома была проста до невозможности. Посредине белела печь, за ней импровизированная кухонька, в единственной комнате стол, пара табуреток, лежак с комом постельного белья и пушистой подушкой. И еще на полстены — стеллаж. Точнее, деревянные самодельные полки, но полные разных книг. Я аж рот открыл. Как-то неожиданно в средневековой деревне-крепости увидеть внутри деревянного дома такую кучу книг! Я подошел ближе, водил взглядом по полкам, ухватывая глазами названия — чего тут только не было! Учебники по математике за второй класс соседствовали с астрономией за одиннадцатый, советская фантастика с советской же энциклопедией, справочник по русскому языку с тонкими томиками детективов, тут же множество разных справочников по агрономии, стопки журналов по садоводству.

Я почесал затылок. Это что же — все мое?

Насколько я себя помнил — науками сильно не интересовался. Ну, фантастику почитать, или там фэнтези — это да, интересно. Но вот агрономию или астрономию?

Кто же этот парень, за которого меня принимают?

И я вспомнил, что эти два субъекта меня все учителем величали.

Что, серьезно?

И учитель чего? Всего? И ботаники, и астрономии, и русского языка? Не многовато ли для одного человека? Я же не полиглот какой-то в этом теле? Или...

Ладно, решил я, по ходу дела разберемся. Может, это все не мое, а я лишь этот, как его, библиотекарь, а? Архивариус, етить! Просто храню у себя книги раритетные. Или вообще собиратель всякого барахла, что другие выбрасывают. Этаким коллекционер, библиофил. Учитель, ага, сейчас. Это может кличка такая вообще! Чудак такой, что нахватается разных ненужных знаний, и ходит потом перед деревенскими девками, выделяется: а знаете, что это за цветок, а знаете, что это за звезда?

В таком приподнятом настроении уже смелее, с улыбкой на лице, я подошел к полкам, выбрал одну из книг Стругацких в потертom переплете, развернул и двинулся к кухне: пить захотелось.

Пролистывая пожелтевшие, мягкие страницы я, не глядя, взял с полки кружку, поставил рядом с крынкой на столе. Так же, не отрываясь от текста — нравился мне этот момент, когда дон Румата выругался по-русски, — налил воды и только потом остановился. Опустил левую руку с книгой, посмотрел на стол. Протянутая было к кружке правая рука задрожала. Я понял, что производил эти действия автоматически, не думая. У меня сработала мышечная память. Но как? Ведь я же не Никанор, то есть, Никифор — да какая разница! Я — не он! Я не тот, за кого меня принимают. Но как тогда объяснить только что случившееся?

Книжка выскользнула из руки и с шуршащим стуком упала на пол. Я сел на табурет.

Неужели, я все-таки Никифор?

И тут в дверь постучали.

Я вздрогнул, сказал не своим голосом:

— Открыто!

Входную дверь с кухни из-за печки мне не было видно. Но только скрипнули петли, как прозвучал извиняющийся голос Митьки.

— Это я, Никифор Иваныч! Э, то есть Ник!

— Заходи, Митька, я один. И я немножко в шоке.

Митька зашуршал обувью, тихо прошел на кухню, скрипя половицами.

— А вы не разувааетесь, э, Ник? — спросил он, кивая на мои ноги.

Я и не заметил, что сижу в этих местных мокалинах. Да куда там об этом думать!

— Не хорошо это, в обувках-то, — укоризненно добавил он.

— Да что ты, в самом деле, — ответил я с какой-то горечью в голосе, но, тем не менее, сразу скинул обувь, отпихнув ее к печке. — Разве это важно, а?

Митька вежливо промолчал.

— Тут такие дела творятся, а ты про обувь!

Митька поднял с пола книгу, аккуратно закрыл, положил на стол, налил мне в кружку воды из деревянного графина.

— Вы попейте водички, она целебная, — сказал он, двигая ко мне по столу кружку.

— Ага, чтобы я вообще козленочком стал! — вырвалось у меня.

Митька криво усмехнулся.

— Да что вы! Как можно! Да чтобы я...

— Да ладно, я пошутил.

Я осушил кружку за секунду. Просто выплеснул в себя жидкость.

И какой же вкусной, густой, живительной она оказалась! Я даже на миг забыл обо всем — такая вода, просто вода, разливаясь по телу, наполняла силой, энергией, получше каких-то там энергетиков! Никакого кофе не надо — стакан чистой воды — и ты готов горы свернуть! Даже мозги будто прополоскало, мысли стали яснее, взгляд и слух острее.

Я взял графин, заглянул внутрь, понюхал. Вода как вода.

— Это что, живая вода какая-то? — спросил я.

Митька пожал плечами.

— Обычная вода, колодезная. С тобой точно все хорошо, Ник?

— Хорошо, — ответил я, наслаждаясь необычными ощущениями. — Теперь даже лучше!

Митька помолчал минуту, критически меня оглядывая.

— Может, все-таки к Кондрату ходим? — выдал он. — Не нравится мне твое состояние. Вообще ничего не помнишь?

Перспектива встретаться с Кондратом меня не радовала. С колдунами у меня как-то не очень, не доверяю я им. А в этом месте — то ли в прошлом, то ли в будущем, то ли вообще в каком-то параллельном месте — тем более. Чувствую, что этот Кондрат не какой-то шарлатан, а настоящий колдун.

Тут этот самый ЛЕС снова напомнил о себе воздушной вывеской перед глазами.

Уведомление от ЛЕС:

Вы обрели знания о бесплатном источнике энергии.

Так как Вы использовали его впервые, Ваши показатели улучшились на:

Сила +5

Выносливость +10

Интеллект +10

Дополнительные показатели:

Дух +3

Так, а потом не будут улучшаться что ли? Меня что, живая вода один раз только заэнергетила?

ЛЕС тут же ответил, что, мол, в дальнейшем улучшения будут незначительны, и эта информация не будет отображаться. Вот так.

Я тряхнул головой, надпись теперь исчезла живее, и я вернулся к разговору, как ни в чем не бывало.

— Нет, Митька, — ответил я как можно увереннее. — Мы к Кондрату не пойдем. Я без него все вспомню, уверен. Это у меня временная амнезия, я же знаю! — я постучал себя указательным пальцем по виску, кивнул на полки с книгами. — Ну, и ты мне поможешь, подскажешь на первых порах. Договорились?

Я протянул ему руку для пожатия.

Митька сомневался, посмотрел на полки забитые разными умными книгами, справочниками, пособиями. Прямо видно, как у него мозги в черепной коробке шевелились.

Я добавил.

— Давай так: трое суток без колдуна попробуем, а если уж совсем никак, то тогда пойдем. Ну?

— Хорошо, — наконец согласился Митька. Мы пожали руки, скрепляя договор.

Про себя я облегченно выдохнул. Надеюсь, трое суток мне хватит, чтобы разобраться в этой ситуации. Понять где я, что это за ЛЕС такой, как тут оказался, и как вернуться назад. Ну, а самое главное, на что я надеялся, что ко мне вернется память...

И многие вопросы я рассчитывал получить здесь, в этом лесу, у этих туземцев (или сектантов). Кстати, одним из которых, являлся Митька — приятный такой, вежливый, неглупый паренек. Надо только узнавать то, что мне надо, как можно аккуратнее, тоньше. Ведь они-то думают, что я Никифор!

— Слушай, Митька, жрать чего-то охота! — сказал я, хлопнув по коленям ладонями и вставая. — И вообще, что это за лес такой странный вокруг? В какой это части света такие деревья вымахали? Так есть чего пожрать?

Митька ничуть не заподозрил моего тонко выстроенного хитрого диалога. Сказал, ткнув на печку пальцем.

— Так вон же у тебя картошка в чугушке стоит на плите. И с мясом, наверное, если ты вчера не съел. Ты же при мне вчера варил!

Он замолк, перевел на меня вопросительно-подозрительный взгляд, сдвинул брови.

— Или ты не помнишь?

Я отмахнулся, хохотнул неумело:

— Да помню я! Чего ты, шуток не понимаешь! Конечно, варил! Вчера!

Я пошел к печке, чтобы еще и уйти от пристального Митькиного взгляда, поднял крышку, глянул внутрь. Из чугушка на меня смотрели три репы и одна квадратная темно-серая штука. Пригляделся: квадратная — это шмат мяса. Я взял его рукой, понюхал — похоже свинина — откусил. Сочная, хоть и холодная, мякоть таяла во рту, жир потек по губе, я быстро подхватил его языком.

— Вкуфно, зафаза! — прошамкал я полным ртом. — А фетьку я фе фублю!

— Какую редьку? — удивился Митька, подошел, заглянул в котелок. — Ха, Никифор Иваныч, опять шутить изволит! Картошку редькой называет!

Я остановил жевание, строго посмотрел на Митьку.

— Мы же договорились, что между собой — Ник!

— Ой, да, Никиф... Ник! — пробормотал Митька, покраснев. — Просто шутка такая, и...

— Да какая шутка-то! Что это за картошка такая?

— Да обычная картошка, чего Вы! Редька-то — во! — Митька изобразил руками примерно арбуз.

Я перестал жевать на секунду, потом взял себя в руки, заулыбался как можно шире.

— Так конечно! — хлопнул Митьку по плечу. — А удалась шутка-то? А?

Митька скромно улыбнулся, махнул рукой.

— Да ну Вас... тебя, Ник! Шутки у тебя... Раньше так не шутил!

— Да? — спросил я серьезно. — А что, грустный был, потому что умный? — и кивнул на стеллажи с книгами.

— Да нет, конечно. Просто не так часто и не так, э, весело что ли...

— А как? — спросил я, непринужденно откусывая снова. Очень интересно стало узнать об этом Никифоре как можно больше.

— Ну, — Митька задумался, почесал подбородок, глядя в потолок. — Ну, как-то не так смешно, и не про еду или там про отнявшиеся ноги.

— Понятно, — сказал я, загребая из котелка не уместающуюся в ладони «картошку». — Это пройдет, уверен.

Я понюхал, лизнул, откусил — и правда картошка. Ароматная, рассыпчатая, крепкая какая-то, плотная. Одним словом — не городская. А какая, тут же подумал, деревенская? ГМО что ли? Пестициды? А, плевать, жрать охота, а эта простая еда будто создана для простого, незамысловатого поглощения. Именно не для гурманства, а элементарного и быстрого насыщения тела необходимыми для жизнедеятельности калориями.

Блин, во я загнул! Никифор что, на самом деле умный такой?

Уж точно не я...

Стоя так, держа в одной руке шмат мяса, в другой картофелищу, откусывая по очереди и не без удовольствия жуя, спросил.

— Так ты мне про лес не ответил, Митька! — потом подумал секунду, добавил, кивнув на книги. — Что мы там по ботанике изучали?

— Да Вы что, Никифор Иваныч, я ж это в каком году-то проходил!

Я строго посмотрел на него, пропустив мимо ушей, что он опять меня по этому дурацкому имени-отчеству прозвал. Ну, думаю, молча прощу, я ж сейчас учителя включил, вот он и отвечает, как ученик.

— Ну, что помню, — промямлил он. — Ну, мы живем в средней полосе, климат обычный.

Он посмотрел на меня. Я кивнул, мол, продолжай, правильно пока.

— Э, ну что еще. Много лет назад была Большая Вспышка, почти все погибли. Зато Лес стал развиваться и стал главным на Земле, поглотив всё, что создало Человечество — города, заводы. Вот.

Я перестал жевать, медленно кивнул: дальше?

— Ну, и сейчас кроме Леса ничего больше нет! Людей почти не осталось. Много погибло сразу, многие изменились. Но вот такие, как мы — остались чистыми, потому что Лес нас спас. Он нас охранил от заразы, и мы ему благодарны за это!

Я положил остатки еды обратно в котелок, вытер руки о рубаху, опустился на стул. Прижал трясущиеся ладони к коленям. Чтобы Митька не видел моего испуганного, ошеломленного взгляда, опустил взор в пол. Между ног пробежало мелкое насекомое, отдаленно напоминающее таракана.

— Что-то не так, Ник? — спросил Митька, присаживаясь напротив.

— Все так, правильно, Митька. Садись — пять.

Кашлянул в кулак и, не поднимая глаз, задал второй вопрос.

— А почему все такое большое, а, Митрофан?

— Так, это, — невозмутимо продолжил мой ученик. — Цивилизация когда вся погибла, то через сколько-то там, не помню, сотен лет кислорода стало больше, ну и, поэтому все стало лучше расти. Но, это только предположение, научно, само собой, не доказано. Вот.

Я молча поднял на него взгляд. Митька улыбался. Потом задумался и добавил.

— А еще, я вспомнил, есть мнение, тоже научно не доказанное, а только подтвержденное на практике, что после Вспышки произошли сильные мутации, как среди животных, так и среди растений, и поэтому тоже все стало быстро расти, меняться. Мне, честно говоря, эта гипотеза нравится больше.

— Это почему?

— Потому что на самом деле много новых форм и видов появилось. Животных, растений, в общем-то, всего живого. И даже неживого. И до сих пор появляется. Многие виды обрели новые способности. Например, зайцы еще в позапрошлом году на деревья не прыгали, а теперь — нате! Думаю, они из Черного леса сбежали. Ну, как-то так. Вроде.

Етитское мясо, подумал я, это ж куда меня, к чертовой бабушке занесло? Вспышки, кислород, мутации, зайцы древесные. Вот почему деревья большие! Кислород и мутации! Твою ж дивизию!

Но как? Как я-то сюда попал? Я же из этого, как его, двадцатого? Или уже из двадцать первого века? А сейчас тогда какой, если Вспышка была сотни лет назад?

— Молодец, Митька, — проговорил я как можно спокойнее. — А какой сейчас год? Это, так сказать, уточняющий вопрос.

Митька покраснел. Ответа не знал, что ли? Смотрел на меня странно, но, не заметив подвоха, отчеканил с серьезным видом.

— Триста семнадцатый год от Нового Сотворения!

Я просто упал лицом в ладони. Чтобы не показывать улыбки.

Что это за год!?

Не-е-ет! Из нас двоих кто-то точно сошел с ума, и я подозреваю, что все-таки не я! Как я этого боялся, но теперь точно уверен — это секта!

Придумали конец света, ушли эти отшельники в лес, надели на себя тряпье какое-то, придумали себе новые летоисчисление, веру, правила!

Все сходится! Точно!

И меня сюда притащили! Сволочи!

Но зачем же я им тут нужен?

Странно. Загадочно.

И тревожно.

Еще и вылечили меня. Я же точно помню, что ходить не мог!

Хотя, с одной стороны, деревья-то на самом деле какие-то нереально большие. С другой стороны, я что в тайге сибирской был? Нет. А там эти кедры только так растут, наверное, в

глуши где-нибудь, где не ступала еще нога нормального человека. Ясно, что эти сектанты забрались в непролазную глушь — тут к гадалке не ходи. В уме всплыла карта России, где «цивилизованно» заселена только пятая часть до Урала, а дальше — этот самый бесконечный Лес! У нас Россия-матушка бескрайняя! Наверняка еще много где никто не был, и между городами сотни, а то и тысячи километров! И экология, кстати, там тоже нетронутая выхлопными газами!

Но какие-то сомнения все же одолевали меня. Были нестыковки в этой логике.

Я же точно знал, что жил не в тайге, в глуши.

Как же я здесь оказался?

Но такой конкретно провоцирующий и компрометирующий вопрос я задать улыбающемуся Митьке не решился. Когда нормальный человек серьезным голосом, в интеллектуальной беседе задает настолько глупый вопрос — это как-то сразу прямая дорога к психиатрам в палату к Наполеону...

Митька тронул меня за руку.

— Ник, тебе надо на собрание идти. Время!

И кивнул за окно.

Я проследил за его взглядом. Через мутное стекло ничего, кроме очертаний соседнего дома не увидел. Спросил.

— Какое собрание? Что-то я задумался...

— Так это, как же, собрание Совета Общины!

— А! — сделал я вид, что вспомнил. — Точно! Сегодня же это, как его? — я пощелкал пальцами, будто вспоминая.

— Конец первой десятины Четверихи! — подсказал умный Митька.

— Так, не понял! День-то какой, дата?

— Десятуха! — ответил Митька, глянув на меня подозрительно.

— А! Точно! — воскликнул я, улыбаясь как можно шире. Хотя сам ну ни черта не понял.

Глава 3.

— Пойдешь со мной! — не терпящим возражений тоном сказал я, поднимаясь.

Митька вскочил следом, замотал головой.

— Мне нельзя! Я не в Совете!

— Ничего! Я договорюсь! — закончил я, подхватил свои мокасины и двинулся к выходу.

Митька засеменял позади, что-то бормоча себе под нос. Я его не слушал. Митька мне сейчас нужен. Простой и доверчивый ученик, смотрящий учителю в рот, подскажет что и как. Без него я точно влипну, выдам себя.

Мы вышли из дома, я огляделся. Я даже не знал в какую сторону идти, где там у них Совет собирается. Кто в него входит, как кого зовут. Да и вообще, не мешало бы небольшую экскурсию провести по этому сектанскому общежитию.

— Ну, Митрофан, веди давай! Рассказывай, показывай! — сказал я, интуитивно шагнул в сторону центрального перекрестка.

Митька пошел рядом.

— А что рассказывать?

— Да все! — сказал я. — Я же почти ничего не помню, мне чтобы быстрее восстановить память, надо опять про все рассказывать! Что тут непонятного?

— А! — ответил Митька, почесал затылок, огляделся. — Но я не знаю, что рассказывать. Вы, э, ты лучше спрашивай, а я буду отвечать!

— Ладно, — согласился я, делая вид, что немного не доволен. — Пусть на этот раз будет по-твоему.

И так, шли мы по узкой улочке, плотно заставленную домами из толстых бревен, укрытых под одной крышей. Некоторые дома выделялись размерами, такие как мельница, которая лениво крутила широкие лопасти под легким ветерком. Под большинством окон были горшки с цветами. Пахло навозом, где-то из двора замычала корова, закукарекал петух, мужик какой-то гаркнул замысловатым матом на тупую курицу. Голоса и запахи заполнили деревню-крепость вроде обычными, но какими-то плотными и сочными звуками. И я понял, почему, когда мы вышли на центральный и единственный перекресток. Все поселение состояло из двух пересекающихся под прямым углом улиц. Симметричные улицы заканчивались тупиками с высокими частоколами. Два были с выходами, а два заканчивались домами. Длина обеих улиц не превышала ста метров. Сделав нехитрое вычисление, я пришел к выводу, что община, если она имела форму квадрата, занимала примерно один гектар площади. И само собой, максимально использовался каждый квадрат драгоценной земли. Это, исходя из информации, которую предоставил Митька, о том, что вокруг только Лес. И этот Лес на самом деле очень давил своей массой, размерами. Я посмотрел над крышами домов, задрал голову, чтобы увидеть кроны деревьев: в центре поселения мы с Митькой выглядели, как два муравья в высохшем колодце.

Людей, как ни странно, видно не было. Только в одном тупике перпендикулярной улицы я заметил группу разновозрастных детей, увлеченно спорящих между собой.

В центре перекрестка обращал на себя внимание широкий метра два в диаметре заляпанный пень, вокруг которого были вытоптаны два круга.

— Это что, лобное место? — спросил я.

— Нет, жертвенный стол, — ответил Митька.

Ну, все ясно, еще одно подтверждение секты.

— Животных тут режете?

— Ну да, — удивился Митька. — И не только животных. Да ты и сам тоже... не помнишь, что ли?

По спине пробежал холодок. Нет, я понимаю, что сектант Никифор тоже должен принимать участие в этих языческих ритуалах. Но только не я! Я вообще крови боюсь!

— Что-то припоминаю, — прошептал я, огляделся.

— А почему людей не видно? Сколько вообще жителей у нас? По виду довольно плотно все застроено.

Митька тоже огляделся по сторонам, пожал плечами.

— Так все делами заняты, кто не на собрании, чего ж удивительного! Общий выходной у нас только завтра, в конце десятины! А население у нас сегодня... сто шестьдесят два человека! Позавчера Парасковия-молочница принесла двойню! Не помнишь, как поздравлять ходил?

Конечно, я не помнил!

— Припоминаю, — ответил я.

Значит, сто шестьдесят два человека на примерно полсотни домов. Да, плотненько живут, сектанты, коммуна настоящая. И как они кормятся?

— А что, Митька, кроме поля, что у меня за домом, есть еще посадки? Может, где-то в лесу?

— Не, ты что! В лесу мы только мед берем, да ягоды-грибы. Там ничего садить нельзя, Лес не дает! Ну, еще на реку ходим за рыбой. А так все здесь, в Общине растим. И курей, и поросят, и коров. И огороды-зелень всякая.

Он коротко объяснил мне, как у них тут все устроено. Все встало на свои места. Удивило, конечно, одно — урожайность. Все здесь не просто огромного размера, оно еще и растет быстро! За теплое время года, а у них это с конца вторихи и до пятерихи, они собирают по четыре урожая! А пастбище для коров-свиней размером в пять соток, способно прокормить сорок голов скота тем, что каждое утро на нем вырастает новая кормовая трава!

Конечно, поверить в эти Митькины рассказы с ходу было трудно. Но они только укрепляли совершенно невероятную версию о том, что это не просто какая-то затерянная в глухой тайге сектанская община. Слишком много всего прочего говорило о том, что это вообще какой-то другой мир. А, учитывая, что у меня в голове еще и какой-то чип вживлен, то все это как-то больше смахивало на отдаленное постапокалиптическое будущее.

В самом деле, поверить в попадании в будущее для меня было вероятнее, чем в параллельный мир. Хотя и то, и другое еще пару часов назад казалось фантазией пациента желтого дома для душевнобольных...

— Ник, нам надо на собрание, — напомнил Митька. — Оно уже началось. Ну, если вопросов больше не осталось.

Я глубоко вздохнул, кивнул. Внимательно посмотрел на Митьку, пытаюсь понять, чем же люди будущего отличаются от моих современников?

Ничего особенного не углядел. Люди, как люди. Хоть и сектанты.

— Что-то не так? — спросил Митька.

— Все нормально, Митька, пошли.

Я подождал секунду, пока Митька задаст курс движения, пошел рядом.

Идти не пришлось долго. Здание, где проходило собрание Совета, было на углу, буквально пара шагов. Оно ненамного, но все же отличалось от других одноэтажных построек поселения. Выше примерно на пару метров, оно имело так называемый цокольный этаж. Митька объяснил, что собрание проходит как раз внизу, а сверху живет теперешний Глава Общины — Захарий Панкратович. Это, так сказать, административное здание с муниципальным жильем. Вход в администрацию, в отличие от остальных жилых домов, был с улицы. Небольшое крылечко было прикрыто массивным козырьком.

— А почему тут все такое огромное? — задал я очередной вопрос. — Дома из таких огромных бревен, навесы массивные, крыша из таких толстых досок. Никакой экономии древесины!

— Так оно же понятно, Вы чего, Никифор Иваныч! — округлил глаза Митька. — Морозы зимой такие, что глаза застывают на ходу, а снега наваливает — во!

Он показал рукой примерно под крышу соседнего домика. Ну, до крыши там метра четыре. Нормально так снега, в общем. А насчет температуры... это сколько градусов, когда глаза застывают? Сорок, пятьдесят? Я что, в Якутии? Нет, опять же до этого он говорил, что средняя полоса. Хотя в Якутии же тоже есть средняя полоса.

В общем, я в очередной раз кивнул, будто все понял-вспомнил, и мы шагнули в полумрак Дома Советов.

Узкая скрипящая лестница из тамбура в открытую дверь убегала прямо вниз, исчезая в темноте полуподвала. На нижних ступенях играли красноватые огоньки искусственной подсветки. Дверь справа, плотно закрытая, надо полагать, вела в апартаменты местного главы поселения. Никаких надписей, типа «зал заседаний» и «глава секты», не было. Подумалось, а вообще они грамотой владеют? Но тут же осёк себя — куча книг в моем доме и должность учителя — разве не доказывают однозначного ответа. Хотя, какой из меня учитель...

Дверь в обитель главы секты распахнулась, и перед нами возникло чудо природы. Раскрасневшаяся блондинка с косой до попы, вырезом в простом платье не особо скрывающим потрясающую высокую грудь, замерла на нижней ступени. Голубые огромные глаза округлились при виде меня.

— Здравствуйте, — выдавил я почему-то краснея под ее сжигающим и пожирающим взглядом.

— Доброго дня, Полина Захарьевна, — пробормотал Митька, прячась за мою спину.

— Здравствуй, Митрофанушка, — пропело женское чудо природы, продолжая сверлить меня взглядом. — А что у нас Собрание не для всех? А, Никифор Иваныч?

Я с трудом отлепил от нее взгляд, посмотрел на Митьку: мол, скажи чего-нибудь.

Он кивнул.

— Так вот мы и спешим!

— Ага, спешим, Полина Захаровна! — повторил я, делая шаг к подвалу.

Она шагнула наперерез, встала вплотную. Тепло и мятный аромат обдали меня как облаком, я прижался к косяку. Она провела теплой рукой мне по волосам, щеке, прошептала.

— Только не Захаровна, Никифор Иваныч, а Захарьевна! — ее пышная грудь была в сантиметре от меня, от ее дыхания дрожали ресницы. — Что у нас, Митрофанушка, учитель еще не в себе, раз взял тебя с собой?

Митька, слава ему, оттянул меня от гипнотического взгляда этой бестии на лестницу,

закрыл собой.

— Все хорошо у нас, Полина Захарьевна, — сказал он, — Оклемается к вечеру, край к завтраму!

— К завтраму! — повторил я.

Полина протянула грациозно руку, задела пальцем кончик моего носа.

— Ой, смотри, Никифушка, допрыгаешься! Меня Кондрат давно замуж зовет, а я вот, как дура, все от тебя слов приятных жду! — она театрально вздохнула, выпорхнула, исчезла из вида. С улицы услышал ее звонкий голосок: — Да видно не дождусь!

Как только парализующий взгляд блондинки отпустил меня, я развернулся и неловко зашагал по лестнице.

На середине пути я остановился, повернулся и спросил у Митьки шепотом.

— Это что за чудо такое колдовское?

— Так это Полина, невеста Ваша, Никифор Иваныч, — ответил он, улыбаясь. — Что к ее не помните?

Я нервно замотал головой.

— Ха! — усмехнулся Митька. — Видать крепко Вас долбануло, раз первую красавицу в общине из памяти вышибло!

Я вытер пот со лба, продолжил спускаться.

Ну, надо же, первая красавица! И моя невеста!

Хотя, стоп! Ведь не моя, а этого везунчика Никифора.

Но тогда почему меня так в пот бросило? Или что-то от Никифора во мне все же есть?

Ошалевший от еще одной новости, я продолжил медленно спускаться. Голоса, жарко обсуждающие что-то, нарастали. Может, мне как раз кости промывают? Но, ступив в небольшое, душное помещение с низким давящим потолком, озаренным несколькими лучинами, услышал.

— ...как у тебя, Поликарп Игнатьевич, обстоят дела с оружием? — спрашивал крепкий мужик во главе стола, поглаживая аккуратную белую бородку.

Перед ним на столе лежал толстый открытый журнал, на краю горела лучина. Он перебирал пальцами палочку, заменяющую карандаш. Слева чуть позади, привалившись к стене, понурив голову, дремал древний усохший старик, откровенно похрапывающий в жидкую длинную бороду. Лицом к председателю собрания и спинами ко входу на длинных в четыре ряда лавках сидели около двадцати человек, в основном мужики.

Я остановился в дверном проеме в тот момент, когда со второго ряда поднялся знакомый мне бородатый гигант Поликарп, кашлянул в кулак, прогремел.

— С оружием все хорошо, Захарий Панкратович! Копья и стрелы заготовлены в достаточном количестве. Сегодня к вечеру закончим еще четыре самострела.

— Маловато будет, — сказал Захарий. — Надо бы с запасом. Сколько нынче выродков по лесу шляется, мы не ведаем. Карыч, конечно, предоставил нам кое-какую информацию, но, сами понимаете, она ведь только приблизительная.

— Так оно так! — согласился Поликарп.

Я повернулся к Митьке, шепнул на ухо:

— А этот Захар случаем не папаша Полины?

— Он самый, — кивнул Митька.

Опа-на! Вот так влип этот Никифор. Динамит дочку главы поселения. Ну, крепкий орешек... и совсем безумный!

Тем временем Захарий продолжал:

— И еще с пулями, насколько я знаю, не все хорошо, да?

Поликарп, как нашкодивший пацан, опустил взор, почесал затылок, помялся.

— Это да, Захарий Панкратович! Железное дерево кончается, надобно в Лес идти. Мы конечно, накатали сколько могли пуль...

— Сколько?

— ...Э, сотни две точно есть...

— Это же только пару раз отбиться от отряда в десяток выродков!

— Да я знаю. Поистратили дерево на мотыги. Овощники опять попереломали все. Идти надобно в Лес. Сегодня вот собирались...

— Сегодня нельзя! — обрезал Захарий. — Выродки близко, наверняка засаду устроили.

— Может через реку пробраться!? — выкрикнул кто-то с места, подняв руку.

— Ага, а там засады не может быть? — оборвал его сосед. — Они хоть и выродки, но не тупые!

— Я согласен с Амбросием Варламовичем! — сказал глава. — А к тебе, Пархом Кастрामич, другой вопрос будет!

Пархом, как ответчик, поднялся, оправил широкую рубаху на необъятном животе.

Захарий продолжил.

— Сколько медовухи вчера с Никифором Иванычем выпили?! — пророкотал глава и хлопнул ладонью по столу.

— Да нисколько! — провопил Пархом, воздев руки к потолку, затряс брюхом. — Наговор это все! Я и не был у него вчера! Боги свидетели!

— И я! — крикнул за моей спиной Митька. — Захарий Панкратович, я был у Никифора Иваныча весь вечер, мы молекулярную биологию повторяли! — и выступил вперед меня, выйдя из тени и оказавшись в бледных отблесках натуральной подсветки. Со спины рыжая копна волос вспыхнула костром.

Ну, Митька загнул — молекулярную биологию! Что, серьезно, что ли? Видимо да, судя по молчаливой реакции зала.

Чувствую, пора и мне показаться. Встал рядом со своим учеником, проговорил как можно тверже и увереннее.

— Напраслина это, Захарий Панкратович! Не пил я! И Пархом Касторович не при чем Биологией весь вечер занимались, точно! И спать рано лег!

Захарий заулыбался, поднялся с места. Старик рядом с ним поднял голову, блеснул щелками глаз из-под густых белых бровей. Все сидящие спиной обернулись.

— Ну, наконец-то! — произнес Захарий. — Рад, что жив-здоров учитель наш!

Все поддержали его радостным гомоном, хлопками. Только Поликарп пробасил.

— Слышите! Он его Касторовичем прозвал! И вот так во всем у него нынче! Заговаривается! Это не к добру!

Все примолкли. Захарий, почесал бороду, окинул всех взглядом. Обратился к нам с Митькой.

— Да вы садитесь, и ты Митрофан, коли пришел. Понимаю, любимый ученик решил помочь учителю. Похвально.

— Я только слегка, — сказал Митька. — Он нормальный, оклемается!

— Никто и не сомневается, Митрофан. Я сам вижу, что все у него хорошо. Ты сам-то что скажешь, Никифор Иваныч?

Сорок глаз уставились на меня. Я надеялся, что в полумраке подвала не так заметна будет выступившая обжигающая краска на щеках.

— Все проходит! И это пройдет! — ляпнул я первое, что пришло в голову.

Но все одобрительно зашумели. Видно, и для Никифора такие перлы не в новинку.

Я заметил, как Захарий глянул через плечо на старика. Тот еле заметно кивнул и, как мне показалось, криво улыбнулся. Хотя за густой бородой его тонкие сморщенные губы точно так же могли исказиться от старческой боли.

— Ну, Поликарп Игнатьевич, — сказал Захарий, усаживаясь на свое место, — разве не узнаешь нашего доброго веселого учителя в речах его?

— Узнаю, — пробурчал Поликарп и тяжело опустился на лавку.

— Вот и славно, — резюмировал председатель, опустив взгляд на записи в журнале. — А теперь продолжим...

Но тут раздался скрипящий голосок из другого, темного угла комнаты. Я сразу понял кто это. Отвратительней голоса я еще не слышал.

— Имею слово, Захарий Панкратович! И возражение!

Плечи Захария поднялись под тяжелым вздохом, он посмотрел на вопрошавшего.

— Конечно, говори Кондрат Горюнович.

По комнате пролетел легкий недовольный шепоток.

Ну, думаю, колдун сейчас устроит мне допрос с пристрастием! Вот, что значит «особые отношения». В контрах мы с колдуном, вот в чем дело.

Опозиционер херов, подумал я, приготовившись.

И, заговорив, этот оратор не разочаровал.

— Сие забoleвание, что демонстрирует нам наш незабвенный учитель и просветитель-натуралист, происходит от далекости ума и отрыва от общественности!

Захарий сразу поднял руку, спросил:

— Что значит «далекость» ума, Кондрат Горюнович, мы не совсем понимаем твоего мыслетворения!

— Очевидная вещь для знающих, — парировал колдун. — Недалекость ума говорит об умственной отсталости, а далекость, наоборот... Горе от ума нам показано во всей своей наготе!

Кто-то пару раз хлопнул в ладоши. Но в основном народ бубнил тихо и недовольно. Да, этот своими перлами даже нас с Никифором вместе взятых перещеголял.

И на что я еще обратил внимание: он что, троллил главу? Или мне только показалось?

— О, боги речные, — пробормотал себе под нос Захарий, но услышали все. Добавил громче. — Ты что-то конкретное предлагаешь?

— А очевидную вещь предлагаю, уважаемый Захарий Панкратович! Из всего вышеизложенного я делаю только один вывод — изолировать надобно учителя нашего уважаемого Никифора Иваныча! Для его же, в первую очередь, блага! И я могу посодействовать — совершенно альтруистически — для его скорейшего излечения и постановки в наш уважаемый общественный строй!

Митька вступился первый:

— Да с чего бы это?! Он нормальный, только слегка память повредил! Эту, как ее, ретроградную!

Народ зашумел, поддерживая молодого горячего Митьку. Но нашлись и сторонники оппозиции. Ругань стала перерастать в толчки. Захарий не выдержал, хлопнул ладонью по

столу — как выстрелил — и гаркнул, что даже на улице слышно было:

— А ну, кышь всем! Сели и заткнулись!

Подождал пару секунд, пока все не стихло. Усевшиеся заседатели показали четкое разделение на «своих» и «чужих». Оппозиции вместе с колдуном оказалось всего-то четверо. Не густо для переворота, но опасно для замкнутого немногочисленного общества. Это если на собрании их двадцать процентов, то всего в общине сколько людей наберется?

— Я так скажу! — спокойно проговорил Захарий. — Никифор Иваныч никакому излечению не подлежит. Небольшая амнезия никому в Общине не вредит! Тем более, сейчас у детей каникулы, а до начала обучения все и образуется!

Захар незаметно глянул на старика. Тот снова кивнул, продолжил дремать.

— Всё! Этот вопрос закрыт! — Захарий снова хлопнул ладонью по столу, словно ставя точку. — Что у нас дальше по регламенту?

— Урожай! — крикнул кто-то с места.

— Вот и замечательно. И так, урожай...

И тут с лестницы прилетел и раскатился эхом истерический вопль:

— Тревога! Выродки!

Все как по команде подскочили со своих мест, зашумели.

Захар хлопнул по столу ладонью, привлекая к себе внимание, крикнул.

— Так! Без паники! Все спокойно, но быстро поднимаемся! Действуем по правилам!

Поликарп первый — открывать оружейку!

Совсем без паники, конечно, не получалось. Все равно все толкались, гомонили, ругались. Мы с Митькой предусмотрительно отошли в сторонку, в темный уголок, в тень, уступили особо рвущимся в бой дорогу.

— А как же мы? — прошептал в ухо Митька, нетерпеливо перетаптываясь.

— Сейчас пойдем, не переживай! — сказал я.

И только я хотел покинуть опустевшее помещение, поднял уже ногу для шага вперед, как, словно из-под земли, передо мной возник дремавший все собрание старик с бородой до пола.

— На, возьми! — прошелестел он в лицо севшим старческим голосом и что-то сунул мне в ладонь. — Надень это сразу! Тебе это сейчас пригодится!

— Что это? — спросил я, шарахаясь от него.

— Что там? — Митька тянул длинный нос через плечо.

— Амулет! — прохрипел старик. — Надень!

В ладонь легло что-то горячее, угловатое. Камень что ли?

Я разжал пальцы — камень. И он тускло светился в полумраке подвала, подкрашивая седые локоны старикановской бороды кровавым отблеском.

— Ух ты! — раздалось над другим ухом.

— Да что это такое? Зачем это мне?

— Надень, — настаивал старик. — И прижми к груди. Он заработает!

При этом глаза его блестели, он прямо трясся весь от нетерпения. Того и гляди удар хватит — а я еще отвечаю за этого полоумного!

Ладно, решил я, надену, чтоб старика уважить.

Продолговатый красный светящийся камень был закован в тонкий блестящий металл. В узкое кольцо была продета то ли суровая нитка, то ли сыромятная. Я быстро накинул ее на шею, заправил камень под рубаху, хотел сказать: «ну, доволен?», как камень вспыхнул на груди, обжигая. От неожиданности, я отскочил назад, наткнулся на Митьку, и, если бы не стена позади, мы бы распластались с ним по полу.

— Что это, черт подери! — закричал я, пытаюсь сорвать с груди горящий уголь.

Но старик неожиданно жесткой рукой прижал камень еще сильнее к груди, крикнул:

— Все хорошо! Он принял тебя! Теперь все хорошо!

Бесполезно я барахтался, пытаюсь вырваться от цепкой хватки старика. И откуда в этом дряхлом теле столько силы вдруг появилось?

Но через пару секунд камень похолодел, потух, а старик, широко улыбаясь, отпустил меня и сделал пару шагов назад, продолжая внимательно наблюдать.

Митька тоже отошел в сторону, закрыл рот, почесал ушибленное плечо, смотрел на меня круглыми глазами.

— Что это такое было? — спросил я уже спокойнее, но все же не оставляя попытки снять этот необычный предмет с себя.

— Не надо это снимать, — повторил старик тихо. — Теперь это твое. Ты его хозяин, Ник. Я хранил его много лет, ждал прихода... твоего. Теперь он твой.

Он как-то сразу осунулся, согнулся, повернулся и поковылял к выходу.

Митька зашпешил следом, кинув на ходу.

— Я тоже побежал, там же это... ну! Выродки!

Я остался один. Лишь несколько лучин потрескивали и мерцали огоньками в тишине.

Я только и успел крикнуть им вслед:

— А что дальше-то? Чего мне с этим камнем делать?

Вместо ответа перед моими глазами возникла надпись. Здравсьте, давно не виделись...

Уведомление от ЛЕС:

Вы получили кристалл Силы, раса Человек (чистый)

Добавлено:

Сила 99

Выносливость 5

Дополнительно:

Дух 15

Память 1

Снято:

Интеллект 16

Так вот чего старик мне подсунул — «кристалл Силы»! Что еще за хрень?

Добавлено силы 99! Это сколько всего-то у меня стало, получается? Я что, сильнее своего максимума стал? Надо проверить... так, подождите, а почему интеллекта снято 16? Типа, «сила есть — ума не надо»?

Что, серьезно?

Ладно, давайте посмотрим, что там у меня в чипе заложено...

Так, а как же там это самое меню вызывать?

Вспомнил. Я мотнул головой, как будто челку поправляю, вызвал меню. Надпись перед глазами сменилась на:

Локация Большой Лес.

Уровень 1. Пробуждение

Основные показатели:

Сила 129

Выносливость 30

Интеллект 39

Дополнительные показатели:

Дух 28

Память 7

Миссия: не определена

И ниже еще высветилось:

Уведомление ЛЕС.

По показателю СИЛА Вы перешли на Уровень 2.
Поздравляем Вас.

Ну, спасибо. Второй уровень по Силе. Я теперь что, могу всех крошить одним ударом?
Дальше-то что мне с этим делать?

И что там с моей Миссией?

И почему все-таки интеллект упал?

— Эй, Никифор Иваныч! — донеслось сверху. — Ты где там?

Митька потерял меня.

Ах, да, выродки же напали!

Я рванул по лесенке наверх так резво, что едва не сбил стоящего в тамбуре ученика. В руках у него было копьё и лук с пучком стрел.

— Что возьмете, Никифор Иваныч?

— А ты где это взял?

Митька кивнул за спину. Там, где казалось была сплошная стена, зиял проем секретной двери оружейной. Поликарп нетерпеливо топтался где-то в полумраке.

— Ну, учитель, поскорей выбирай! — пробурчал он.

А что тут выбирать? Из лука я точно не стрелок. Схватил заостренную палку и выскочил на улицу, встал посреди перекрестка у разделочного пня, выставив копьё наизготовку. Что дальше делать, куда бежать, я не знал. Митька подскочил через секунду, за ним притопал Поликарп.

— Ну, сейчас мы им дадим, Митька! — провозгласил я. — Чую, силищи во мне стало немерено!

Хотя никакой такой силищи так особо не ощущал.

Митька тоже с сомнением окинул мою учительскую фигуру, изменений явных не заметил. Поликарп вообще внимания не обратил на мои потуги.

— Что встали, олухи? — прогремел он. — Вперед, на стены!

И первым побежал по улице к главным, как я их назвал, воротам. Тем самым, через которые пару часов назад я впервые попал в это странное место. Мы с Митькой заспешили следом, еле поспевая за огромным, но таким подвижным Поликарпом. В этой короткой пробежке я убедился, что Сила не одно и то же, что и Выносливость.

По крутой лестнице мы вбежали на шаткие мостки на стене. Поликарп первый, за ним Митька, последний поднялся я. Поликарп коротко рявкнул:

— Вы, двое, туда — налево! Смотрите в оба!

— Угу! — кивнули мы с Митькой и стали аккуратно пробираться вдоль стены, осторожно выглядывая между толстыми бревнами частокола наружу. Впереди, вдоль стены уже стояли несколько мужиков. Только половина из них была экипирована по законам средневекового жанра — в кольчуги и шлемы. Другие же были, как и мы в одних рубахах. В руках у них оружие было тоже разнообразное: и луки, как у Митьки, и копьё, как у меня. А еще какие-то рогатины, палицы, а еще у одного заметил какое-то подобие ружья.

Толкнул Митьку.

— А это чего у того дядьки?

— Где? — спросил Митька ворочая головой.

— Да вон, третий от нас. Ружье какое-то странное.

Митька, стараясь не высовываться, пригляделся.

— А, это! Дак это ж самострел!

И опять приник к бревнам.

Ну, объяснил. Конечно, все понятно, чего спрашивать! Самострел. Сам стреляет, что ли? Ладно, потом разглядим поближе, поспрашиваем подробней.

Я глянул назад, туда, куда ушел вдоль стены Поликарп. Там картина была такая же, как и с этой стороны — второй взвод партизанского отряда.

За забором только лес шумел, качая огромными ветвями.

— И как мы, Митька, будем воевать в таком виде? — спросил я тихо.

Митька оторвался от наблюдения, присел.

— А мы и не будем воевать, мы будем наблюдать. Тут вообще важно хотя бы заметить их, дать сигнал воинам. Ну, и помогать потом, соблюдая безопасность.

— Хороший план, — усмехнулся я.

— Да ты не бойся, Никифор Иваныч, нам тут ничего не угрожает! Не первый раз!

— Ну, для кого-то и первый, — пробормотал я, представляя, как мне в высунувшуюся башку прилетает стрела или копье. Память я, конечно, потерял, но только частично. В голове как-то сами собой возникли картинки то ли из фильмов про рыцарей, то ли из игрушек компьютерных. Одно дело сидеть в мягком кресле и наблюдать боевые действия на экране, совсем другое, когда участвуешь непосредственно, чувствуя не только ветерок в волосах, запах леса, но и кожей ощущая исходящую извне смертельную опасность. Даже холодок по спине пробежал.

А интересно, эта чипированная связь с неизведанным искусственным разумом ЛЕСа как-то способствует моему выживанию? Или я тут со всеми наравне?

ЛЕС на этот счет промолчал. Видимо, он мои мысли не читает. Или не счел нужным отвечать на глупые вопросы. Потом ведь не отвяжешься...

Тем временем никакого движения ни на стене, ни за ее пределами видно не было. Все молча наблюдали, разговаривали шепотом. Кто же поднял тревогу?

— Митька, — дернул я ученика за рукав. — Ты скажи мне, если нам ничего не угрожает, то чего тогда панику такую подняли? Где эти выродки-то?

— Их Карыч заметил, передал нашим часовым на вышках, а они уже сигнал по общине дали. Ну, чтобы все готовы были. Эти выродки, они хитрые и коварные. Одно слово — выродки.

— Который раз слышу, все хочу спросить: Карыч — это что такое вообще?

Митька глянул на меня как на совсем уж безумного, раз такие вопросы задаю. Я в ответ пожал плечами.

— Карыч — это ученый ворон, — втолковывал Митька с умным видом. — Они у нас вроде наблюдателей. Сверху-то, знаешь ведь, все лучше видно.

— Здорово! — искренне удивился я. — Это как коптеры или беспилотники!

— Чего? — не понял Митька.

Я махнул рукой, мол, не вникай. Понятно, что в это новое средневековое время про такое даже если знали, то крепко забыли.

Сверху прилетела здоровенная шишка, хряпнулась рядом со мной на доски, подпрыгнула и улетела вниз. Я успел заметить, что размером еловая шишка как ананас. Хорошо, хоть не на башку.

Я поднял глаза кверху. Как раз над нами, метрах в трех выше висела огромная еловая ветвь. Вопрос возник сам собой.

— Митька, — зашептал я, потрепав его за плечо. — А почему выродки не могут по веткам к нам перелезть? Это ж так очевидно!

— Ничего и не очевидно! — процедил сквозь зубы Митька. Достал я его своими вопросами, что ли? — Под деревьями налито, да и ствол до первых веток смазаны липовой смолой. Все деревья вокруг общины. Влипнешь — не вылепнешь.

Ну, сказанул! Липовой смолой. Это то, что с лип капает летом? Сок этот что ли? Ну наверное, предположил я, а что еще. Только, видимо, настолько липкий он в этих краях, что на самом деле «не вылепнешь».

Мы минуту помолчали, ноги стали затекать от неудобной позы. И зудящий во мне новый вопрос снова всплыл.

— Ну где же ваши загадочные выродки? Хоть бы одного увидеть! Что за чудо-юдо такое.

— Да ты ж их видел!

— Да? Черт, не помню.

Сверху несколько раз каркнули.

Митька оживился, глаза заблестели.

Знакомый голос, подумал я. Это же его я слышал первый раз в лесу, когда очнулся! Так это и был Карыч, что ли? Живой квадрокоптер, парящий в небе всевидящий глаз? И он что, сигналы какие-то подает таким вот карканьем?

Я повернулся к Митьке, чтобы спросить, тронул за плечо. Но он отмахнулся, пристально вглядывался в щель между бревен куда-то в лес.

Я тоже прильнул к бревнам.

Стал смотреть.

Ничего.

Какая-то муха или комар привязалась: жужжала в самое ухо. Я, не глядя отмахнулся. Жужжание прекратилось. Зато из леса донеслись необычный шорох и тихие голоса. Неужели выродки?

В первый момент я обрадовался.

Но когда эта ошибка природы появилась в моем поле зрения — я оторопел.

Если и видел я, по словам Митьки, выродка, то точно бы запомнил. Такое трудно забыть.

Приземистый, ширококостный, низколобый в грубых шкурах на голое черное волосатое тело неандерталец, расставив ноги, остановился в десятке метрах от нашего укрытия. Медленно ворочал плоской головой обросшей слежавшимися волосами. Черная мусорная борода так же клочками торчала во все стороны. В мускулистой руке мерно покачивался совершенно невообразимого размера молот на длинной рукояти. Ни дать ни взять — первобытный предок Тора, скрещенный с древнерусским домовым! Я даже улыбнулся.

Тут мне пришла в голову мысль. Если у меня в башке чип, который выдает информацию по мне самому, то, по законам жанра, он должен так же выдавать информацию и по врагам. Как же это сделать, если он сам мне ее не предоставляет по умолчанию?

Я стал незаметно пробовать разные способы, пристально глядя на вертящего головой выродка. Моргал, тыкал пальцем, мысленно и шепотом вызывал меню, называл разные слова-заклинания, даже Гарри Поттера вспомнил. Все тщетно.

И тут Митька, будто проснулся, спросил тихо меня.

— Ты его видишь?

Я в ответ кивнул, не отводя взгляда от выродка.

И — о чудо! — над головой этой ошибки природы возникло красное меню из ЛЕСа:

Объект: человекоподобный

Раса: мутант, подвид В (черный)

Уровень: 1

Основные показатели:

Сила 59

Выносливость 45

Интеллект 15

Вот оно!

Значит, чтобы узнать информацию о ком-либо, нужно кивнуть! Вот как это работает!

Я тронул Митьку за плечо.

— Слышь, Митька, а выродок-то ваш — человек, оказывается!

Митька смерил меня совсем не тем взглядом, каким я, как учитель, уважаемый человек в обществе, мог бы ожидать от своего же ученика.

— Какой это человек, Никифор Иваныч! Вы меня извините, но с головой у Вас точно не совсем хорошо, оказывается.

Я нахмурился, хотел категорически возмутиться, поставить этого молодого грубияна на место, но Митька добавил.

— Да вы посмотрите на него, Никифор Иваныч, внимательней!

Я кинул взгляд на этого выродка-человека-мутанта с подвидом В (черный) как раз в момент, когда тот поднял свои маленькие черные глазки вверх, раскрыл широкий щербатый рот и заголосил, что есть мочи каким-то сорвавшимся прокуренным голосом:

— Ата-а-а-ас! Бра-а-а-атва-а-а-а!!!

И замахнулся своим молотом, как мне показалось, прямиком в меня.

От его вопля из глубины леса послышались другие хриплые голоса. На стене люди оживились, раздалась команда «Приготовились! Бей!», что-то зашуршало, защелкало и засвистело в воздухе, между качнувшихся громадными ветвями деревьев взметнулись разноцветные пичуги, раздалась крики, стоны.

В первый миг я даже удивился, как это у него — такого маленького, неуклюжего — такая силища взялась! Его молот пролетел, как снаряд по слегка баллистической траектории, целясь не по мне, а по Митьке. В следующий миг я его оттолкнул, тот неуклюже растянулся на мостках, выронив и лук, и стрелы, а сам, словно на пружине подскочил и, не отдавая себе отчета, машинально, запустил острую палку, что держал в руке в этого выродка.

Молот пролетел мимо, брякнулся где-то об крышу дома, свалился на землю. И еще не успел затихнуть там, в густой траве, а пронзенный насквозь моим копьем выродок, как подкошенный, завалился на бок. Так и затих на том месте, где я его впервые увидел, не успев и шага ступить.

Перед моими глазами тут же возникла надпись.

Уведомление от ЛЕС.

Вы уничтожили: Объект человекоподобный, мутант подвид В

Получаете:

Сила 10

Выносливость 5

Интеллект 0

Новый обретенный навык: скорость 10

А я, не обращая внимания на эту надпись перед глазами, медленно опустился на мостки, прижался спиной к бревнам частокола, и сжал ладонями трясущиеся колени.

Митька подскочил ко мне, что-то радостно вещал, улыбаясь во весь свой зубастый рот, размахивал руками, показывая за забор. Я его не слышал. Я думал лишь о том, что только что моей рукой этот самый Никифор убил человека. Пусть это мутант подвида В, но изначально же человек...

— ... Вот здорово! — кричал Митька. — С первого раза прямо в яблочко! Завалил этого выродка! Слышите все! Он спас мне жизнь!

С другой стороны подсел Поликарп, хлопнул широкой ладонью по плечу, снисходительно, но, не скрывая восхищения, сказал.

— Ну, Никифор Иваныч! Ну, учитель! Не ожидал!

Кто-то еще подходил, еще что-то говорил.

Я стал приходить в себя.

Колени перестали дрожать.

Стал отчетливей разбирать слова.

— Погнали мы их! Еще трое раненых еле ноги унесли! Напугал ты их, не ожидали, видимо, такого отпора! Ну, получили! Теперь долго не сунутся!

Послышалась команда:

— Всем отбой! Охрана остается! Быть начеку! Карыч продолжает наблюдать и докладывать! Остальные на выход!

Все разномастные бойцы — пекари, свиари, банщики, огородники — проходя мимо меня, хлопали по плечу. Кто молча, кто подбадривал, кто восхищался. Простой учитель стал у них героем дня — убил выродка. Митька так прямо светился от гордости за своего учителя и наставника.

Я спустился по крутой лестнице последним.

Митька стоял внизу и держал в вытянутых руках тот самый молот.

— Это, Никифор Иваныч, теперь твой заслуженный трофей!

Я взял орудие в руки, осмотрел. Сучковатая плохо обработанная палка была не такой уж и длинной, как казалась в руках выродка. Да и молотом этот предмет можно было назвать с натяжкой — каменная угловатая болванка на конце палки, примотанная какими-то травяными веревками, не так уж и тяжело оттягивала руку. Дрянь, короче, а не оружие у этих неандертальцев.

— А что с этим выродком? — спросил я.

— Да ничего, — ответил Митька, пожал плечами. — Копье забрали, а выродка насекомые к вечеру растащат.

Я сухо слотнул, представив эту картину, еще покрутил недомолотом в руке, поднял над собой, протянул обратно Митьке.

— Не надо мне этого, — сказал я. — В музей истории лучше сдай, в отдел первобытного строя.

И пошагал по улице к дому.

Митька стоял еще какое-то время, потом догнал меня, пошел рядом.

— Да, а как же? — спросил он. — Это же!

— Митька, не лопочи! Это для меня не оружие! Мне надо чего-то поосновательнее, помассивнее, помощнее! Понимаешь?

— Угу! — восхищенно проговорил он. — Понятно! Конечно! Ты так копье метнул, что выродка насквозь пробил! Откуда такая силища?

Я остановился. А ведь и точно — откуда?

Рука будто сама собой поднялась на уровень груди, ладонь нащупала под рубахой недавно приобретенный каменный оберег.

Что там старик про этот камень болтал? И компьютер тоже чего-то писал... совсем из головы все повышибало с этими выродками.

Это просто какая-то магия началась.

У меня перехватило дух. Неужели?

— Митька! — сказал я. — Давай, показывай, где этот старикан живет!

— Какой?

Я достал из выреза красный камень на веревке, показал ему.

— Тот, который мне этот камушек преподнес там, в подвале, и заставил носить!

— А! Так это же у нас самый уважаемый человек — Старейшина! Никодим Евлампович!

Меня покорежило от этого имени. Ну, что за имена они себе напридумывали!

— Ну, вот к этому Никодиму старейшему меня и веди!

— Ладно, — кивнул Митька и повернул на перекрестке налево. — Нам туда!

На перекрестке я обратил внимание, что перпендикулярная улица заканчивалась не воротами, а строениями. Вроде обычный дом, но выход на улицу, как и Дом Советов, в отличие от других домов. И окошки какие-то маленькие, даже меньше, чем в обычных домах.

— Ну вы даете, Никифор Иваныч! — как обычно выпучил глаза Митька на мой очередной глупый вопрос.

— Просто Ник, мы же договаривались. Ладно, не говори, я попробую сам догадаться!

Мы остановились на середине улицы. Я стал лихорадочно рыться в памяти своей и Никифора, вдруг да вместе что-то вспомним.

Мимо пробежали шумные детишки с палками, за ними пронесся огромный кот. На другом конце улицы о чем-то спорили две бабки, размахивая руками. Солнце за деревьями уже не видно было, хотя свет по улицам разливался равномерно, будто ночники какие были встроены под навесами. Или они специально такую форму поселения выбрали? Ладно, об этом потом. И так, что это может быть за строение?

— Так это же баня! — воскликнул я.

Митька покачал головой, пошел дальше.

— Ну что, угадал?! — спросил я, нагоняя его.

— Угадал? Чего тут гадать? Конечно, баня! Ну вы даете! Тут вон — женская, а в другом конце — мужская. Кстати, завтра у нас банный день!

— Я в общественную баню с детства не хожу! — сказал я сразу, не задумываясь.

— Ну-ну, — засмеялся Митька.

Я спохватился.

Черт, это ж не моя память.

Здесь-то Никифор, наверняка, по графику ходил, со всеми. Как же иначе.

— Ладно, — выдохнул я. — Я пошутил.

— Я так и понял, — сказал Митька. — А мы пришли.

Он остановился у неприметного, похожего на все остальные, домика. Только уж совсем маленького. И какого-то дряхлого, как и его хозяин. Он, наверное, с детства своего в этом домике живет, лет двести.

Митька шагнул в узкий проем, я вздохнул и двинулся за ним.

Скрипучая покосившаяся дверь открыла нам нутро темного затхлого тамбура. Пахло еще чем-то резким, сухим, пряным. Когда глаза привыкли к полумраку, я обнаружил на стенах развешенные корешки, травы, сушеные цветы разных форм и размеров.

— А этот твой старейший часом не шаман? Ну, или там лекарь...

Митька держался за ручку двери в дом, ответил даже с какой-то гордостью.

— Не. Он провидец, мудрец! — и, легонько постучав костяшками пальцев по косяку, потянул на себя дверь.

— Ну тоже ничего так профессия. Редкая.

Дверь тоже со скрипом отворилась. Маленькое помещение озарилось красными прыгающими огнями из открытой печной дверки. Рядом на корточках сидел наш старец — совсем мне показался каким-то маленьким и высохшим, как и его травы в тамбуре. Зато борода и редкие волосины на голове горели жаром. Подкинул старик полешко в печку, захлопнул. Борода погасла, в полумраке стала серой.

— Ну, проходите, — сказал он так, будто ждал нас, и махнул рукой в угол комнатки. — Устраивайтесь, сейчас чаю горячего заварю с мятой.

Сам медленно приподнялся и, прихрамывая, поковылял в кухоньку. Звякнул чайник, зажурчала вода.

Мы прошли в указанный нам угол к небольшому столу. Вдоль стен, смыкаясь, стояли две узкие лавки.

— А чего он печку-то топит летом? — тихо спросил я Митьку, когда мы сели.

Митька открыл рот, чтобы ответить, но за него это сделал сам старик, ковыляющий к нам.

— Старый я стал совсем, мерзну даже летом, — проскрипел он, покашлял. — Вот и подтапливаю печурку понемногу.

Он тяжело опустился рядом с Митькой, напротив меня.

— Ну, так это понятно! — сказал я. — Я вот тоже старый стану, тоже мерзнуть буду. Наверное.

Старик как-то живо вскинул на меня острый колючий взгляд из-под кустистых белых бровей.

— Будешь мерзнуть, — сказал он уж больно как-то утвердительно. Словно знал это уже сейчас наверняка.

Даже неуютно стало под этим взглядом.

Но взгляд его быстро смягчился, под бородой промелькнула даже какая-то улыбка беззубая. Голос прозвучал бодрый, веселый.

— Чай сейчас заварится, Митрофанушка разольет нам.

Митрофанушка ни секунды не возражал, заелозил в нетерпении.

Старик же снова сменил маску на лице, серьезно сказал.

— Спрашивай, Ник. Знаю ведь зачем пришел. Вижу, что вопросов много внутри у тебя скопилось.

— Да уж, скопилось, — сказал я сипло, прокашлялся.

— Но я тебе на все не отвечу, сразу говорю. Я же не полиглот, и не экстрасенс какой-нибудь. Я только главные ответы знаю. А до остального ты ежели не сам дойдешь, то другие ответят.

Я открыл рот, чтобы задать первый вопрос, и старик тут же меня заткнул, подняв ладонь.

— Обожди. Давай чайку сначала. Митрофанушка, сходи, милок, налей нам по кружечке.

Митька засуетился, задергался, пытаюсь пробраться через меня, аж стол сдвинул. Старик наблюдал за ним прищурясь в улыбке. Любит, видимо, этого рыжего оболтуса. Когда Митька, наконец, выбрался, старик, не глядя на меня сказал.

— Давай так, Ник. Я тебе кое-что расскажу, чтобы много вопросов твои закрыть разом. А, что не понятно будет, отвечу по ходу рассказа.

— Ладно, — согласился я. Как-то не рассчитывал я старческие истории тут слушать. Но, старик тут хозяин, да и вообще, я к старикам с уважением.

Старик будто прочитал мои мысли.

— Я про себя не буду тебе рассказывать, не бойся. Если только сам не попросишь. Я про тебя буду рассказывать.

— Про меня? — спросил я. Хотя, да, про себя я бы много чего порасспрашивал.

Митька тем временем принес дымящиеся огромные деревянные кружки. Аромат

поплыл по домику просто невообразимый. Не ожидая разрешения, я схватил кружку, сделал маленький обжигающий глоток. Приятное тепло потекло в желудок, обожгло и разлилось мгновенно по сосудам энергией и силой. Не знаю, что там было намешано, но творило это снадобье нечто необъяснимое!

Сообщение, появившееся неожиданно перед глазами, заставило меня вздрогнуть:

Уведомление от ЛЕС:

Вы обрели знания о новом источнике энергии «Чай травяной особый».

Ваши показатели улучшились на:

Сила +1

Выносливость +1

Интеллект +15

Дополнительные показатели:

Дух +10

Память +2

Да, чтоб тебя!

Неужели нельзя это делать как-то по требованию! А не по умолчанию!

Уведомление от ЛЕС:

Ваш запрос принят.

Последующие уведомления об обретении новых знаний и умений будут производиться только по запросу.

Соответствующие настройки изменены.

Вот так-то лучше!

Все понимаю, что этот чип внутри мне покоя не будет давать до конца моих дней в этой реальности. Но надо же и о клиенте думать! Вдруг у меня эти неожиданно возникающие уведомления приступ какой-нибудь вызовут? Инфаркт?

ЛЕС ничего на это не ответил. Вот и славно.

Ну, так на чем мы остановились?

— Все хорошо, Ник? — проскрипел старик.

— Да, конечно! Рассказывай, дедушка!

И тут я обратил внимание, что Митька со своей дымящейся кружкой уже сидел на своем месте, смотрел на меня поверх нее своими круглыми глазищами.

— Что? — спросил я.

— Ничего, — пожал плечами Митька. — Ты будто отключился ненадолго. Смотрел куда-то в одну точку, губами шевелил.

— Ну, шевелил, — сказал я. — С кем не бывает.

— Со мной, — сказал Митька серьезно.

— Ну а со мной бывает. С недавних пор. Потому я и здесь, чтобы выяснить, что со мной не так! Кто я вообще, как сюда попал? А, дедушка, сможешь ответить?

Митька, видимо, хотел что-то мне сказать, но старик остановил его.

— Все хорошо, Митрофанушка. Я его понимаю. Ему тяжело.

— Не то слово, — проворчал я пристыженно.

— Все будет хорошо, Ник, — продолжал старик. — Когда ты поймешь главное, тебе станет легче жить. Ты обретишь цель и увидишь дорогу.

— Ага, здорово. побыстрей бы.

— Ну так слушай, — сказал старик, поерзал на лавке, подкладывая под зад небольшую подушку, устраиваясь поудобнее, покряхтывая и кашляя. Наконец, спустя минуты две или три, он облегченно выдохнул, глотнул чаю и стал вещать.

— Я знал, что ты придешь. Я долго ждал тебя, очень долго. Лес позвал тебя, и вот ты здесь.

Первая же фраза вызвала во мне просто целую кавалькаду вопросов. Но я промолчал, давая старику рассказать побольше.

— Произошло Пробуждение. Мы знали, что оно когда-нибудь будет, но, все же, надеялись, что не при нашей жизни. Нам не повезло. Поэтому Лес и призвал тебя, чтобы предотвратить гибель нашего мира. Что-то плохое пробудилось где-то далеко, и вторгается в наш мир, в Лес, чтобы поглотить его, сломать, забрать то, что ему нужно, а остальное просто уничтожить. Ему есть какое-то название, ты узнаешь его потом. Я же называю его Большим Злом...

Тут уж я не выдержал. Да что за бред!

— Какое пробуждение? Чье? Кто куда вторгается? И вообще я здесь при чем?

— А ты спасешь нас. Спасешь Лес. Для этого тебя и пригласили.

— Кто пригласил? И откуда? Почему я не помню себя до этого вашего пробуждения?

— Лес тебя пригласил. Ты должен выполнить миссию...

— Миссию ЛЕСа? Этой вот системы компьютерной, которая мне чип в голову вживила?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, о какой такой системе. Я знаю только одно — только ты сможешь спасти Лес, поэтому он тебя и пригласил.

— Что-то на приглашение это не сильно похоже! Меня просто выдернули из моего мира, всунули сюда, стерли предыдущую память, видимо, чтобы обратно не сбежал! Воткнули какой-то чип в голову, что у меня теперь зрительные галлюцинации случаются каждый час!

Старик будто не слушал меня, все про свое:

— Камень, что я тебе дал...

— Да! Еще и камень какой-то странный, расскажете про него?

— Камень Силы! Это магический камень. Он принадлежит нашей расе чистых белых людей, и поможет тебе спасти Лес, а в конце вернуть тебе память...

— Только память? То есть я все вспомню? Но я не хочу только память! Я же точно знаю, что не из этих мест! И вы это знаете! Я хочу вернуться обратно в свой мир, в свое время, в свою реальность! Черт, я даже не знаю откуда я прибыл, точнее, откуда меня «пригласили». Но ведь я же четко понимаю, что этот ваш чертов странный Лес — не мой мир!

— Да, я тебя понимаю, — спокойно и терпеливо продолжал старик. — Ты думаешь, что это не твой мир. Потому что ты не помнишь. У тебя не просто ретроградная амнезия, у тебя еще и ложная память. Ведь ты же не чувствуешь себя здесь совсем чужим? В этом теле?

Я задумался. Посмотрел на совершенно ошарашенного нашим диалогом Митьку, который так и замер с пустой кружкой в руках, только глазами зыркал то на меня, то на старика, не смея даже дышать.

— Ну...

— А то, что ты был инвалидом, ты откуда взял? Откуда эта память у тебя?

— Не знаю, — я пожал плечами. — Просто помню, что не мог ходить, потому что попал в аварию. Такие вещи как-то сильно в память западают! Вот и вспомнил.

— Ну, а дальше? Что еще ты помнишь?

— Ничего больше не помню! — опять взорвался я, вскочил со скамейки. В голове проявился какой-то странный образ. — У меня телефон был, между прочим, очень дорогой! И одежда другая была, эти, как их — джинсы!

— Я не знаю, что такое телефон, забыл уже, они когда-то давно были у нас. До Вспышки. Много чего было. Но прошло слишком много времени. Лес нас укрыл, сберег, он мудрый.

Ну, начался сектантский бред!

— Лес не может быть мудрым! — сказал я. — Это всего лишь деревья!

— Не скажи. Все изменилось после Вспышки. Деревья стали большими. А вот люди остались маленькими.

— И что? Что это значит? Что это за метафоры!

Старик ничего не сказал, поерзал на подушке, покашлял, попросил Митьку еще чайку налить. Тот бочком пробрался мимо меня, налил, вернулся, опять тихо сел в уголок. Я ждал, понемногу успокаиваясь. Старик продолжил.

— Я дал тебе камень, который хранил все эти годы. Теперь это твоя ноша и твоя ответственность. А я могу спокойно уйти.

— Вы не рассказали мне про этот камень! Что это вообще за волшебство? Я, между прочим, человека сегодня убил!

— Не человека! — вставил Митька, но тут же покраснел и снова стих.

— Это не просто камень, — продолжал старик, — это Кристалл Силы. Первый камень из семи, как я уже говорил. Этот принадлежит нашей расе. Осталось еще шесть, которые ты должен найти.

— Я?

— Всего камней семь. Они все разные, каждый обладает своей магической силой. И они находятся у разных рас Леса. Нужно все их найти, собрать воедино, потому что только вместе они могут победить Большое Зло.

— Я не понял, найти кого семь — камней или рас?

— И тех, и других. Потому что магией камня владеет только представитель этой расы. От каждой расы нужно по одному человеку со своим магическим камнем.

Я снова сел на лавку, пока старик с шумным прихлебыванием отпивал свой чай. Голова начинала пухнуть. Я уже задал тысячу вопросов, но их становилось только больше! Семь камней! Семь рас!

— Что это за расы? Негры, монголоиды, европеиды...

Митька усмехнулся в кулак.

Старик стал рассказывать как ребенку, с расстановкой, медленно.

— В нашем мире Леса после Вспышки появились другие расы. Митрофанушка ведь уже что-то говорил о мутациях?

— Ну, что-то говорил. Но я не...

— Ну так, после Вспышки и появились новые расы. Не сразу. Некоторые образовались от человека, только измененного, э, как это слово, а — мутировавшего. Но есть и другие

расы, техногенного и даже неземного происхождения...

— Что? Неземного? Инопланетяне, что ли? — я чуть не рассмеялся. Ну все, секта зомбирована еще как! Придумают же такое! — Может, у вас еще ихтиандры водятся, или там летающие люди? Или эти, из сказок — лешие, водяные!

Митька недовольно цокнул.

— Да, есть, наверное, — ответил старик. — Всякого сейчас полно в Лесу. Лешие, да, водятся, на Больших Болотах. Страшно стало жить. Людей чистых, как мы, почти не осталось, а те, другие, превратились не пойми во что. Но всех Лес оберегает, это и их земля. Значит, они нужны Лесу. Чужеродное Лес не держит, отталкивает.

— Ага, — съязвил я. — Видимо и выродки тоже Лесу нужны?

— Не нужны, Лес их отталкивает, они паразиты. Мало их уже, вымрут скоро совсем, перебьют, если кто из других рас не пригреет, не спасет.

— Да кому ж они нужны, уроды такие злобные!

— Кому-то и злобные нужны, — сказал печально старик, тяжело вздохнул. — Всяких у нас тут развелось. Вот и Большое Зло дождалось, которое без разбора всех уничтожить хочет — и хороших, и плохих. Никого не останется. Если ты не поможешь.

Заладили «поможешь, поможешь»! Почему вообще меня выбрали? Выдернули из другого мира и в это тело засунули — Никифора, учителя?

— Я что, супермен какой-то, супергерой! Для этой роли вон Поликарп больше подходит. А я тут обычный лузер, нуб первого уровня! Я в вашей игре даже первый левел не пройду!

— Слова какие-то чудные, — усмехнулся старик, продолжил серьезно. — Нам не нужен супергерой. Нам нужен человек, которого призвал Лес! И, если он призвал тебя, значит это правильно. Лес мудрый, он не ошибается!

Боже мой, и чего я весь этот бред слушаю?

Хотя, что, у меня выбор есть? Выбираться-то как-то надо!

— А эта ваша вспышка когда была? — спросил я, пока старик хлюпал чай. — И что вы вообще подразумеваете под этим словом «вспышка»?

Старик оторвался от кружки, поднял на меня задумчивый взгляд.

— Никто уже точно не помнит. Давно это было. А у меня тоже память уже не та. Митька вон знает.

— Я ж говорил, триста семнадцатый год отметили! — доложил Митька.

— Ну, вот, — кивнул старик, вздохнул. — Много годков. Да.

— Ну, а что случилось-то? Хотя бы приблизительно. Вспышки ведь тоже разные бывают, например, на Солнце? Вспыхнуло — и все живое сгорело. Или вспышка в смысле ядерного взрыва?

— Нет, что-то другое, точно, — убежденно сказал старик.

— А что может быть другое? Что еще может вспыхнуть?

— Да что угодно! Вспышка в головах у людей, например.

— В головах? Во всех одновременно? — удивился я.

— А что, болезни всякие были в последние годы до Вспышки. Вспышки болезней, например. Как же они назывались, едрит...

— Эпидемии! — вставил Митька.

Старик кивнул.

— Ага, они самые! Или вот даже у машин в ихних схемах, внутрих — тоже вспышки

могут быть, верно?

— Ну, класс! — воскликнул я. — От короткого замыкания конец света случился!

Столько вариантов, а правильного ответа что, никто не знает, даже такие мудрецы, как ты?

Старик пропустил мимо ушей мой сарказм.

— Я помнил, но забыл, — сказал он.

— И что, никто никаких записей не вел? Дневники, хроники, видео?

— Нет. Ничего не осталось, — развел руки старик. — Может, это все разом и вспыхнуло, везде. Вот и конец тому миру наступил.

— Но не всему же миру, если и вы уцелели, и мутанты какие-то.

— Ну, да. Нас всех Лес защитил, кого успел. Теперь только Лес вокруг, больше ничего. А мы, люди, как мошки какие стали, или там муравьи. Копошимся где-то под деревьями тихонько, выживаем.

Старик как-то съежился, осунулся опять, затих. Или уснул?

Я тихо покашлял.

— Ну так, и чего делать-то теперь? — спросил я. — Мне вообще-то домой надо как-то попадать.

Старик поднял на меня потухший взгляд. Посмотрел как-то внимательно, будто вспоминая, кто я.

— Да. Надо. И попадешь.

— Когда?

— Когда выполнишь свою миссию, на которую Лес тебя призвал.

Я смирился с тем, что идти добывать эти магические камни мне все равно придется. А какие еще варианты? Бежать через этот сказочный и страшный лес, искать цивилизацию? А если ближайшая нормальная деревня в ста километрах отсюда?

Или вообще никакой нормальной деревни нет!

А по лесу еще бегают эти страшные уроды — выродки!

У меня даже холодок по спине пробежал.

Если эти сектанты и есть самые нормальные, кто остался?

И вообще, все что они рассказывают — правда? Что была вспышка, все погибли, остались только кучки выживших, которые попрятались по лесам. Кого-то зацепило этой вспышкой, они мутировали. Да и сам лес — деревья, растения, животные, насекомые — тоже мутировали. Ну, допустим, это еще можно принять за правду.

Но я-то где все это время был? Замороженный спал что ли? А сейчас, спустя сто лет оттаял, очнулся — и поэтому ничего не помню?

Это могло быть большей правдой, чем то, что мне этот старик рассказывает. Что лес меня призвал из моего времени сюда, в будущее, пережившее апокалипсис. То есть я сейчас попал в эпоху постапокалипсиса? Как в книжке, что ли?

Но только в реальности.

И чип в голову тоже не просто так мне воткнули.

Но почему опять же в тело учителя вселили, с какой целью?

Короче, одни вопросы.

А ответы, как сказал старик, придется искать где-то за пределами этой секты.

Отсюда вывод: придется принять правила этой дурацкой игры, выполнить их условия. А что мне остается?

Старик сидел, сжавшись в комок, не иначе дремал. Правильно говорят «что стар, что млад». Митька играл с кружкой. Все ждали моего решения. Точнее, моего положительного ответа — ведь я же их единственная надежда на спасение этого мира!

Я тяжело вздохнул.

— Что надо делать? — спросил я громко.

Старик вздрогнул, встрепенулся, разогнулся. Воткнул в меня свои маленькие, колючие и не по возрасту живые глазки. Митька поставил кружку, наострил конопатые уши.

— Собирайтесь в дорогу! — провозгласил старик. — Надо успеть за тридцать три дня! К середине следующего сорокена.

— Нормально так, — изумился я. — А чего не тридцать три часа?

— Нет, за тридцать три часа шесть камней не собрать, — серьезно ответил старик. — Расы разные, Лес большой, много времени искать. И идти далеко, куда Зло прибыло.

— Может еще и карта имеется? — поинтересовался я так, на всякий случай. — Где эти расы, где камни, где конечный пункт назначения?

— А как же! — крикнул старик, тяжело поднялся, засеменял по комнате. — Карта имеется, сам рисовал!

— Ого! — изумился я. — И компас дадите?

— Все, что понадобится — все будет у тебя, — ответил старик, шебуршась где-то в темном углу.

Через минуту он разложил на столе пожелтевший большой лист бумаги формата примерно А3. Аккуратно разгладил смятые углы, ткнул пальцем.

— Вот здесь мы. Вот Большая река, вот Большие болота. Это все — Большой Лес. Но :
нем есть еще Черный Лес, Мертвый Лес, а вот там, дальше — Синий Лес, или еще Озерный край.

Он водил узловатым пальцем по своему произведению географического искусства. Масштаба я на карте не увидел, поэтому эти грубо обведенные области могли быть как километр в диаметре, так и сто.

— Как тут определять расстояния? — задал я очевидный вопрос.

— А никак, — ответил старик, нежно разглаживая рисунок с тщательно выписанными на нем елочками и березками. — Это схе-ма-чи-тенское изображение, — выговорил он.

— Схематическое, — поправил я.

— Ну да, — обрадовался старик. — Давно это слово не произносил, оттого и спало с ума, забылось.

— Так что по расстояниям? — снова спросил я. — Как мне понимать какого размера, например, это болото — за час я его пройду или за неделю?

— Ну, — старик почесал в бороде, — за час точно нет. А вот пару дней, наверное, можно. Это ж еще как идти! Ежели знать дорогу, то быстрее пройдешь. А ежели плутать не знаячи, да застревать там в топях неизведанных, то да — можно и неделю проваландаться. Если совсем не потопнешь.

У меня волосы на голове зашевелились.

— Так вы чего это, — сказал я с негодованием. — Мир спасти хотите или меня потопить?! Как я по вашим лесам да болотам должен ориентироваться, если у вас даже карты нормальной нет!

— Ты не кипятись раньше времени! Во-первых, ты всяко уж не один будешь, а, во-вторых, у тебя же магическая сила есть, она тебе завсегда поможет! Как звезда путеводная! Уж я-то знаю! На себе проверено! А насчет карты — это ты зря. Она что ни на есть подробная. Я сам ее составлял.

— То есть ты все это обошел? — искренне удивился я.

Старик гордо кивнул.

— Жизнь моя долгая была. Путешествовать любил шибко, приключения всякие...

— Ну ты, дед, даешь!

— Со мной ведь этот камень был, — старик показал мне на грудь. — С ним ничего не страшно было. Такого я повидал! В таких передрягах побывал!

Он на минуту замолчал, глядя куда-то в потолок. Вспоминал былые подвиги. Но меня это как-то не вдохновляло. Совсем. Я же городской, походы мне не очень — сырость, мошкара, дискомфорт, связи нет...

— Так, — прервал я его задумчивость. — Что-то на этой карте я не вижу, куда мне идти надо? Где камни собирать?

Старик погрустнел.

— А тут этого и нет, — сказал он, вздохнув. — В этом-то и вся тяжесть твоей миссии. Здесь только конечный пункт.

Он ткнул пальцем в самый угол карты. Это там, где ничего не было вообще, то есть за реками, озерами, даже горами — пустота, будто пустыня.

— Это где вообще? — спросил я.

— Далеко. Очень далеко. Я там не был, — был ответ старика.

— Откуда же ты знаешь, что «большое зло» прибывает именно туда?

— Сон мне был...

Я так и сел на лавку. Блин! Сон у него был! Вещий что ли?

— Вещий, да, — ответил старик, будто услышал. — Лес мне сказал, где Зло будет.

Оттуда оно и придет.

— Хотя бы в какой части света эта пустыня?

— Это север, — обреченно ответил старик, грузно сел. — Тундра. Холодная, страшная.

Даже страшнее Мертвого Леса. Я просто не дошел. Пусто там было. Может потому там Зло и поселилось?

Я посмотрел на старика. Жалко его стало. Сколько ж ему лет, интересно? Сколько он всего пережил за свои годы в таком страшном месте?

— В таких местах обычно Зло и поселяется, — сказал я. — Так вопрос у меня в воздухе повис, дедушка: как мне камни искать? Где?

— Ну, это тебе *твой* камень подскажет! — оживился старик. — И Лес! — он махнул рукой неопределенно.

— Лес? — спросил я. И тут до меня дошло: они не знают ничего о Системе, которая мне чип всадила. Она ведь тоже называется Л.Е.С. А эта Система и есть Лес! Все, что вокруг — деревья, мутанты, выродки, насекомые и животные, даже вот эти люди — они все в Системе! Может, они и созданы все этой Системой!? Потому и не подозревают об этом! А я призван извне, я вне Системы, поэтому, чтобы общаться со мной только мне и был вживлен этот чип! Система меня призвала спасти *ее*, а не этот физический Лес! Меня призвал Л.Е.С.!!!

Меня аж в жар бросило. Я попросил Митьку налить мне еще чаю.

Если исходить из этой логики, тогда очень многие вещи сходятся. И старик нисколько не кривил душой, когда говорил, что Лес мне подскажет! Все правильно, только подскажет Л.Е.С. через свою сеть.

Я даже затрудняюсь определить масштабы этой Системы, если она создала и контролирует такую громадину!

Вот только у любого механизма бывают сбои, в любой программе появляются вирусы. И это, видимо, как раз тот случай.

Но почему спасти эту Систему должен именно Я?

Самый главный вопрос. И старик уж точно мне на него не ответит.

— Ладно, — сказал я, опорожнив кружку до дна. Бодрит, на самом деле этот их травяной чаек! — Разберемся по ходу дела. Дальше что? Собираться надо!

— Да, собираться надо, — согласился старик, поднялся, засуетился, не зная, за что схватиться. — Надо собираться! Время не ждет! Вот как всегда, когда долго чего-то ждешь, готовишься, а когда оно приходит — всегда неожиданно!

Я поднялся, поправил одежду.

— Все-таки еще вопрос у меня без ответа остался — я один буду? Или поможет кто мне хотя бы первое время в вашем лесу ориентироваться? Я, дедушка, в отличие от тебя, путешествия не очень люблю, в незнакомом месте очень плохо ориентируюсь. Боюсь, заблужусь в ста метрах от поселения!

Старик заулыбался, подошел ко мне, похлопал по плечу. Думал скажет сейчас, мол, не переживай, камень тебе в помощь, а ежели чего — Лес подскажет. Но он сказал, кивнув на

Митьку.

— Митрофанушка тебе первое время подсобит!

Митька вскочил со своего места, рыжие волосы дыбом, глаза навыкат, зубы настежь. Аж трясло его от возбуждения.

— Я? Да я! Да конечно! Да всегда!

Подскочил к нам, стоял как на пружинках. Старик приобнял его одной рукой, проговорил.

— В дальний поход, Митенька, не рассчитывай. Нику только первое время сноровка твоя понадобится. Дорога у него дальняя, трудная. А ты мне здесь нужен. Чай, если все хорошо сложится, Ник вернется к началу обучения. А если нет, если боги и судьба решат и сгинет он на чужбине... То ты заменишь учителя своего и наставника. Понял?

Митька как-то поник сразу, посмотрел на меня печальным взглядом.

— Понял я, Никодим Евлампович. Я не подведу!

— Знаю, что не подведешь. Верю в тебя.

Я смотрел на эту идиллию старика и юноши, и от умиления аж слезы готовы были навернуться. Вот только это *меня* на чужбину отправляют, вообще к черту на рога, я бы сказал. А еще лучше, как в сказке — за тридевять земель! Чтобы найти то, не знаю что! Там, не знаю где!

Я покашлял в кулак.

— Про меня не забыли? Вообще-то мне напутствие требуется какое-нибудь, а? Инструкции, пожелания, рекомендации, нет?

Они повернули ко мне свои лица. Жалостливые выражения какие-то. Не понравилось мне это. Будто на войну отправляли. Или я чего-то еще не знаю?

Старик хлопнул в ладоши. Как плетью по ушам резануло.

— Ну, что ж! — бодро сказал он. — Пора!

* * *

В дорогу меня собирали не долго. От старика я получил только карту и пожелания счастливого пути. Ну, и возвращения со щитом или на щите. Спасибо, как говорится, на добром слове.

Остальное мы с Митькой у меня дома собирали.

Оказывается, у меня и мешок походный нашелся, и в безразмерном погребе провиант разный консервированный, и оружие охотничье, не ружье. Из своего дома Митька притащил и для себя мешок. Показал мне камушки-огнивки, которые мне напомнили обычный кремний — чиркаешь друг об дружку, искорки снопом вылетают. И подобие компаса — иголка, запаянная в слюдяную лепешку. Я повертел это изобретение местных умельцев — внутри жидкость какая-то, но стекло крепкое, толстое, игла острым концом ровно на север показывает.

— Здорово придумано! — похвалил я.

Митька посмотрел на меня, как на... не знаю уж кого.

— Это же ты сам придумал, Никифор Иваныч! — вздохнул он, качая головой.

Вот те на!

Ну, Никифор, ну учитель!

Вот лично я бы ни за что не додумался. А этот, смотри-ка ты!

Нож охотничий Митька мне свой подарил — лезвие широкое, длинное, рукоять удобная, но слишком какой-то легкий для своего размера.

— Так у нас же ничего железного нет! — ответил Митька на мой очевидный вопрос. — Железа в Лесу давно нет, сгнило! Ну, может только у мутантов в Городе, у них там даже, я слышал, целый завод сохранился! А у нас все из дерева. Копья, плуги, мотыги, лопаты, топоры и вот ножи — все из железного дерева делается!

— Что это еще за железное дерево такое? Чего-то не припомню такого!

Митька, видимо, решил не обращать внимания на мою потерянную память. Не жалел времени и сил терпеливо объяснять заново все, о чем не спрошу. Ну, прирожденный учитель. Не то, что я. Что ж, хотя бы хорошую смену после себя оставляет Никифор, если судьба будет ему не вернуться в родное гнездо отшельников через тридцать три дня.

Для меня же — что в огня, что в полымя! Дорога одна — на север, не изученный даже местным столетним Миклухо-Маклаем. Только вот до сих пор не пойму, как мне камни-то искать?

Я достал свой камень из-за пазухи, осмотрел, потряс, послушал, поднял над головой. Тишина. Камень как камень. Только красный и слегка теплый.

Как это работает?

Не иначе как Система будет подсказывать! Только на суперкомпьютер надежда осталась.

Я мотнул головой, вызывая меню.

Локация Большой Лес.

Уровень 1. Пробуждение

Основные показатели:

Сила 140 (Уровень 2, Кристалл Силы)

Выносливость 36

Интеллект 54

Дополнительные показатели:

Дух 38

Память 9

Скорость 10

Миссия 1: найти Кристалл Света (раса мутант, подвид А (белый))

Ага! Вот и миссия определилась! Это после наставления старика что ли? Значит, Система все видит, все знает, и старик — это все-таки часть Системы! Как я и подозревал!

Блин, ну естественно, Система все видит и слышит — как минимум моими глазами и ушами. Не говоря о встроенном чипе. Какими он, интересно, обладает функциями? Как влияет на мой организм (точнее, организм Никифора) и на мое (уж точно МОЕ) сознание?

Да черт его знает. Пока не ясно.

Разберемся по ходу дела.

Так, еще кое-что зацепилось в сознании: миссия под номером один. Найти Кристалл Света, который находится у мутантов. Это не про этих ли мутантов говорил Митька? Они же другие, не те, представителя которого я завалил давеча? Те, помнится, были подвид В (черные), а эти подвид А (белые).

— Так я знаю этих мутантов! — ответил Митька. — Конечно, они не выродки. Они

просто, э, другие немного. Хотя чокнутые какие-то по своему, в общем. Потому и называются мутантами! — развел руками Митька и подытожил. — Не чистые они!

— Как мы?

— Ага.

— Но тоже белые? — спросил я.

— Но мы же не белые!

— В смысле? А какие?

— Ну, красные, наверное.

— Ну ты-то точно, но не все же такие «красные» как ты!

— Я не красный, я рыжий! — обиделся Митька. — А они совсем белые! Ты же видел их!

— Когда? — я замялся. Ну да, Никифор-то, может, всех тут видел, но не я же! — Ладно.

Проехали.

— А почему ты спрашиваешь про них?

— Нам надо к ним попасть. У них камень первый, что нам нужен. Называется Кристалл Света! Покажешь на карте, где это?

Митька развеселился.

— Так я тебе рукой покажу! — и махнул куда-то в угол. — Вон там, через Лес, полдня пути! Рядышком!

— Ага, рядом — полдня пути! Это ж сколько километров?

Митька в ответ пожал плечами, мол, как считаешь в лесу? Потом развернул карту, похмыкал, разглядывая, смело ткнул пальцем.

— Вот здесь у них Город, и завод тут, у пруда!

По карте расстояние было ну два ногтя от нашего поселения. Сколько же в километрах? Два? Двадцать? Сколько можно пройти по их лесу за полдня? Даже не представляю.

Да и никто бы не представил, пока сам не попробует первый раз.

Никифор-то, понятно, тоже путешествовать любил, видимо. Но не я!

Не считая тех ста метров, что меня вели «домой», я в *настоящем* лесу еще и не был.

Перед глазами всплыли сосны-великаны, березы-гиганты, ели-монстры, что окружали маленькие тесные домики человечков в этой общине — оторопь брала.

А мне предстояло только за первым камушком идти полдня по этим джунглям!

— Когда выходим? — спросил я Митьку.

— Так по утру! — ответил он. — Отдохнуть надо перед дорогой, выспаться. И выйти пораньше, чтобы к вечеру домой вернуться.

— Ну да, логично. Так что, спать что ли ложиться?

Митька глянул в маленькое окно, повернулся.

— Не, рано еще. Еще не стемнело.

— И что? — спросил я. Мне показалось логичным одно предположение. — Вообще, когда часов нет, спать надо тогда, когда хочется! Вот захотел спать — пошел и лег. Захотел есть — пошел и поел! А? Как тебе такое ноу-хау?

Митька опять обломал все мои мыслетворения, как говаривал один местный.

— Так мы так и делаем! — сказал он так, словно это была очевиднейшая вещь. Но теперь он уже не смотрел на меня как на идиота. Привыкать начал.

— Давайте-ка мы поужинаем, — предложил он. — А потом слазаем на твое дерево! Так сказать «на дорожку»! И погодка благоприятствует.

Я несколько обалдел.

— Какое такое мое дерево? У меня и дерево свое есть?

— Ну, не совсем твое, конечно! Тут все деревья Лесу принадлежат...

— Так это понятно...

— Но оно просто у тебя любимое. Самое высокое у поселения. Мы часто там бываем поздно вечером, чтоб охранители не видели.

— Во как! А это не опасно? Я вообще-то высоты боюсь!

Митька просто заржал во весь голос. Я даже за окно выглянул — услышат люди, прибегут, а мне незачем лишнее внимание.

Но Митька просмеялся, вытер слезы, сморкнулся в рубаху.

— Ну, рассмешил, Никифор Иваныч! Прямо до слез!

Я с серьезным видом терпеливо ждал, когда он приведет себя в нормальный вид.

— А мне и не смешно, Митрофан Хохотульевич!

Теперь настала очередь посерьезнеть Митьке.

— Да вы ж как заяц по веткам скачете! Как белка прыгаете с дерева на дерево — у меня аж дух захватывает! До сих пор не могу в себе этот страх перебороть! А у тебя, прямо... Эх, даже завидую. Но понимаю, что кому-то это дано, а кому-то... Дано что-то другое, наверное.

Я вздохнул.

Тяжело в чужом теле. Никак не привыкну. Все чего-то этот Никифор выкидывает эдакое! Вроде простой учитель...

— Ладно, — согласился я. — Давай перекусим на самом-то деле. И правда жрать захотелось.

Митька стоял, нетерпеливо переминаясь. Я посмотрел на него, усмехнулся. Ну, а чего? Никифор-учитель, в теле которого я оказался, значит, скачет по деревьям, а я что, хуже что ли?

— Хорошо, — вздохнул я. — А потом, как стемнеет, по деревьям попрыгаем. Уговорил.

Митька-балда, как ребенок, даже в ладоши хлопал.

Мы сытно отужинали. Удивляться размером овощей этого мира я перестал.

— Сколько у нас времени? — спросил я.

— Да есть еще! — ответил он неопределенно, глянув за окно.

— Тогда я после сытного обеда малость полежу, если ты не возражаешь. Привычка, знаешь ли. Да и сил надо набраться перед дальней дорогой, как никак.

Митька не возражал, занялся уборкой после ужина, а я вальяжно прошелся вдоль стеллажа своей библиотеки, выбирая книжку. В глаза бросилась ботаника. То, что нужно, решил я. Хоть что-то узнаю о растительном мире, и как он изменился за это время.

С потрепанным раритетом завалился на кровать, стал листать, разглядывая картинки и пытаюсь вникнуть в разнообразие видов, семейств и классов деревьев, кустарников и прочей травы. Тревожные мысли, кружащие в голове, не давали сосредоточиться: что там ожидает нас за воротами поселения? При всей своей показной браваде, внутри у меня, естественно, все сжималось от неопределенности и непредсказуемости предстоящего путешествия. Так, думая о своем, глядя пустыми глазами на страницы, я незаметно отключился.

Не знаю, на сколько я вырубился, но когда Митька затряс меня за плечо, в доме было сумрачно. На столе горела лучина, окна темны.

— Ну, время пришло! — провозгласил он. — Мы идем или как?

— Куда? — спросонья я и забыл, куда мы собирались.

Протер глаза, потянулся, сел в кровати.

— Так как же! — возмутился Митька. — На Лес смотреть!

Я вспомнил, состроил гримасу.

— А это точно надо? Может, в следующий раз?

— Да ты что! — замахал он руками. — Сейчас самое то! Луна какая! Небо чистое!

— Ну что ты там не видел? Сколько раз ты там был?

— Много, — настаивал на своем Митька. — Но каждый раз — как первый! Лес всегда по-разному выглядит.

— Тебе что, адреналина не хватает, чтобы по деревьям лазать?

Митька пожал плечами. Потом посмотрел на меня как-то странно, спросил.

— А ты вообще помнишь, сколько раз сам там был?

— Я — не помню, — сознался я сразу. Это ведь Никифор лазил по деревьям, как обезьяна. А я такое занятие не очень люблю. Внутреннее чувство самосохранения как-то сдерживало меня от таких опрометчивых поступков.

— Вот! — провозгласил Митька радостно. — Я так и подумал, что ты не помнишь!

— И что?

— Как что! Да ты, если хотя бы раз увидишь — на всю жизнь не забудешь!

— Да хватит меня уговаривать! — сказал я и, обогнув дрожащего то ли от нетерпения, то ли от возмущения, Митьку, прошел на кухню воды испить. Со сна во рту пересохло.

— Ты же обещал! — напирал Митька, шествуя за мной.

Я зачерпнул кружку воды, отпил. Два глотка взбудрили, как чашка крепкого кофе. У меня даже глаза, кажется, стали лучше видеть! Привыкну я когда-нибудь к этим местным штучкам?

Митька дышал в затылок.

Да, похоже, он не отстанет. Ну, и, с другой стороны, негоже учителю-наставнику ронять свой авторитет перед учеником.

— Ну, ладно! Пошли! Раз уж обещал, — сказал я, но получилось, будто делал ему одолжение. — Мне уже самому интересно стало, что это там такое с дерева можно увидеть грандиозного.

— Вот точно удивишься! — сказал Митька. — Я, когда первый раз увидел — от восторга чуть не свалился! Хорошо, что ты рядом был, поддержал.

— Вот валиться точно не нужно! — сказал я, двинулся к выходу. — В мои планы падение с деревьев пока не входит. И вообще, технику безопасности на высоте нужно соблюдать! Вы ее соблюдаете?

Я обернулся к Митьке.

Он смотрел на меня выпученными глазами.

— Конечно, соблюдаем! — ответил он, но как-то неуверенно.

Что ж, посмотрим.

Пока мы в полумраке пробирались огородами к забору, подумал, что эти вот лазания по деревьям для одичавших отшельников своего рода аттракцион. А чем им еще в свободное время заниматься, чем развлекать себя? Наверняка, еще и соревнования проводят по лапте, городкам и прочим незамысловатым деревенским играм.

— Нам сюда, — прошептал Митька, указывая на неприметную лесенку, приставленную к крайнему дому.

Мы вдвоем ее поставили к частоколу, уперев верхний конец в мостки. Я влез первый, Митька за мной. У него это все равно получалось как-то ловчее.

Лесенку он уронил в траву.

— Эй! — возмутился я шепотом. — А обратно как?

Митька удивился.

— Как всегда — спрыгнем.

Я глянул вниз — метра три, как со второго этажа прыгать. Он что, сдурел? Я же ноги себе переломаю!

Потом подумал, потрогал накачанные, жилистые ноги Никифора и понял — для этого тела прыжки с такой высоты плёвое дело! Он, наверное, и с деревьев может прыгать.

— Ладно, — сказал я. — Согласен. Я просто подзабыл, ты же понимаешь.

Митька кивнул. Он понимал. Уже понимал, как никто в этой секте. Ну, теперь еще и старик, естественно.

Пригнувшись, маленькими шажками я двигался по дрожащим мосткам за Митькой. Спросил в спину.

— Слушай, Митька, я тут про старика этого вспомнил...

— Никодима Евламповича?

— Да, его самого. Он выглядит уж больно каким-то пожилым, я бы даже сказал — дряхлым. Сколько ему лет? Просто он тут намекал про вспышку, что все было по-другому до нее, телефоны там и прочее.

Митька остановился, повернул ко мне улыбающуюся конопатую физиономию, подсвеченную лунным светом.

— Ты засомневался? — спросил он с какой-то гордостью.

Я оторопел.

— Ну, знаешь, в моей голове это как-то не сходится, — сказал я честно. — Ты сказал,

что вспышка была триста лет назад...

— Триста семнадцать, — поправил Митька.

— Ну, триста семнадцать, тем более! Разве может человек жить столько? Это ж ему даже больше, где-то триста тридцать или триста пятьдесят!

— Да, — подтвердил он больно как-то просто, будто очевидную вещь объяснял. — Потому он и Старейшина! Самый древний из нас, самый первый даже, наверное. Это он общину организовал!

— Триста семнадцать лет назад?

— Ну да! Лес ему помог!

— Ох, ты! — сыронизировал я. — Про Лес-то я и забыл!

А сам подумал, что, наверняка это не Лес, а ЛЕС ему подсобил. Он тоже про Систему знает. Вполне возможно, что даже сам часть ее! Или хотя бы участник этой Программы! Только придуривается стариком, потерявшим память.

Прямо, как я.

— Ну вот, пришли, — сказал Митька и показал рукой на висящую над нами толстую ветку. Толстая, как бревно, она была вне досягаемости вытянутой руки. Ствол гиганта виден не был — терялся в темноте леса. Характерные листья не оставляли сомнений в виде дерева.

— Это что?

— Это дуб.

— Я вижу, что не елка! — возмутился я. — Где тут веревка, лестница или как?

Он опять посмотрел на меня, как на ... ладно, не буду говорить. Мне бы начать не выражать свои эмоции вслух вот так бездумно и сразу — глядишь, и впечатление производил бы иное.

Митька ничего не сказал, вздохнул только тяжело и... подпрыгнул. Ухватившись руками за ствол, ловко закинул перед собой ноги и — о-па, через секунду белозубая улыбка, как у чеширского кота, сияла с ветки.

Хотел сказать: «А, вот как надо! Ну, я так и думал!», но не стал, чтобы лишний раз не показывать свою тупость типичного горожанина.

Сомнения у меня возникли только по поводу того, сам-то я так смогу? По всем признакам, тело Никифора было покрепче этого рыжего задаваки, но в реальности? Ах, да — у меня ведь еще и камень есть, увеличивающий силу! Но опять же как им пользоваться? Можно вызвать этот всплеск силы по своему желанию, или он возникает неосознанно, только в экстренных случаях, как при нападении выродков?

Что гадать. Надо проверить.

Я шумно выдохнул, присел, не отпуская взгляда от ветки, резко оттолкнулся и... чуть не перелетел эту самую ветку! Хорошо Митька подхватил меня за рубаху.

— Ух ты! — только и воскликнул он, когда я выровнялся на ветке, балансируя. В глазах я прочитал восхищение. Что ж, несколько очков я себе вернул.

Но, черт возьми, как это у меня получилось? Волшебство, магия? Или чужое тело начинает подчиняться сигналам моего разума?

Если так, то хорошо. Лишь бы не перетрутить его, в смысле мое тело.

— Ну как? — не без гордости спросил я, встав в полный рост.

— Ты такого раньше не делал! — искренне изумился Митька.

— Я — точно не делал. Ну, куда дальше? — я всматривался в утопающую в сумерках высоту. — Наверх, я так понимаю?

Митька стоял, разглядывая меня.

— Что не так? — спросил я.

— Я хотел сказать, — начал он робко, отведя взгляд. — Никифор никогда бы так не сделал.

— И что? — удивился я, еще не понимая, что его так взволновало. — А теперь могу!

Митька продолжил каким-то испуганным голосом.

— Я теперь понимаю, что ты не Никифор.

Ну вот, здрастье, приехали. Дошло, наконец.

— Это ничего не меняет, Митька, — сказал я. — Тело Никифора, разум... мой. Что тебя так уж сильно смутило? Сила моя? Так она благодаря камню, ты же знаешь!

— Да нет, — залепетал Митька. — Это я понимаю. Просто... если ты не Никифор, то как тебя на самом деле зовут?

— Да какая разница, Митька? — сказал я. — Если честно, то свое настоящее имя я просто не помню. Ну, ты понимаешь... а раз здесь я вынужден находиться в этом теле, то... пусть так все и будет. И зови меня, как раньше звал. Точнее, как мы с тобой договорились — Ник.

— Ник?

— Ну, да! Мы же договорились? Помнишь?

— Да, помню.

— Ну, вот и все! Имя «Ник» мне нравится, нормальное имя. Мне даже кажется, что оно на мое настоящее чем-то похоже.

— Да?

— Да. Короче, мы на дерево полезем? А то время идет, а нам утром в путь-дорогу выдвигаться!

— Да, конечно, — сказал Митька и, раскинув руки в стороны, как заправский канатоходец, пошел по ветке в сторону ствола. — Нам туда!

Я пошел следом, имитируя его движения.

Снизу зияла пустота метров пяти, вверху терялись в вечерней дымке сотни стволов. И какого лешего я согласился?

Хотя, надо сознаться, никакого страха я не чувствовал. Шел спокойно, уверенно, как по земле. Ну, или как по бревнышку, лежащему на земле. Неожиданно приобретенные свойства тела вдохновляли. На какой-то миг я даже почувствовал уверенность в предстоящем предприятии. Даже азарт какой-то появился!

Митька остановился у огромного — в несколько обхватов — ствола. Словно в стену в темноте наткнулись. Из интереса я решил узнать параметры этого дерева. Привычно кивнул, глядя на интересующий предмет, мысленно делая запрос у ЛЕСа. И ответ не заставил себя ждать. При чем, что порадовало, в сумерках надпись, возникшая перед глазами, была слегка приглушенного цвета, чтоб не ослепляло.

Объект: дерево.

Вид: дуб черешчатый

Род: дуб

Семейство: буковые

Порядок: букоцветные

Основные показатели:

Я даже присвистнул. Ничего себе!

По цифрам я понял, что отображается высота, максимальный диаметр ствола и возраст. Видимо, у всех деревьев, кустов и прочих растений именно такое меню выходит.

Интересно, а у животных какое?

Я огляделся, вблизи животных не видно было. Да и разглядишь их в темноте? Ладно, завтра проверим, когда к мутантам пойдем.

Митька терпеливо ждал, когда я закончу свои мыслетворения. Когда убедился, что я его слушаю, сказал, показывая наверх.

— Я теперь не знаю, Ник, как ты будешь это делать. Ну, после того, что ты... в общем, раньше мы с Никифором делали так.

И он показал. Оттолкнувшись от шероховатого и рельефного ствола ногой, он схватился за ветку, проделал тот же подъем с переворотом и встал на ноги. Ловко! Прямо, как заправский паркурщик! (Откуда-то из другого сознания всплыло это слово). Помахал мне рукой, внимательно наблюдая: как на этот раз я заскочу. Если честно, я чувствовал, что мог бы так же, как в первый раз, оттолкнуться, подпрыгнуть на два метра и заскочить, встав прямо на ноги. Это было бы и быстрее и проще. И в своей силе я был теперь уверен, тело слушалось. Но, ветка была прямо над головой — как я на нее заскочу? Поэтому в этот раз я сделал так же, как Митька. Ну, а дальше я чередовал прыжки сразу на ноги и подъемы с переворотами — в зависимости от расположения верхних веток.

Так, перескакивая с ветки на ветку, почти как заправские обезьяны, мы за минуту, наверное, достигли верхушки гиганта-дуба. У меня было огромное желание встать на самую верхнюю ветку, чтобы, как со смотровой площадки наблюдать за окрестным пейзажем. Но Митька предостерег меня. Показал, как безопаснее. За верхние ветки мы держались руками, а стояли на уровень ниже и на разных ветках.

Когда я, наконец, устроился на ветках, раздвинул листья, открывая себе обзор, то сразу же восторженно вскрикнул. Вид открывался действительно потрясающий! И ни на секунду я не пожалел, что залез на эту верхотуру.

Прямо перед глазами сияла полная и идеально круглая, как блин, луна. Настолько большая, яркая, рельефная, что, казалось, протяни руку и коснешься ее пальцами. Там же, где ее свет не закрывал небосвод, сияли разноцветные звезды, рассыпанные как крупа на дороге. А под этой красотой расстилалось бескрайнее серо-зеленое море, застывшее в шпиль. Но оно кое-где все же играло лунным светом на верхних ветках дубов, берез, елей, как барашками на волнах этого грандиозного и такого же бесконечного моря.

Митька мне показывал и рассказывал — где, что находится. Вон там изогнутая расщелина Большой реки, как каньон. Самой реки не видно за гигантскими деревьями. Справа вдали играл в свете луны какой-то пар, как смог. Это Черный Лес. Вон там, далеко, отсюда не видно, за холмом чернеет пруд, у которого и находится Город Мутантов. Туда мы завтра пойдем.

Да, далековато.

Но хотя бы не через Черный Лес идти. Вид у этого леса и отсюда неприятный.

А вот за Черным Лесом, вешал Митька, Большие Болота. Там живут лешие.

— Да какие лешие? — усмехнулся я.

— Самые настоящие! — уверенно твердил Митька. Волосы у него от света луны как на

одуванчике горели красным. Смешной.

— Леших не бывает! — сказал я. — Может, это очередной какой-то вид мутантов?

— Нет, — настаивал на своем Митька. — Это точно не мутанты. Они не измененные. Они чистые, как мы. Почти. Наверное. В общем, это древние люди, они пришли с северных лесов.

Я отмахнулся от него. Несет какой-то бред.

Хотя...

— Слушай, Митька, а это случаем не одна из тех рас, что мне надо будет посетить в ближайшие дни?

Митька, не отрывая восторженного взгляда от луны, пожал плечами.

— Может быть. Это только ты можешь знать. Тебя же Лес призвал, не меня.

Так сказал, будто завидует.

Я что, сам напросился? Меня тоже поставили перед фактом вообще-то.

— Но я не знаю, — сказал я.

— А я тем более, — пробурчал Митька и начал копошиться. — Надо спускаться. Завтра вставать рано.

— Конечно, — сказал я, вздохнул и еще раз окинул жадным взглядом лесную долину, пытаюсь сфотографировать в памяти этот вид. Когда еще на верхушку такого дерева залезем?

Повернулся и увидел перед собой черный квадратный колодец теряющейся на дне деревни. Ровный крест улиц, домики малюсенькие, как игрушечные были едва заметны. Людей с такой высоты заметить вообще не представлялось возможным, только если днем. Еще бы — больше сотни метров высоты! У меня аж дух захватило. И страх. Как я обратно-то буду прыгать?

— Митька! — крикнул я вниз. — Ты зачем меня тут бросил? Я же не знаю, как надо вниз прыгать, я только вверх умею!

— Да проще простого! — донеслось снизу. — Просто приседаешь и спрыгиваешь!

Сказал! Блин!

Я присел, луна отсвечивала сквозь ветки, расчеркивая белыми слепящими полосами. Где тут нижняя ветка, хрен чего увидишь! А вниз лететь — переломаешься весь, пока долетишь! Митька спускался резво, привычно, похрустывая уже на несколько ярусов ниже.

Ну, Митька, гад!

Что ж, поехали! Один раз живем! Чему быть — того не миновать!

Я перехватился руками, спустил с ветки ноги, опустил. Посмотрел вниз, ища глазами следующую ветку. Придется слегка раскачиваться. Раскачался, спрыгнул — еле-еле попал на нижнюю ветку, зашатался, сердце ушло в пятки, быстро присел, схватился руками, снова спустил ноги и... так далее.

Догнал Митьку почти в самом низу.

— Ты чего меня бросил?

— А чего?

— Я ж не знаю, как спускаться!

— Спустился же, — пожал плечами Митька. — Научился.

— Научился, — передразнил я, ловко спрыгивая с последней ветки на мостки. Громыкнул. Те закачались, вдали залаяла чуткая собака.

— Да тихо ты! — зашептал сверху Митька. — Здесь надо на руках было спускаться! Ты же мог на мостках провалиться!

Вот те раз, а на кого эти мостки тогда рассчитаны? Не порядок!

— Не провалился же! — сказал я, гордый собой. — Не бойсь, со мной не пропадешь!

Видишь, как я быстро всему учусь!

— Вижу, — пробурчал Митька, плавно опускаясь рядом. — Не переучись только.

И сразу спрыгнул под мостки в траву.

Что он имел в виду? Я так и не понял.

— Я домой, — крикнул он шепотом снизу. — Завтра с восходом приду!

— Окей! — сказал я, принаравливаясь к прыжку.

— Чего?

— Хорошо, говорю! Жду!

— А! — Митька уже шел вдоль домов под крышами в тени отсвечивающей луны.

Я спрыгнул, достаточно мягко и умело, даже удивился себе. Поднял голову, глянул из колодца наверх. Луны отсюда видно не было. Только свет ее играл на верхних ветках деревьев-гигантов. Вид вообще никакой. Даже мрачный.

Резко похолодало.

Я поежился, вздохнул и побрел к себе.

* * *

А этой первой ночью на новом месте мне приснилась какая-то женщина. Может, девушка. Стройная, молодая. Лица ее я не видел. Она стояла спиной ко мне у большого светлого окна и держала что-то в руках, будто бы ребенка грудного. Окно было распахнуто, перед ним колыхались светлые прозрачные шторы. Волосы женщины тоже трепал ветерок. За окном шумел лес — нормальный лес, обычный. Привычный. Птицы разноголосно щебетали. И окно тоже было нормальное — большое.

Я проснулся от нудного тихого стука.

Светало. Мутный туманный утренний свет кое-как пробивался в маленькие окошки. На окне я увидел того, кто меня разбудил в такую рань — муха. Жирная такая она ползала по стеклу, набираясь сил, потом взлетала и с размаху шмякалась в стекло. Размером с боб или вишню (в моем мире) эта толстая черная зараза тупо билась в светлый проем, пытаясь безуспешно вылететь. Раз пятнадцать-двадцать подряд, потом садилась на стекло, отдыхала и по новой.

Чтоб тебя!

Встать, шлепнуть ее?

Но она такая огромная, что пятно на пол окна останется, отмывать потом. Ну ее!

Я забрался с головой под одеяло, надеясь не слышать отвратительные жирные шлепки и еще подремать. Где там!

Ладно, придется вставать.

Рассвело, значит с минуты на минуту прибежит рыжий Митька — все деревенские рано встают. А это поселение точно имело именно деревенский уклад.

Я вылез из-под шкур, зябко поежился, быстро оделся, умылся. Кофейку бы сейчас! Но где ж его взять в этом средневековье. Лучшее, чего можно было ожидать только чай на травах. А у меня, точнее у Никифора, они, интересно, в хозяйстве есть? Должны быть.

Я пошарил на полках в коробочках и баночках. Что-то нашел, понюхал — вроде то, а, может и нет. Решил не рисковать, подождать Митьку. А то заваришь еще что-нибудь не то, только хуже сделаешь. Вообще-то и отравиться запросто можно.

Зачерпнул кружкой простой водички из кадки, маленькими глотками выпил, глядя через мутное окно на улицу. Довольно неплохо и эта живая вода взбодрила, по крайней мере, глаза стали лучше видеть.

А за окном уже была движуха: ходили мужики, бабы, гуси стайкой прошлепали. Это я только когда пригляделся, то понял, что это гуси, а сначала подумал, что индюки — такие они были жирные, вальяжные, откормленные. Кто-то не своим голосом звал то ли Полиграфа, то ли Поликарпа, не понятно. Потом увидел животное, от вида которого чуть кружку не выронил из рук. Мужик проходил мимо крепкий, бородатый, ну это как большинство здесь, и вел на поводке... я сначала думал бычка, а он какой-то уж больно волосатый, хвост пушистый, пригляделся, а это собака! Елки-палки! Собака с бычка, килограмм под двести или триста и ростом почти с мужика! Медведь, да и только, только длинноногий и не косолапый! На таких собаках вполне можно по лесу рысцой, вместо коня!

Я хотел точные параметры узнать, воспользовавшись считывателем в своей голове, но поздно вспомнил, они уже прошли.

Я поставил кружку на стол, сел. Не хорошее чувство где-то внутри появилось. Холодок какой-то. Это, если собачка такая с медведя, то медведь тогда какой?

Даже представлять не хотелось.

А ведь мне в лес выходить скоро. В дикий странный гигантский лес, полного таких вот странных гигантских и диких животных!

Просидел я так, в тяжелом раздумии недолго, минут через пять в дверь тихонько стукнули, и она тут же со скрипом распахнулась.

— Ну, наконец-то, Митька! — крикнул я из кухни, приподнимаясь. — А у меня к тебе пара вопросов тут возникла как раз.

Но на кухню вошел не Митька, а ворвалась та блондинка, дочка председателя этого колхоза. И, кстати вспомнил, еще и моя невеста! Я ж про нее и забыл! Как же ее... Полина! Вспомнил, остолоп.

— У меня к тебе тоже пара вопросов! — выдохнула она и повисла слёту у меня на шее. Горячая, вспотевшая, лицо сырое, ревела что ли, пока бежала?

Чувствовал, как вздымается ее упругая девичья грудь, аромат волос дурманил. Я осторожно приобнял ее в ответ, не зная, что сказать.

— Я, э, как-то не ожидал, — забормотал я. — А как ты узнала?

Полина подняла на меня безумные, испуганные голубые глаза, сдвинула бровки.

— Ты это что!? Хотел уйти со мной не попрощавшись?

При этом она продолжала держать меня в своих нежных, но сильных объятиях.

— Так нет же! — оправдывался я, не зная, что сказать. — Я хотел зайти потом...

— Как же! Хотел! — сказала она. — Знаю я тебя! Всегда так делал!

— Всегда? — спросил я.

— Да! Всегда, когда в Лес от меня сбегал!

— А я уже сбегал?

Она отстранилась от меня на вытянутые руки, внимательно посмотрела в глаза.

— Ты что, придуриваешься?

— Да нет же! — сказал я как можно убедительнее, пытаюсь, однако уйти от ее сжигающего взгляда. — Правда хотел! Э, вот те крест!

— Какой крест? — Она все же отпустила меня, осела на табурет, уткнулась лицом в ладони, проговорила с упреком. — Совсем ты меня не любишь, что ли?

Я сел рядом, взял ее за руку, сказал как можно искреннее.

— Да что ты, дурочка, конечно, люблю! Как можно не любить такую... красавицу, умницу, отличницу...

Она не слушала мою околесицу. Стала говорить, глядя перед собой, вдаль.

— Я как узнала, что ты за какими-то камнями магическими пойдешь, чтобы спасти Лес, чуть от ума не отстала. Это же опасно! Такое про Лес Старейшина рассказывал!

— Ты как узнала? — снова спросил я, уже догадываясь, кто мог проболтаться. — Митька проболтался?

— Что Митька? — теперь она глаза отводила. — Ну, Митька! И что?

Она отцепила мою руку, сложила свои на груди в замок, выражение лица сразу же переменилось.

— Я пошла к нему узнать, что с тобой не так! Ты какой-то странный сегодня был, будто больной! И я же видела, что вы к Старейшине ходили!

— Следила, что ли?

— Да больно надо следить за тобой! Вы как бычки на выгуле топали по улице! Вас все видели!

— Выпытала, значит, у Митьки...

— Ой! Да чего там выпытывать! У него все на конопатом лице видно! Аж сиял весь, как красно солнышко! Еще бы — со своим наставником, да еще и в поход! Ты его никогда в Лес с собой не брал! А сейчас чего?

Я решил умолчать о главной причине, сказал уклончиво.

— А сейчас нужен мне. Для поручения особенного.

— Какого поручения? — красивые губки исказились в недоверчивой усмешке.

— Ну, не знаю, весточку с ним домой передать. Что, мол, жив-здоров, иду по компасу, цель близка, ну и так далее.

— Чего ты мне тут чешешь? Весточку! Врать-то уметь надо! А ты никогда не умел! Все у тебя на хитром лице твоём написано.

Я тяжело вздохнул. Это что же, она еще даже не жена, а пилит уже вовсю! А что потом будет? Я не знаю, в каких там отношениях с ней Никифор был, но мне такого не надо и даром. Чувствую, что в своей настоящей жизни я придерживался других отношений с женским полом, более отдаленных, дистанционных.

Но, я-то городской. А тут, в деревне все совсем по-другому.

В этот момент в дверь снова тихо постучали.

— Кто? — крикнул я, вставая.

Полина перехватила меня за руку.

— Сиди! Кто надо — войдет!

Я упал обратно на табурет. Да, жесткая девушка. И как этого Никифора угораздило? Точно не мой формат...

Из-за печки выглянуло конопатое недоразумение с кривой ухмылкой на лице.

— Полина? — спросил он, кинул взгляд на меня. — А ты чего здесь?

Вместо ответа в него полетела деревянная ложка. Еле успел уклониться. Ложка простучала по деревянному полу, затихла в углу.

— Иди сюда, заговорщик! — не терпящим возражения тоном сказала Полина.

— А я чего? — пробормотал Митька, осторожно приближаясь. — Мне вообще не было велено кому-то докладывать.

— Но мне проговорился?

— Тебе как не проговоришься, — пробурчал он, прижался к печке. — Ты из кого хошь душу вынешь!

— Но! — прикрикнула Полина. — Ты тут мне без этого, понял?

— Понял, понял, — еще тише прошептал Митька.

Полина смягчилась, взяла меня за руку двумя руками, зашептала, заглядывая в глаза.

— Мне отец давно говорил, что кого-то Лес пришлет. Ему Старейшина все уши про это прожужжал. Но никто даже догадываться не мог, что Лес тебя выберет! Почему?

Я попытался тихо освободиться от ее хватки. Бесполезно. В ответ только пожал плечами.

— Да я сам в шоке! — только и сказал.

— Но ничего! — вдруг заговорила она серьезно. — Ты все сделаешь, как надо, вернешься с победой, и тогда уж точно я выйду за тебя замуж! Уже без всяких запасных вариантов! — и со словами — Ты мой герой! — придвинулась ко мне и буквально утопила меня в своем поцелуе.

Господи, я чуть не задохнулся от неожиданности.

Хорошо, хоть Митька так вежливо кашлянул, и сумасшедшая блондинка с порозовевшими щеками отпустила меня.

Чтобы прервать возникшую неловкую — по крайней мере для себя и Митьки — ситуацию, я спросил.

— А отец твой, Захар, тоже придет?

— Нет, отец не придет. Его ранили вчера в плечо выродки. Лежит он. Лекаря вызвали,

говорит, отравленная стрела была.

— Так с ним все нормально будет? — спросил я.

— Тебе уже какая разница? — ехидно сказала она. — Ты в великий поход собрался! Лекарь сказал, что нормально. Яд у них слабенький какой-то. Оклемается к завтраму.

— Ну и ладно. Ну и хорошо.

Мы опять помолчали.

И опять, как в какой-то пьесе, в дверь тихо постучали.

Кто же еще-то может прийти? Только если...

Тихо, как кот, на кухню вплыл сухонький, сгорбленный Старейшина. Впечатление он производил не лучшее, словно за ночь лет на пятьдесят — учитывая его реальный возраст — постарел. Даже всегда живой, колючий взгляд потух, глаза затянулись пеленой.

— Вот что значит, потерять силу! — сказал он, медленно опустился на заботливо подвинутую Митькой табуретку, усмехнулся. — Так долго я по улице еще никогда за всю прошлую жизнь не шел!

Я не знал, что ему ответить. Да и что тут скажешь? Я теперь отчетливо понимал, что именно Камень Силы, что он мне передал, поддерживал его долгие триста лет, он давал ему силу жить, питал непонятной магической энергией. И, как только он лишился этой силы, сразу заметно сдал.

— Мне нужно сказать тебе кое-что еще, Ник, — сказал он.

Полина и Митька тут же вышли.

Дверь за ними притворилась, повисла тишина. Только за окном вдали кто-то так же продолжал звать то ли Полиграфа, то ли Поликарпа.

Старик смотрел в пол. Молчал.

Я подумал, что опять задремал — устал с дороги. Сейчас он напоминал даже не старика, а усохшую мумию. Только белоснежная борода оставалась самой живой у него.

— Ухожу я, Ник, — произнес он.

— Куда? — тупо спросил я, потом спохватился. Понятно же куда он собрался.

— К Вырию. Время мое пришло. Все, что должен был я сделать на этом Свете, я сделал.

— А Вырий — это где?

— Дерево усопших. Далеко. Дойти еще надобно. Поэтому пришел проститься, пожелать тебе удачи. Я знаю, ты спасешь Лес, спасешь всех нас. Спасешь наш мир.

Я промолчал.

Не хотелось слушать его пафосные речи. Никогда их не любил. А вдруг захотелось обнять старика, как деда своего. Был ведь у меня в той жизни дед? Наверняка, раз у меня такие чувства вдруг к этому старику проснулись. Чувствовал я какое-то родство к этому деду. А, может, он и был родственником дальним, только не мне, понятно, а Никифору? Так наверняка, если он и основал это поселение после Вспышки.

Тут я представил, это ж в каком колене он должен быть внуком, если старику за триста лет? Мысленно попытался подсчитать количество поколений и сбился на цифре 15. То есть пятнадцатикратный внук?

Я только и смог сказать:

— Мне очень жаль.

Старик поднял на меня взгляд, где-то глубоко мелькнула искорка.

— Кхе! — крикнул он. — Не надо! Ты не понимаешь, какое это облегчение! Какая это радость, почувствовать, что ты такой же, как все! Знаешь, представляешь, сколько своих

правнуков я глубокими стариками провожал на Вырий?

Он помотал головой, сжал сухие кулаки.

— Я устал. Наконец-то пришло и мое время.

— Но разве можно устать от жизни? — спросил я.

Он кивнул.

— Можно. Еще как.

Он о чем-то помолчал, вспоминая.

— А сколько всего интересного было! Сколько я всего прошел, пережил, познал!

Ну откуда мне это представить, если я даже толком в их Лесу не был. Только сверху вчера глянул — и ужаснулся, если честно. А сегодня вот, уже скоро, тоже пойду и начну познавать.

— Ты карту хорошо запомни, — вдруг сказал старик. — Прямо, чтоб она перед глазами у тебя была, каждая буковка, закорючка, значок — всё! Потому что это важно! Не зря я сотни лет над ней трудился! Там ничего лишнего и ненужного нет. Все может сгодиться! Понимаешь?

— Понимаю.

— Эта карта что, бумажка. Я и хранил ее только потому, что память-то с годами лучше не становилась. И пригодиться она может только один раз, вот как сейчас.

— Так, может, мне оставить ее на сохранение здесь? — предложил я. — Я сейчас за десять минут ее поизучаю, запомню. А то, на самом деле, потеряю — и все! Конец географии! А тут столько трудов вложено!

Старик посмотрел на меня, усмехнулся в бороду, даже, вроде, хихикнул.

— Нет. Сейчас она тебе сгодится. А потом, кто знает, что изменится? Может, тебе придется новую карту рисовать? Ты ведь понимаешь, что идешь не по грибы? Что магические камни тебе никто просто так отдавать не собирается!

— Это как? — не понял я. Если честно, то я пока вообще с трудом представлял всю эту историю. Было только одно видение от Системы про первую миссию.

А ведь и правда! — вдруг осенило меня. Система мне озвучила мою первую миссию, а как ее выполнять — не объяснила! Как я этот первый магический камень должен взять, да еще и со своим представителем? И, как я понимаю, не факт, что этот представитель будет человекоподобный!

Вспомнилось, что они на пару с Митькой про каких-то леших говорили, про пришельцев. Это тоже расы, которые мне нужны, или так, проходные персонажи вроде выродков-неандертальцев.

Хотя, я сейчас даже про выродков не уверен...

— Ты не бойся, — сказал старик, будто чувствуя переполняющие меня сейчас эмоции. — У тебя есть Цель, есть Воля, есть Сила (он показал на камень). А в остальном тебе Лес поможет! Ты главное будь вежлив к нему, он тебя услышит и подскажет, где, что и как. Доверься ему! И слушай, чего он тебе может сказать!

— Как его слушать, — пробурчал я. Хотел добавить, что лес — это всего лишь деревья, но на этот раз промолчал.

Этот Лес — уж точно не просто деревья.

И, думаю, что и не просто животные.

И еще — не просто люди, живущие в Лесу. Выживающие.

А еще, что в этом Лесу есть Л.Е.С.

...или наоборот?

А насчет совета старика «Лес поможет, слушай Лес, подскажет Лес...» Он же будто говорил про эту самую Систему, которая и дает мне подсказки, а, если я научусь с ней общаться как следует, то и помогать будет! В конце концов, кому это надо? Л.Е.Су, а не мне! Это у него проблемы возникли с каким-то вторжением. А у меня, уверен, в моем мире все нормально было! Я сюда добровольцем не напрашивался! Вот пусть и помогает! Просто обязан!

На этой оптимистической ноте я как-то даже воспрял! Надо эту Систему подчинить себе на службу! А не наоборот!

Погруженный в свои мысли, я даже не услышал, что там старик говорил. А он, будто сам с собой разговаривал, бурчал что-то невнятное под нос.

— ... кому-то уступить что-то придется, где-то силу проявить, где-то хитрость. А кого-то даже уничтожить, чтобы камень забрать.

Я прервал его поток старческого сознания.

— Что ты имеешь в виду под «исничтожить»? Убить что ли?

Старик кивнул.

— Лес слишком большой. Он не может со всеми гадкими тварями управиться. А их тоже немало. И не только среди животных, но и среди нам подобных.

Как он лихо выкрутился — нам подобных.

Или он просто не стал всех перечислять? Выродки-неандертальцы, мутанты типа А, пришельцы, лешие, а там, глядишь — водяные, домовые, вампиры, зомби и так далее по списку. Каждой твари, как говорится, по паре!

— Тебе надо цели добиться. А главная твоя цель — спасти Лес. А уж, если для этого придется в одном случае убить одного, а в другом, уж не обессудь, и всю расу, возможно ликвидировать!

Как он чисто слово это произнес — ликвидировать.

Будто долго репетировал.

И просто как у него — взял и ликвидировал!

— Потому что на кону жизнь и благополучие ВСЕХ! — закончил он.

Ну, решил я, на этой патетической ноте и закончим.

Я поднялся, помог встать старику.

Мы вышли из дома.

Митька и Полина ждали нас у входа, на заднем дворе. Дергали пшеничные колосья, растирали ладошками и жевали. Забавлялись, в общем.

Старик еле на ногах стоял, опирался на палку.

— Может, тебя проводить? — предложил я.

— Нет, — улыбнулся старик. — В последний путь я дойду один.

Я пожал плечами.

Старик, поддерживаемый Митькой и Полиной, пошел по проходу между домами. Я шел за ними. Перед улицей обернулся ко мне, подошел, крепко обнял и прошептал в ухо, чтоб никто больше не слышал.

— Ты не переживай, я всегда рядом буду. Я же просто это тело покину!

Лучше бы и я его тоже не слышал.

Я не заметил, как Митька вернулся в дом, приволок оттуда наши походные мешки, охотничьи принадлежности, самострел, копье, ножи. Свалил все кучей, стал разбирать. Среди вещей обратил внимание на лицевую сетку, перчатки, перевязи разных размеров. На мой вопрос, Митька ответил, что в Лесу много насекомых, как летающих, так и ползающих.

— Так лето же! — сказал я. — Мы в этом спаримся!

— Лучше сто раз спариться, чем один раз перенести укусы диких пчел или ядовитых слепней, — категорично ответил Митька.

Я тяжело вздохнул. Что тут скажешь, я еще многого не знаю.

Я посмотрел вслед старику, на плечо положила голову Полина, прижалась, обняла. Словом, просталась. Я приобнял ее в ответ за плечи. Дико это было для меня все же. Ясно, что для Никифора она невеста, но мне была хоть и симпатичная, но чужая женщина. Да еще и не в моем вкусе.

Митька задел меня за плечо, молча указал на приготовленные вещи. Я кивнул ему в ответ, мол, сейчас с процедурой прощания закончу и пойдем.

Пока старик медленно удалялся, я решил просканировать его параметры с помощью ЛЕСа, просто интересно стало. А, во-вторых, вдруг я его больше на самом деле не увижу.

Я глядел ему в спину и кивнул.

Меню вышло перед глазами:

Объект: человек

Раса: человек разумный, подвид красный (чистый)

Уровень: 42

Основные показатели:

Сила 8

Выносливость 11

Скорость 6

Интеллект 90

Дух 99

Многое из этого меня не удивило. Особенно дух старика. Понятно, что он потерял много Силы, когда отдал мне свой магический кристалл. Выносливость и скорость ему сейчас нужны только для того, чтобы добраться до его загадочного Вырия. Даже не знаю, что это — место или может быть какое-то священное дерево. С учетом того, что уровень у него аж сорок второй, то ему не составит труда, как мне кажется, еще километров сто до этого места добраться. В интеллекте старик сдал чутка, но не факт. Может в своем уровне он выше и не поднялся. Кто знает? Я же его не сканировал ни разу. Если бы я это сделал до того, как он мне камень отдал, тогда, да. Было бы с чем сравнить. Но, что показательно, уровень не изменяемый (я так предполагаю, опять же) остался — не зависимо от наличия жизненно важных и влияющих на другие показатели магических факторов. Опять же, я же не знаю о других его «камнях». Может, у него еще несколько в запасе имеются, приобретенных в длительных походах по неизведанным землям. Про это ведь он мне ничего не сказал.

— Ну, что, герои мои, — сказала Полина, отстранившись от меня. — Пора прощаться!

Глаза ее вмиг наполнились слезами. Как-никак жениха в путь-дорогу дальнюю отправляет! И такую дорогу, что не факт, что вернется.

— Да, — сказал я неловко. — Время дорого, надо торопиться.

Она внезапно прижалась к моим губам в долгом прощальном поцелуе. Импульсивная девушка, ничего не скажешь. Оторвалась так же внезапно и, не оглядываясь, качая, чего скрывать, шикарными бедрами, быстро удалилась из нашего поля зрения.

— Уф, — только и выдохнул я, повернулся к Митьке.

Он все еще провожал взглядом Полину, глазки масляные, чуть не слюна изо рта потекла.

Я толкнул его в бок.

— Эй! Это вообще-то моя невеста!

Митька быстро отвернулся, затушевался, склонился за мешками. Пробурчал.

— А чего, и посмотреть нельзя?

— Можно, — сказал я строго. — Но на свое! На чужое грех зариться!

— Я и не зарюсь! Я просто смотрел! — стал оправдываться он, вдевая руки в лямки и все время мимо.

Меня осенило.

— Так у тебя что, девушки еще нет?

— Есть! — с вызовом ответил он.

— Но ты еще не того с ней?

— Чего «того»? — спросил он, хотя понял, что я имел в виду.

Наконец, лямка ему поддалась, и он выпрямился, смотрел на меня с вызовом.

— Да ты не подумай чего, — сказал я. — Все же понятно. Дело молодое.

— Мне уже почти восемнадцать! — сказал он. — И у меня есть девушка, Зыряна, тоже почти невеста. Просто она не такая красивая, как Полина, вот я и засмотрелся. Случайно.

Мы двинулись к выходу. К тому самому. Митька пошел рядом.

— Понятно, — сказал я, шагая. — Красивая?

— Кто?

— Как кто, Зыряна твоя.

Митька немного помолчал, повертел свободной рукой.

— Ну, как тебе сказать...

— Как есть, так и говори.

— Ну, не так, чтобы очень. В общем, полная она. Толстая.

Я удивился.

— Вот как! А чего, других не предвидится? Только один вариант?

Митька помолчал, кинул на меня взгляд, отвел глаза, словно слова подбираал.

— Знаешь, — сказал он. — Никифор обо мне все знал. Мы с ним все обсуждали. А ты... вроде как и Никифор внешне, но изнутри совсем другой человек.

Я снова удивился.

— Это какой же такой другой?

— Совсем другой. Никифор добрый был, чуткий. И вежливый. Он о таких вещах даже не спрашивал.

— А я что, не вежливый что ли? Я даже матом еще ни разу не сругался. Почти. Несмотря на всю эту ситуацию, которая со мной за сутки произошла! Ты не заметил?

— Ну, заметил...

— Нет, — меня прямо взорвало изнутри. — Ты представь хотя бы на миг мои ощущения! Уснул, проснулся в другом теле, в другом времени, в каком-то гигантском лесу, в чужой обстановке, вынужден еще, оказывается, чему-то подчиниться, что-то сделать, чтобы вернуться к своей нормальной, привычной жизни! С какого перепугу? А? Никто ничего не объясняет! Просто сказали: сделаешь для нас кое-что — вернешься. А если нет? То что? Два варианта — либо я сдохну, либо мы все. Хотя для меня это одно и то же. По ходу дела, и для вас тоже. Такие дела...

Тем временем мы подошли к главным воротам. Сверху на нас глядел типичный местный бородатый мужик.

— Куда собрались, Никифор Иваныч? Опять за гербарием?

Глазки сузил и захихикал как-то тихо, в бороду свою нечесанную.

Ах, ты, думаю, увалень деревенский! Я, блин, может, на смерть иду ради тебя — а тебе хиханьки! Только хотел ему по матери ответить, но Митька сжал мне плечо, опередил.

— Мы, Спиридон, в Лес по делу только ходим, понял? И не твоего ума дело! Твое дело в данный момент за Лесом смотреть, а не ржать, как комариха почему зря! Отворяй ворота!

Спиридон этот живо слетел с мостков по лесенке, чуть не грохнулся. Улыбка тут же спряталась в бороде. Отворяя ворота, только пробурчал обиженно.

— А я чего, я же так, для разговору. Скучно тут стоять-то...

— Вот и не лопочи, чего не понимаешь! — окончательно пригвоздил его Митька, шагая вперед меня в проем.

Я шагнул следом, делая лицо максимально серьезным.

Когда же массивная дверь за нами с глухими клацаниями затворилась, и мы отошли на несколько шагов в лес, я произнес, оглядываясь.

— Ну, ты, Митька, даешь! Даже не ожидал от тебя!

Митька задумчиво стал экипироваться: маска, перчатки, перевязи сделал в запястьях, щиколотках. Я все в точности повторил за ним. В конце Митька достал из мешка небольшую баночку, хлопнул крышкой и, черпнув пальцем какое-то масло, наугад намазал на себя. Протянул банку мне.

— Это что за дезодорант? — спросил я, понюхал — вообще ничем не пахло.

— Это запах Леса, — ответил Митька. Он уже не смотрел на меня, как на идиота задающего идиотские вопросы. — Для того, чтобы меньше привлекать к себе внимания.

— Понятно, — ответил я. И зачерпнул двумя пальцами, чтоб уж наверняка слиться с природой.

Когда были готовы к встрече с Лесом, двинулись гуськом: Митька пошел первым, я за ним.

Большой Лес жил своей бурной жизнью: щебетали разноголосые птицы, жужжали жуки, мухи, пчелы, порхали бабочки с ладонь размером, в кустах вдоль узкой тропки кто-то молча шебуршал. Деревья — ели, березы, дубы и прочие липы — качали огромными пушистыми ветвями. Запахи щекотали нос своим контрастным разнообразием. Солнце из-за ветвей видно почти не было, мы двигались будто во влажных сумерках.

Митька долго шел молча, глядя под ноги, потом остановился у огромного ствола ели. Повернулся ко мне, неожиданно заговорил вполголоса, глядя под ноги.

— Я не знаю, Ник, как мне дальше быть. В голове полная ерунда. Не могу я как-то все это не то, что поверить, а принять разумом своим не могу. Не умещается у меня пока еще это в голове! Я, когда слушал ваш разговор со Старейшиной, думал, что сплю. И видится мне

сон сказочный, необычный. У меня бывают иногда такие. Но — трясую головой, отгоняя морок сонный, — а он не отгоняется! Наяву это все! И меня аж трести начинает! Я не знаю, как ты, может ты к этим перевоплощениям, всяким перемещениям привычный. Но у нас в Общине это не принято. Я всю жизнь свою живу здесь, и Лес этот вижу с рождения, привычный к этому Лесу, да ко всему вокруг. А тут ты появился, залопотал какую-то ахиною с самого начала — и у меня тоже все путаться стало в голове. Не могу я никак к этому привыкнуть! Не знаю, что делать!

Ну, выдал ученик! Я стоял, огорошенный его неожиданным спичем, глядел на это рыжее недоразумение и с восторгом, и с тревогой. Он же, видимо по привычке, внимательно зыркал глазами по сторонам. Не такой и простак, этот Митрофан Хохотульевич оказался! И что ему ответить? Да что — правду. Она всегда правильной всего будет, особенно в критической ситуации.

— Митька, — начал я, хотел ему по-учительски руку на плечо положить, но передумал. Какой он мне нынче ученик? Он мой напарник. А в Лесу, где я полный ноль — просто сам для меня стал учителем. — Ты молодец.

— Что? — спросил Митька, кинув на меня быстрый взгляд.

— Ты все правильно говорил, — продолжил я, не обращая внимания на окружающее. — Я — не Никифор. Это правда. То, что я в его теле, как ты уже понял, ничего не меняет. Это просто оболочка. В которую всадили МОЙ разум. Кто я на самом деле? Я не помню. Честно Надеюсь, что хороший человек, а не маньяк какой-нибудь, или там суперспециалист по самым секретным супербоевым операциям. Думаю, что вряд ли. Не чувствую в себе именно этого. А оно бы все равно это «супер» как-то проявилось.

Митька продолжал прислушиваться и приглядываться, не ослабляя своего внимания вовне. Но и слушал меня тоже, как я видел, внимательно.

Рассчитывая, что еще минута у меня есть, я решил все же поставить хотя бы в нашем назревшем разговоре точку.

— Я тебе скажу только одно. Я не знаю, не помню, каким я был человеком там, в своем времени. Может, при переходе, что-то отфильтровали, что Систе... э, в смысле, Лесу, не нужно было для моей чертовой миссии. Может, и нет. Но я не чувствую себя в чем-то ущемленным, слишком уж измененным как-то. Короче, я такой, какой есть. Ясно, что не Никифор. Он какой-то, судя по реакциям, которые я видел, слишком идеальный. Я точно не такой. Не такой правильный, что ли. Ну, где-то циничный, где-то ироничный, это да, это, чувствую, мое. Уж такой я! И тебе придется принять меня — не Никифора, а *меня* — таким, какой я есть. Потому что у нас с тобой теперь одна цель, одна задача. Мы в связке. Ты и я. Не знаю насколько долго, но пока мы вместе, нам и надо быть вместе. Доверять друг другу, прикрывать спину. Быть друзьями, в конце концов! Ты согласен быть моим другом? Могу я на это рассчитывать?

Митька на мгновение отвлекся от созерцания леса, уставился на меня.

— Конечно! Мы и были друзьями!

— Ты не понял, — сказал я и взял его за плечи, повернул к себе, посмотрел прямо в глаза. — Не Никифор предлагает тебе дружбу, а *Я*!

Митька оторопело глядел на меня, ежился, пытаясь вырваться из хватки, потом, видимо, внимательней вгляделся в мои глаза, сдался.

— Хорошо, Ник. Я буду твоим другом.

Я отпустил его, огляделся. А Митька вдруг весело добавил.

— А ты вообще прикольный! Никифор, если честно, был занудой еще той!

Я не смог сдержать улыбки.

— Вот и отлично!

Меняющиеся звуки леса настораживали. Похоже, мы застоялись на одном месте, расставляя свои точки, надо убираться.

Еще одно я хотел сказать Митьке, пока мы не погрузились окончательно в дебри.

— И это, Митька, дружище, называй меня теперь только Ником. Никакого Никифора Иваныча! И без всяких «вы». Окей?

— Окей! — выкрикнул привычно радостный Митька. — А теперь нам надо быстро уходить! Вон туда! — И, пригнувшись, сорвался с места.

— Чего? Куда? — крикнул я, вертя головой по сторонам. Никакой опасности я вблизи не ощущал. Чего он всполошился?

Но в *таком* Лесу я впервые, в отличие от него, поэтому решил не искушать судьбу в самом начале моей важной миссии и ломанулся следом за учеником.

Бежать пришлось не долго. Митька уже затихарился за ближайшим колючим густым кустом, подждал меня, яростно подзывая рукой. Я забежал за куст, встал рядом. Мы стали вместе молча наблюдать.

Долго ждать не пришлось. На секунду мне показалось, что жизнь вокруг замерла, все обитатели притихли, не только мы.

Через несколько секунд послышался топот.

Из-за той ели, где мы только что стояли, выбежал кабан.

— Это вепрь, — прошептал Митька, не оборачиваясь. — Это их территория, затопчут, если почуют. Ничего не спасет.

Я промолчал. Что скажешь, когда перед тобой кабан размером с бычка, только вместо рогов бивни с полметра длиной. Вепрь выбежал на середину поляны, втянул ноздрями воздух, повертел головой, размером с микроавтомобиль, хрюкнул так, что ветки куста затряслись. И побежал дальше, прогромыхав копытами в нескольких метрах от нас. Следом за ним появилась, видимо, самка — поменьше размерами. Она уже не смотрела по сторонам, просто следовала за своим самцом. За ней бежал выводок вепрят или кабанят, штук шесть-семь — вот они уже были нормального размера, кабаньего, привычного моему разуму. Только с той разницей, что окрас у них был ребячий — полосатый. Блин, у меня в голове произошел очередной разрыв шаблонов. Когда я привыкну к этой реальности?

— Уф, пронесло, — сказал Митька, оборачиваясь и оседая на землю.

— Это ведь кабаны были, да? — спросил я, присаживаясь рядом.

— Да, вепри. Семья. Главарь очень злой. И очень сильный.

— Я заметил эту махину.

— Еще бы! — сказал Митька, усмехнулся и вытер со лба пот. — Думал, не успеем! С этими разговорами!

— Вот именно, Митька! Хватит уже выяснять отношения! Я — Ник. Не Никифор. И нас с тобой миссия! Мы друзья, мы друг другу помогаем! На этом уже можно точку поставить?

— Да, можно, Ник, — сказал Митька и хлопнул меня совсем уже по-дружески по плечу.

— Вот и отлично, — сказал я, вставая. — Поехали дальше. Время-то идет!

— Поехали.

Мы двинулись дальше по извилистой тропинке, отводя колючие ветки, обходя толстые

стволы деревьев, перешагивая пухлые лопухи и прочие растения. Мне казалось, что это та же тропинка, по которой я первый раз шел из леса. Но ничего не узнавал. Одно из двух: либо кусты и трава растут здесь не только большими, но и быстро, либо это какая-то другая тропинка. Но я не видел, где мы проходили развилку.

Задавать Митьке интересующий меня вопрос я не стал. Решил довериться его знаниям, шел, как баран в стаде за вожаком. Пока, решил я, для меня это лучший вариант. А там дальше посмотрим.

— Дальше осторожнее, — предупредил Митька, обернувшись. — Впереди муравейник.

Я встал за ним, посмотрел через плечо, хорошо еще Митька ниже ростом. Через узкий проем уходящей вбок тропинки видно ничего не было. Все, как обычно — лопухи, ветки, колючие кусты. Где там муравейник, что он так всполошился?

Митька стал двигаться короткими шагами.

Я стал так же семенить за ним, периодически выглядывая то справа, то слева, то сбоку. Даже интересно стало, что с этими муравьями не так.

Через какое-то время Митька остановился, поднял руку, будто мы спецназовцы на задании. Прошептал:

— Вот здесь их тропа, — и указал себе под ноги.

Я прижался справа, посмотрел. Ничего не увидел.

— Где?

— Да вот же! — Митька присел, ткнул прямо в землю.

И тут же одернул руку.

Через тропинку, волоча палку, перебежал муравей. Быстро так перебежал, что я даже усомнился в увиденном. Хотел что-то спросить, но в этот миг точно так же пробежал второй, который тоже нес на себе палку — не листик, не соломинку, не веточку — а настоящую, увесистую корягу! Потому что размер у муравья с мой ботинок! А, учитывая, что муравьи могут перетаскивать вес больше себя в десятки раз, то для этих двух особей эти палки, как для меня... ну та же палка! Или полено, или копье, которое болталось где-то за спиной, или нож на поясе в ножнах.

— Это же не муравей, — сказал я. — Это термит, только большой.

Митька обернулся ко мне, кривая ухмылка читалась за сеткой.

— Это наш обычный лесной рыжий муравей! Термитов у нас не водится! Я в книжке читал. Те, наверное, размером с кошку были бы.

Я ничего не ответил. Усваивал информацию.

— А теперь аккуратно перешагивай эту дорожку, — сказал Митька и показал как.

Будто перед нами лежало бревно с полметра в диаметре, или невидимая леска натянута была — именно так он перешагнул это место, невидимый воздушный туннель.

Ну, ей богу, смешно выглядело. Я даже подумал, что Митька прикалывается надо мной. И проигнорировал его предупреждение. Просто взял и перешагнул, как небольшую лужу, без всяких этих задираций ногами.

И тут случилось невероятное: из-за большого лопуха выскочил другой муравей и кинулся на меня! В последний момент реакция сработала, и я вторую ногу вздернул повыше, муравей, грозно клацающая желваками промазал, перелетел тропинку на другую сторону. Я вскрикнул от неожиданности, побежал по дорожке, столкнулся с улыбающимся во все свои зубы Митькой.

— Это что такое было?! — возмутился я.

— А я предупреждал! — сказал Митька. — Это воин, защищающий тропу и рабочих муравьев. А ты будто не знал?

— Я что-то слышал об этом, — ответил я. — Но не до такой же степени!

Митька мотнул головой, вздохнул.

— И это только цветочки в *нашем* Лесу! Ягодки будут дальше!

Он повернулся и пошел дальше по тропинке.

Я привел дыхание в норму и заспешил за ним.

Одно меня поразило: он стал разговаривать со мной, как с Ником. Никифора для него больше не было.

И теперь учеником стал я, а он учителем.

Опыт с муравьями сделал меня осторожнее. Я не просто шел почти след в след за Митькой, я еще и по сторонам смотрел внимательнее. Шарахался от каждого жирного пролетающего мимо жука. Увидел божью коровку, мирно сидящую на листике, и обошел ее боком — вдруг она тоже накинется на меня? А ее размер с детский кулак совсем не делал ее дружелюбнее, даже наоборот. Мне кажется, что я увидел в ее черных глазах не то что ненависть, но недовольство точно. Ходят тут всякие двуногие с искусственным запахом!

Минут через двадцать, видимо из-за того, что я выше ростом, за очередным кустом я увидел шалаш. Шепотом, но тревожно окликнул Митьку.

— Митька! Митька! Там шалаш какой-то!

Митька тут же остановился, замер, присел, обернулся ко мне.

— Где?

Я тоже присел, махнул рукой.

Митька медленно высунулся, раздвинул ветки, пригляделся. Потом хмыкнул и встал во весь рост. Глядя на меня, испуганного, сверху вниз, сказал.

— Это же муравейник, Ник. Ничего страшного. Под ноги только смотри. Тут еще тропки муравьиные есть.

— Муравейник? — удивился я и осторожно поднялся.

Присмотрелся к шалашу.

И про себя рассмеялся. На самом деле по этой метра четыре высотой куче палок ползали те самые муравьи. И палки были именно такие же, которые недавно тащили через нашу тропинку их соплеменники. Вот они какой себе домик состряпали! Да уж, из моего мира даже термиты на такое не способны.

Продолжая двигаться за Митькой, я, как бы между прочим, спросил.

— А этот муравейник вообще в твоём... вашем мире как классифицируется: большой или очень большой?

— Этот? — ответил Митька через плечо, кинул взгляд вверх высокой крапивы. — Да нет, обычный! Средненький такой.

— Понятно, — сказал я. Интересно, а тогда большой какого размера? Даже представлять не хотелось.

Митька добавил с гордостью.

— Вот мы как-то с тобой... э, с Никифором, ходили к Черному Лесу, так там муравейник видел на самом деле большой.

— Насколько большой? — спросил я.

— Больше этого еще в два раза! — гордо сообщил Митька и посмотрел на мою реакцию. — И муравьи там черные, мутированные, вот такого размера!

И показал, как рыбаки обычно показывают. В общем, по локоть.

Не верить ему у меня не было причин. А ему врать. Я же все равно в скором времени сам смогу в этом убедиться.

На этот раз, двигаясь за Митькой, я не стал пренебрегать его на первый взгляд странными жестами. Шел боком там же, где и он, перешагивал невидимые нитки так же, как и он. В этом Лесу, как я понял, нужно быть всегда начеку!

Еще час, наверное, или два мы двигались по узкой тропке. Под этой экипировкой с меня

уже семь потов сошло. Дышать было трудно, хотя сетка хорошо пропускала воздух. Хотелось сорвать ее и выбросить в ближайший куст. Я старался отпивать из фляжки как можно реже и как можно более мелкими глотками, глядя в спину Митьке со все большей ненавистью. Но Митька, гад, как назло, продолжал идти упорно, твердо, как робот, поэтому я решил, что уж точно не сдамся. Хотя я и городской в душе, и порог дискомфорта у меня очень высокий, но сдаваться перед этим деревенским рыжим увальнем я не собирался. Если бы не натренированное тело Никифора, да кристалл Силы, то я бы точно давно уже свалился бездыханным еще час назад. Но открывалось еще одно, очередное второе дыхание, и я пёр за Митькой тоже почти уже как робот.

Глядя наверх, определить через кучу веток расположение солнца не представлялось возможным. Да, стало светлее, но свет был рассеянным.

Митька стал использовать свой большой нож, как мачете, разрубая встающие перед ним заросли травы. Похоже, тропинка из-за долгого неиспользования, заросла.

Мне стало скучно. Постоянно видеть перед собой либо ноги, либо спину напарника стало утомительно. Привал, судя по энергичному продвижению, в ближайшее время не намечался. Хотелось втихую достать краюху хлеба, пожевать, но я держался. Никифор вообще, мне так кажется, был вегетарианцем, настолько был обезжирен, жилист и даже суховат. Хотя, похлебка у него дома с салом говорила об обратном. Как же он тогда сохранял свою форму в таком бодром состоянии?

В общем, еще через час, я не выдержал и спросил.

— Митька! Привал у нас когда ожидается?

— Уже скоро, — ответил он, не оборачиваясь. — За большой березой будет поляна, там дерево медовое, вот там и передохнем.

— Ага, понятно, — сказал я.

Медовое дерево — это что, хотелось спросить. Дерево из меда? Или мед по нему течет, типа смолы? И скоро, это когда?

В животе от голода начало урчать.

И когда я уже готов был сдать, Митька остановился, показал рукой вперед.

— Вон береза! — перевел указующую руку чуть правее. — А вон мед!

Я проследил за его рукой.

Да, перед нами была так называемая поляна. Трава с какими-то огромными, как подсолнухи, только синими, цветами, выше нас ростом, за ними метрах в двадцати виднелась просто фантастическая береза — узнать которую можно было только по характерному цвету ствола, — настолько огромная, раскидистая, будто из другого мира. Хотя, что это, я и так находился в другом, фантастическом мире. Кто в мое время мог предположить, что будущее будет именно таким?

В центр поляны столбом лился солнечный свет, как водопад, так же переливался из-за качающихся ветвей окружающих его деревьев.

Я для интереса решил узнать параметры этой циклопической березы. Уже привычно смотрел на нужный объект, кивнул, мысленно давая приказ ЛЕСу. Через миг перед глазами высветилось:

Объект: дерево.

Вид: береза повислая

Род: береза

Семейство: березовые
Порядок: букоцветные
Основные показатели:
72 м/8,1 м/510лет

И что дает мне эта информация?

Да ничего, особенно, нового. Отличие от дуба в классификации начинается в Семействе. Только физические показатели чуть другие: высота, максимальный диаметр ствола, возраст. Но чисто внешне сравнивая эти растения — дуб выше, но из-за того, что прижат другими деревьями, не такой раскидистый, как эта береза. Ей досталось изначально больше места.

И еще я подумал о том, что возраст огромных деревьев старше того времени Вспышки, о котором тут все говорят. Это значит, что дерево уже росло до Вспышки, было нормальной березой, нормальным дубом, но вот случилось нечто — и они пошли расти вширь и ввысь.

Я попер за Митькой по кругу поляны к «медовому» дереву. Вот еще экземпляр интересный, необычный — что это за медовое дерево?

Безжалостно вырубая сочную травяную красоту, Митька пробился к загадочному дереву.

Дерево, как дерево, типа тополя. Понятно, что здоровенное в диаметре, но не такое, как та береза. Ну, метров пять всего — по местным меркам это так, средненько. Я не стал узнавать у Системы его параметры, ничего особо нового не узнаю. Но почему оно «медовое» — вот что интересно!

— Да потому что на нем пчелы поселились! — сказал будто очевидную вещь Митька. Причем достаточно раздраженно. — Там, — он указал вверх, — пчелиные ульи, много ульев, а значит мёд!

— Ну, так бы и сказал, — пробормотал я.

Вот странный, все-таки, откуда же я должен об этом знать?

А, во-вторых, нам это что дает?

Только вот не скажи, рыжий, что нам придется за медом лезть на это дерево...

— А чего такого? — изумился он. — Мы всегда так делаем!

Ага, они-то с Никифором, может, всегда так и делали, но я-то нет!

Я обошел, не без труда пробираясь в густой траве, медовое дерево, пытаюсь разглядеть, где же там эти самые ящики, в которых пчелы мед свой в сотах делают. Ничего подобного не увидел. Нет, если бы и увидел, то не удивился находчивости местных обустройству пасеки на дереве. Но ничего подобного.

— Так это же дикие пчелы, балда! — ответил мне Митька, когда я вернулся из своего короткого путешествия вокруг дерева. Не понравилось мне это его «балда», конечно. Мог бы к моему искреннему удивлению по незнанию относиться как-то поаккуратнее. И ответил, как можно вежливее.

— Знаешь что, Митрофан Зазнайкович, полезай-ка ты за своим диким медом один, а я тут постою, присмотрю!

Митька был, по всему, уже готов к этому. Уже скинул с себя все лишнее, ну, понятно, кроме маски, перчаток. Подвесил себе какой-то горшочек на пояс. Приготовился.

— Я так и понял, — сказал он. — Я наверх, а ты здесь.

Я кивнул.

— И не бойся, стой смирно, — предупредил он, запрыгивая на нижнюю ветку. — Пчелы

тебя не укусят, если ты сам на них нападать не будешь. Понял?

— Понял, — ответил я. Но перед его ловким прыжком на следующую ветку, добавил. — А зачем нам вообще дикий мед?

Митька посмотрел на меня опять как-то уничтожающе, ничего не ответил, махнул рукой и, подпрыгнув, затерялся где-то в кроне лохматого дерева. Я стал вглядываться в высоту, но ничего уже не увидел, Митька пропал. Только шум и падающие листья выдавали его нахождение там.

Когда я остался один в диком, страшном лесу, без ученика-учителя, я немного запаниковал.

Ведь в этих джунглях не видно ни хрена дальше двух метров! Так и мерещились мне то ли велоцирапторы, то ли саблезубые тигры, выпрыгивающие прямо из зарослей на меня! Для большей, как мне казалось, безопасности, я прижался спиной к рельефному стволу дерева, выставил перед собой довольно смешное в данной ситуации, копьё, и водил им из стороны в сторону, не прекращая прислушиваться и вглядываться в эти безостановочно играющие листьями заросли.

Сверху продолжали сыпаться листья, шелуха коры. Вокруг летали пчелы, которых я, как мне посоветовал Митька, не боялся. Иногда они садились на меня, даже на маску, ползали перед глазами кругами, но, видимо, не обнаружив во мне особой опасности, улетали. Я облегченно вздыхал и продолжал следить за периметром. Но и тут, слава каким-то местным богам, никто за все это, кажется, бесконечное время, пока отсутствовал Митька, никто не появился. Кроме одного.

Где-то внизу, под толстыми стволами местных цветов, что-то зашуршало. Я опустил копьё, стал водить им понизу, приготовился к нападению. Это может быть кто угодно, даже змея, хотя я их еще не видел. Но все ведь случается впервые. И если Митька меня о змеях не предупредил, это не значит, что их нет. Да он вообще не особо-то меня о чем-либо предупреждал.

А уж в таком лесу ожидать можно было бы чего угодно!

Это шуршание нарисовало мне другую картину — гигантского паука, пробирающегося через густой кустарник.

Но это оказался не паук.

Через миг между стволами растений появилась мордочка с подрагивающим черным носом. Глазки внимательно посмотрели на острие копьё, на меня, нос подергался, принюхиваясь. Видимо, не увидев во мне какой-то угрозы, ежик выбрался из веток, протопал мимо, неуклюже перебираясь через торчащие корни.

В последний момент, уже в спину ежу, я решил узнать о нем побольше у Системы. Кивнул, вызвав меню.

Объект: животное.

Вид: ёж обыкновенный

Род: лесные ежи

Семейство: ежовые

Порядок: насекомоядные

Уровень: 3

Сила: 19

Ловкость: 45

Интеллект: 27

Физические показатели:

49 см/14 кг/7лет

Я уже не повторяю о том, что обыкновенный лесной ёж отличался от своего собрата из моего мира размером. Этот был больше похож на дикобраза, только колючки будто подстрижены.

Характеристики этого насекомоядного мне ничего не дали. Заинтересовал только его третий уровень. Может, именно поэтому он не обратил на меня особого внимания, с моим-то первым уровнем!

За спиной что-то хлопнуло, я резко обернулся, выставив перед собой копые.

Но это был Митька.

— Ого! — сказал он. — Да ты, я вижу, осваиваешься! Готов к любым неожиданностям!

Я вытер пот ладонью. Пытался вытереть: рука в перчатке, лоб в маске.

— Ну, как добыча? — спросил я, расслабленно присаживаясь к дереву.

Митька поставил передо мной горшочек мёду. Прямо как Винни Пух.

— Отлично все! Как обычно! — пожал плечами Митька, опустился рядом, стал рыться в мешке.

— А мы что, с собой ничего пожрать не взяли? — спросил я. — Зачем нам мёд?

— Э-э! — заулыбался Митька. — Это самая лучшая вещь! На весь поход хватит!

Он протянул мне деревянную ложку.

— Зачерпни одну ложку, запивай водой — слишком сладкий!

Я сделал, как он сказал. Медленно рассасывал густой продукт во рту, ощущая, как тепло разливается по телу. Будто алкоголь замешан был в состав меда. Но ведь этого не может быть, я же это понимаю.

— Как же ты его? — спросил я.

Митька облизывал ложку, не скрывая удовольствия. Даже глаза закрыл. Ответил нехотя.

— Да просто — залез, просунул руку, зачерпнул, слез.

— А что пчелы?

— Да ничего. Ну, конечно, встревожились, летали вокруг, возмущались. Но я же их не трогаю. Я взял немного, для них даже незаметно почти. Там столько этих ульев! И пчел вокруг — миллион, наверное! Я там, наверху, как в облаке был.

Я смотрел на него с искренним восхищением. Вот дай возможность незаметному человечку — и он расцветет и удивит тебя так, как и не ожидаешь от него!

Встревоженные пчелы долетели и до земли. Летали, грозно жужжали, садились, ползали, но не видя угрозы, улетали. Через минуту я даже перестал обращать на них внимания.

Облизал ложку, запил обильно водой, прикрыл глаза, пытаюсь понять свои ощущения. Перед глазами загорелась бледная надпись:

Уведомление от ЛЕС:

Вы обрели знания о новом источнике энергии «Мёд дикий».

Ваши показатели улучшились на:

Сила +3

Выносливость +3

Интеллект +10

Скорость +9

Дополнительные показатели:

Дух +5

Память 0

Ух, ты!

Да мёд — это пока самый калорийный продукт, что я пробовал в этом мире! Может побольше набрать? Еще раз Митьку отправить наверх?

— Не, — сказал Митька, растянувшийся рядом у дерева. — Нам этого горшочка хватит и на обратный путь. А на обратном пути наберем побольше, в общину принесем.

— А ты как про это дерево узнал? — спросил я, медленно погружаясь в дрему.

— Никак, — вяло ответил Митька. — Я специально сюда шел. Мы часто сюда ходили. Это вообще наша пасека, мы ухаживаем за ней. У нас даже человек есть, который только этим и занимается — медовик. Ануфрием зовут.

— Медовик Ануфрий, — прошептал я и провалился в сон. — Теперь все понятно, молодец.

Но Митька долго спать не дал.

Растолкал меня в самый интересный момент. Стоял уже бодрый, натягивал лямки мешка на плечи, оправлялся.

— Идти надо! Дорога долгая! А то к вечеру домой не успеем.

Он глянул наверх, непонятно что увидел там, среди веток, но многозначительно произнес.

— И вообще, дождь собирается.

Я рассчитывал, что буду подниматься медленно, лениво, но тело будто само подскочило, полное бодрости и энергии. Именно то чувство, когда горы готов свернуть! Уверен, что это воздействие волшебного дикого мёда!

— Я сверху глянул, — сказал Митька, — когда за медом лазал, увидел Город Мутантов.

— Да ладно! — удивился я, посмотрел на дерево, но желания лезть самому туда не появилось. Ну, и возбужденные пчелки еще летали вокруг. Нет уж, как-нибудь в следующий раз.

— Ну и что там видно? — спросил я, готовый к выдвигению.

— Пойдем, — ответил Митька, кивнул в заросли. — По дороге расскажу.

И взмахнув секирой, разрубая сочные стебли, двинулся вперед.

— Там дым идет, — продолжил он. — Мне кажется что-то случилось.

— Может, банный день у них, — предположил я.

— Нет, — убедительно сказал Митька. — Они дрова не используют.

— Почему? — усмехнулся я, развел руками. — Столько деревьев вокруг!

— Им Лес не дает.

— Как это «не дает»? — удивился я, перепрыгивая следом за Митькой нет не ствол дерева, а упавшую в ураган ветку.

— Да вот так! Они мутанты, Лес не считает их достойными. Тем более, они используют другую энергию, вредную для Леса.

— Это еще какую такую энергию? Ядерную что ли?

Митька задумался, ответил не сразу.

— Нет, не ядерную. Что-то другое, не помню.

Мы по широкой дуге обходили липу, под которой даже чавкало от свежего сока — влипнешь, не вылезешь. Я заметил несколько мелких животных, десятки насекомых навсегда прилипших к этой ловушке. Никто из них уже не шевелился.

— А вот я не понял, почему и, главное, как Лес может не давать себя вырубать? Как он сопротивление оказывает? Это же деревья, кусты!

Митька обернулся, улыбнулся как-то хитро.

— Сам увидишь! — сказал он. — Думаю скоро. Эх, ты еще много чего о Лесе не знаешь!

Не понравилась мне его интонация. Митька думает, что заинтриговал меня, а он только тревоги нагнал еще больше.

Следующую часть пути мы спускались с холма. Дорога пошла легче.

Иногда я задавал Митьке вопросы, которые возникали у меня в процессе похода. Или те, что вспоминал об их отшельническом быте, вере, обычаях. Или вопросы, возникающие во время движения. Во-первых, разговоры делали дорогу короче, интереснее — пробираться через эти джунгли было, мягко скажем, утомительно. Во-вторых, Митькины ответы возмещали серьезные пробелы моих познаний об этом мире.

И вот, что я узнал. Отшельники ведут довольно разнообразное хозяйство. У них в пределах огороженной территории есть, кроме поля, что я видел, еще и огороды с разными корнеплодами — картошкой, морковью, свеклой и прочим, а так же разные ягоды, горох. Кроме этого, есть теплицы, где они выращивают помидоры, огурцы, кабачки и другие теплолюбивые культуры. Свинарник, коровник и птичник тоже имеется. На мой вопрос, как все это умещается в одном гектаре площади и кормит весь год население общины, с учетом того, что половина этой площади занимают жилые строения, прозвучал удивительный для меня и, совершенно естественный для этого мира ответ.

— У нас земля очень плодородная, — сказал Митька. — Корнеплоды мы собираем с одного участка по три урожая. У каждого под домом, кстати, и у тебя тоже, вырыт огромный подвал для хранения этих продуктов. Там постоянно поддерживаемая температура — и зимой, и летом. Конечно, есть и общие амбары и склады для хранения непортящихся продуктов.

— А вот где вы выгуливаете тех же коров, если пастбища за забором у вас нет?

— Так очень просто, — ответил Митька. — Если ты еще не заметил, трава у нас растет очень быстро. То, что коровы съедают за день — к утру снова вырастает.

— А, — догадался я. — Это как раз объясняет, почему я не узнал тропинку, по которой я первый раз шел, когда меня нашли!

— Вот именно. Еще один пример. Ты же знаешь, что у нас есть второй выход из общины.

— Ну да, заметил в первый же день.

— Этот выход ведет к Большой реке. Там мы ставим сети и ловим рыбу. Идти до реки недалеко, шагов триста. Но каждый раз, когда рыбаки идут пополнять запас — а это бывает два раза в десятину...

— То есть каждые пять дней, — вставил я, вспомнив их необычный календарь.

— Ну да, каждые пять дней у нас проводится рыбный день. Это не значит, конечно, что прямо все в этот день едят только рыбу. Кто не хочет, тот не ест.

— А если кто-то захочет рыбки в другой день?

— Да пожалуйста — иди и на удочку лови, сколько хочешь. У нас ведь и кошек много, которые рыбу любят. Только на рыбалку по одному не ходят, нельзя. Вообще, за общиной не меньше, чем по два выходить разрешено.

— Подожди, — вспомнил я. — А когда меня нашли, я же, так понял, что один вышел?

— Да ты, ну, в смысле, Никифор, всегда был бунтовщиком. Просто сбегал из общины.

— И что, меня, в смысле, Никифора, никто за это не наказывал? Это же серьезное нарушение, как я понимаю, угроза безопасности всей общины!

Митька обернулся, изумленно на меня посмотрел.

— Какая угроза? Только если тебе, одному. А община за тебя, за твои выходы не отвечает! Для нас общее важнее частного.

— Ну да, иди, кто хочет на свой страх и риск.

— Никифор в этом смысле был очень осторожным. Он знал Лес, как никто из нас! Знал, где какая опасность может подстергать, какие растения опасны, где Лес может ловушки расставить, когда гон проходит у лосей или зайцев, когда медведь-шатун зимой может бродить рядом. Короче, он был настоящим лесником, почти лешим.

— Опять ты про леших! — усмехнулся я. — Нет таких животных, это все выдумки, народный фольклор!

В свою очередь, Митька тоже усмехнулся.

— Выдумки, как же! Самые они и есть настоящие! Вот когда встретишь в Лесу такого — не удивляйся! Я тебя предупреждал!

Я ничего не сказал. Пусть пока каждый при своем останется. Никифор, возможно, всех тут в округе уже повидал, даже этих сказочных леших, но я, пока собственными глазами не увижу — ни за что не поверю!

Тем временем мы вышли к маленькой быстрой речушке. По крутому берегу съехали к самой воде, придерживаясь за свисающие ветви ивы. Река была такой ширины и глубины, что не представлялось возможным ни перепрыгнуть, ни пройти вброд не замочившись по пояс. А лично мне мокнуть ну никак не хотелось. Я, можно сказать, только-только вошел во вкус, пристроился к темпу, уже не потел, даже к маске-сетке привык, не замечал ее на своем лице.

— Что делать будем, Сусанин? — спросил я.

— Кто? — вскинул на меня брови Митька.

— Да, не важно, был такой один, тоже по лесу все ходил, водил...

— И что?

— Ну, и заблудились они!

Митька махнул на меня рукой. Мол, опять свои штучки-юмор непонятный.

— Что тут думать, — сказал он. — Надо какое-то бревно искать. Шагов пять-шесть.

— То есть метра четыре, — уточнил я. И вдруг вспомнил. — У меня же суперсила есть, Митька!

Он посмотрел на меня с сомнением, ожидая очередной шутки.

— И что? — осторожно спросил он.

— Как что! Давай я тебя сначала переброшу, а потом сам — оп, и перепрыгну! Плёвое дело!

Митька состроил такую гримасу, будто я и на самом деле не очень хорошую идею высказал.

— Это же быстрее будет, — стоял я на своем. — Пока ты свое бревно найдешь!

— Так вон же оно! — почти сразу воскликнул Митька. И показал на это самое бревно.

Я проследил за его взглядом, оценил это «бревно» и понял, что Митька решил пошутить в ответ.

Но тот уже карабкался по склону к этому бревну. Я наблюдал за его действиями. Стало очень интересно, как он собирается на «этом» переходить реку. Но тот упорно лез к своей цели, оскальзываясь на мокром грунте, обрывая толстые, но рыхлые стебли травы, повисая задницей чуть не до самой воды на гибких ветках ивы. Наконец, он ухватил за конец это «бревно», потянул на себя и, обхватив его второй рукой, радостно возвестил:

— Вот! Можно и по одной пройти, но лучше бы вторую такую найти!

Он держал в руке длинную почти прямую палку как раз метра четыре длиной. Но толщина ее была с запястье.

— Ну, ладно, — сказал я, удобно устроившись на кочке. — Шутка удалась, но затянулась.

— Это почему? — искренне удивился Митька.

— Потому что это не бревно, а палка! — мне даже странно было объяснять ему такие очевидные вещи. — Ты под своим весом если не сломаешь ее, то уж точно она прогнется! Смысл какой? Или ты хочешь таких еще нарыть штук двадцать, чтобы мостик соорудить?

Митька засмеялся. Даже нет, заржал, как сивый мерин. Даже птиц вокруг распугал.

— Это железное дерево! — провозгласил он. — Оно не гнется!

— Что? — не понял я.

— А то, что и твое копьё из такого же дерева сделано!

Он подошел ко мне, воткнул один конец палки в берег, второй пристроил на соседний со мной сырой пенек. Потом встал прямо на середину и даже попрыгал. Палка только самую малость прогнулась под его весом. А он, при своей щедрости, весил все равно не меньше семидесяти кило. Я даже не поверил своим глазам. Разве может дерево обладать прочностью стальной трубы? Встал, отодвинул Митьку и, так же как он, но медленно, придерживаясь за ветки ивы, встал на палку. Я весил побольше рыжего умника, но и меня эта деревянная труба выдержала. Чтобы проверить ее на хрупкость, я стал прыгать. Она почти не подавалась. Но я упорно не верил своим глазам, прыгал и прыгал, пока не поскользнулся и не шмякнулся всем телом поперек этой палки.

Митька хохотал от души, держась за живот.

Я встал с кислой рожей, отряхнулся, насколько это было возможно, хорошо еще тут не грязно было, только старые листья, трава.

Посмотрел на хохочущего Митьку, улыбнулся своей наивности, вздохнул и сказал.

— Хватит ржать над пришельцем из другого мира. Иди вторую палку ищи. Я тебе не канатоходец по шесту ходить.

Митька, утирая слезы, пошатываясь, пошел искать вторую. И нашел ведь. Она была чуть длиннее, но обе хорошо легли над речушкой, почти ровно. Между палками было сантиметров тридцать, а над водой они висели на ширину ладони.

Митька лихо встал на палки и за несколько секунд, пошатываясь, как моряк, перешагал ручей. Палки почти не сгибались. Максимум пару сантиметров в самой середине. Если бы я не увидел это своими глазами — ни за что бы не поверил.

— Давай, Ник! — крикнул он с того берега.

— Даю, — пробурчал я, поправил мешок, взял копьё перед собой для устойчивости и, повторяя Митькины движения, медленно, осторожно перешел речку. Спрыгнул на берег, обернулся. Получилось ведь! — сам себе удивился.

Митька все еще улыбаясь, обошел меня, подтянул палки к себе и уложил их вдоль речки на берег.

— Пригодятся на обратном пути, — сказал он.

— Ну да, — сказал я. — Хотя мой способ тоже не плохой был. И гораздо быстрее.

Митька замотал головой.

— Вот когда один будешь, прыгай, как Тарзан. Я так не умею.

Я удивился.

— Ого! Ты откуда про Тарзана знаешь?

— Книжку читал. Ты сам мне давал, — ответил Митька, полез наверх. — Нам туда. И давай побыстрее, а то скоро дождь пойдет, сильный, но короткий, надо под большим деревом пересидеть.

— Ишь ты, раскомандовался! — сказал я, двинулся за нам. — Чего его искать? Тут каждое второе дерево большое, а каждое первое — огромное.

Мы поднялись по склону. Минуя густой кустарник вышли в такой же лес, как и до этого. В основном клены, ели, изредка попадались березы. Про их размеры я уже не упоминаю — все не меньше четырех метров в диаметре, отстоят друг от друга метрах в десяти, переплетаясь жирными, выступающими удавоподобными корнями, между которыми густо росла высокая трава, колючие кусты. Комары здесь, во влажной низине, роились толпами. К счастью, маска, перчатки и хороший плотный костюм защищали, как надо.

Дождь начался неожиданно. И сильно. Как из тазика плеснуло сверху, разбиваясь массивными ветвями, падало крупными каплями, приминая траву, заставляя сворачиваться распушенные кусты и вынуждая мелких животных прятаться либо под корнями в глубоких норах, либо залезая в дупла деревьев.

Двух новых животных увидел, стоя под раскидистым кленом. Сначала длинноногий заяц с разбегу из куста прыгнул на нижнюю ветку ели — между прочим свисающей на высоте метров трех над землей! Опять же, если бы не увидел своими глазами — никогда бы не поверил. Через секунду заяц затерялся на дереве и затих. Все время, пока шел дождь, я его больше не видел.

А второй была белка. Ее я плохо видел, она порхала в вышине, перелетая с ветки на ветку, будто обезьяна. Почему я так подумал, потому что хвост у нее был слишком длинный и плоский, будто специально созданный для небольших полетов. В остальном же белка была, как белка. Только крупная.

Дождь кончился так же быстро, как и начался. Тазик опустел, и только с деревьев, пропитанных водой, еще какое-то время падали большие, как лепешки, капли.

— Осталось недолго, почти пришли, — сказал Митька, когда мы продолжили путь.

Он шел первым, разрубая своим мачете толстые стебли травы, брызги летели во все стороны. Я улыбнулся, когда представил Митьку двуногой газонокосилкой. Под ногами десятка два шагов хлюпало, но потом земля жадно впитала воду, и стало почти как дождя.

Какое-то время мы шли молча, но мне стало скучно, и я захотел у него расспросить про странных прыгающих зайцев и летающих белок, но не успел. Митька вдруг замер на месте, поднял ладонь, а потом приложил указательный палец к губам.

Я остановился, молчал. Взял на изготовку копье. Смотрел по сторонам.

— Слышал? — спросил Митька шепотом.

Я прислушался. Птицы продолжали кукарекать, капли еще падали с деревьев, да и сами деревья шумели на ветру. Больше ничего не слышал.

— Я ничего не слышу, — прошептал я.

Митька медленно поворачивался вокруг своей оси, показал мне жестом сесть. Я опустил в траву, оглядывался. Сердце в груди заколотилось. Что он там услышал? Что он вообще мог слышать в таком шуме? Но, ладно, доверимся следопыту.

Снизу я продолжал поглядывать и на Митьку. Он сделал медленный полный круг, как локатор. Остановился, глядя в одну сторону. Протянул в это направление руку.

— Вон там.

— Что там?

— Там кто-то есть.

— И что делать?

Митька присел ко мне, стал говорить так же тихо.

— Либо быстро и тихо уходить в сторону, обходить это место.

— Либо?

— Либо идти на предмет опасности, чтобы отогнать или устранить его и после этого уже идти дальше своим маршрутом.

— Интересно, — сказал я. — Только я не понимаю, какое животное, угрожающее нам, можно отогнать?

— Не обязательно, что оно угрожает. Это может быть лось или медведь.

— Медведь? — удивился я. — А у вас что, медведи не представляют опасности? Они дружелюбные?

— Если он сыт, и не видит угрозы от тебя, то он просто уйдет. Нам в любом случае надо понять, кто это.

— Хорошо, — сказал я, поднимаясь. — Пойдем и посмотрим.

Митька поднялся следом, удивленно посмотрел.

— Ну, хорошо. Пошли.

И, рубанув сочные заросли, двинулся к источнику шума.

— Да ты что! — чуть не крикнул я. — Он же нас услышит!

Митька усмехнулся.

— Если это медведь или лось, то он испугается шума и уйдет.

— А если это кто-то другой, например, кабан-вепрь?

Митька повернулся, пожал плечами.

— Тогда нам конец!

Я уставился на него.

— Ты что, обалдел? Забыл, что у меня вообще-то другие планы на вечер?

Митька улыбнулся.

— Я пошутил, Ник. Пошли тихонько, смотри в оба.

Он повернулся, пригнулся и, раздвигая ветви больших растений, стал двигаться направо, откуда слышал какие-то звуки. Я заметил, как он достал из чехла самострел. Я даже забыл про это необычное оружие. Тронул Митьку за плечо.

— Митька, стой.

— Чего? — процедил он, не переставая смотреть вперед.

— Покажи свое оружие, очень интересно, не видел такого еще.

Он еще какое-то время вглядывался перед собой, потом, недовольный, сел.

— Что тут необычного? — сказал он, передавая мне предмет.

На вид палка с рычагом. Какая-то не то резинка, не то жгут широкий.

— Покажи, как это работает, — попросил я.

— Хорошо. Этот рычаг взводит свиную связку, — он не без усилий показал, как это делается.

— Свиная жила, — спросил я, — она разве может быть эластичной? Ну, в смысле, как она растягивается?

— Эти подробности я не знаю. Ее в каком-то растворе Поликарп вымачивает.

— Поликарп — он у вас кто? Кузнец или оружейник?

— Ну, это почти одно и то же.

— Ладно. Что там дальше?

— Дальше? Ну что, вот сюда в паз вставляем вот такой шарик.

— Это что за подшипники?

— Чего? — спросил Митька. — Это шарик из железного дерева.

— Ага, помню, — сказал я. — Я так понимаю, у вас это дерево используется вместо железа, настоящего.

— Потому что...

— Да, я помню. Потому что железа больше нет, все сгнило.

— Ну да, так же, как и бетона. Лес все уничтожил.

— О! — изумился я. — Про бетон я еще не слышал!

Митька нетерпеливо смотрел на меня, одновременно к чему-то прислушивался.

Я вертел в руках странное оружие, простое, как арбалет, даже проще.

— И как стрелять? Какая дальность? Кучность стрельбы? Скорострельность?

— Возьми и попробуй.

— Ты хотя бы покажи на первый раз!

— Ладно.

Он взял самострел, поднялся, приставил широкую часть к плечу, прицелился, правда я так и не понял, где прицел и мушка. Ну, и у арбалета этого нет, стреляли во многом благодаря интуиции или пристрелам.

Спускового крючка не было, вместо него было что-то вроде прищепки, в которой закреплялась круглая пуля, зажата широкой свиной жилой. Нажимаешь прищепку, резина срабатывает и шарик летит. Вроде, все просто.

И только его пальцы должны были сжаться, чтобы выпустить смертоносный шарик, как Митька отлетел в сторону. Ружье выпало из рук. Митька завалился в траву, замычал.

Я кинулся к нему. Из плеча у него торчала кривая самодельная стрела. Я потянул ее на себя. Митька замычал.

— Н-не т-трогай!

— Что это такое? — спросил я. Спина вспотела.

Митька протянул руку к плечу.

— Это в-выродки, — прошептал он. — Это их я с-слышал.

— Давай я помогу!

— Н-нет, я с-сам. Иди, избавься от них, они н-не отстанут! Он-ни нас добьют!

— Хорошо, — сказал я. Адреналин ударил в голову.

Я поднял самострел, приставил, как это делал Митька, к плечу, попробовал прицелиться, вроде ничего сложного. Что ж, вспоминаем, насколько это возможно, какой-нибудь боевичок, как там это делалось.

Черт, ничего не мог вспомнить, кроме наименования жанра.

Значит, будем действовать интуитивно.

Доверимся телу Никифора, моему разуму и силе Камня.

Я поднялся над травой в полный рост.

Один стоял у ближайшего дерева.

Я навел на него самострел, нажал на «прищепку», жила сжалась, палка слегка дрогнула.

Выродок с дырой во лбу осел, затерялся в высокой траве.

Правее из травы прямо напротив толстого, как скала, клена высунулся другой,

посмотрел на своего напарника, раскрыл щербатый рот, что-то крикнул нечленораздельное, повернулся ко мне, глазки его сузились, в них вспыхнула ненависть. Он потянулся за чем-то, что я не видел из-за травы. Но я опередил его.

Пока он вертел головой, я незаметно нащупал рукой свое копьё, обхватил его посередине. Самострел перезаряжать не было возможности, он бесшумно упал рядом с левой ногой. Выродок стал медленно поднимать руку. Правая рука взметнулась, отошла чуть назад, копьё приняло горизонтальное положение и через долю секунды будто само исчезло из моего вида. В последние доли этой секунды я увидел обвисшего на копьё выродка, которого я пригвоздил к старому клену. Еще через секунду рядом со мной проплыл и медленно опустился единственный пятиконечный канадский листок.

Убедившись, что у деревьев больше нет движения, я присел к Митьке.

— Ну, ты как? — спросил я.

— Нормально, — ответил он, криво усмехнулся. — Слабаки они, стрела не глубоко зашла. Поддай мне мой мешок и сходи, проверь этих уродов.

Я подвинул к нему мешок. Митька уже достал стрелу из плеча, глянул на нее ненавистно и отбросил в сторону. Зажал рукой кровоточащую рану.

— Может тебе помочь, перебинтовать? — спросил я.

— Сначала сходи, я подожду.

— Ладно. Я быстро.

Пригибаясь, чтобы не высовываться над травой, с ножом наготове, я пробрался через поляну. Липа встала передо мной скалой. В ее тени лицом вниз лежал первый выродок, которого я завалил из самострела. Дырки на затылке я не увидел, значит, шарик остался внутри. Брезгливо я взял его за плечо, перевернул на спину. Пустые глаза смотрели в бесконечную вышину леса. Отверстие во лбу было ломаным, кровь сочилась угасающими толчками. Сердце еще билось.

Я кивнул, глядя на него, чтобы узнать его параметры.

Высветилась красная надпись.

Объект: человекоподобный

Раса: мутант, подвид В (черный)

Уровень: 2

Основные показатели:

Сила 9...8...7

Выносливость 0

Ловкость 0

Интеллект 0

Все ясно, обратный отчет пошел.

Уровень второй, этот посильнее того, что был у меня у общины. Рядом из травы торчала рукоять молота, которыми они пользовались, видимо, повсеместно. Да и сам выродок вблизи был похож на гнома: маленький, волосатый, коренастый, да еще и с топором. Рожа только другая, совершенно ни капли интеллекта.

Я пробрался ко второму персонажу.

Как увидел, сразу вызвал меню. Ну, чтобы убедиться, что этот тоже готов.

Объект: человекоподобный

Раса: мутант, подвид В (черный)

Уровень: 3

Основные показатели:

Сила 16

Выносливость 3

Ловкость 0

Что? Он еще жив?

Я подошел ближе. Кривые ноги выродка судорожно подрагивали, пытаюсь поднять тело, оторвать приколотое как булавкой к дереву. Глаза посмотрели на меня, рот ощерился в злобной гримасе, послышалось нечленораздельное шипение. Из рта стекала розовая пена, текла по бороде, падала на траву, кажется, с шипением. Под ногами лежал короткий лук и несколько стрел. Мое копьё торчало из груди в районе левой ключицы. Узловатые пальцы сжимались на палке, пытаюсь выдернуть ее из себя. Сил уже не хватало.

— Ах, ты, падла, — сказал я, резко выкинул вперед руку с ножом. — Чтоб не мучился.

Коренастое тело обмякло.

Я постоял минуту, прислушиваясь и внимательно разглядывая ближайшие кусты, деревья. Никого больше рядом не было. По крайней мере в зоне доступа моих органов чувств.

Не глядя, я сорвал несколько листьев, обтер лезвие ножа, сунул за пояс. Двумя руками выдернул копьё, выродок мешком сложился на выпуклых корнях. Я сплюнул, развернулся и поспешил к Митьке.

Пробирался через густую траву уже не прячась.

В этот момент появилось уведомление.

Уведомление от ЛЕС.

Вы уничтожили: Объект человекоподобный, мутант подвид В, 2 шт

Получаете:

Сила 12

Выносливость 3

Интеллект 2

Новый обретенный навык: интуиция 14

Это что-то новенькое — интуиция. В первый раз была скорость.

Растём!

Митька лежал в той же позе. На лице отражалось умиротворение, глаза закрыты. Рядом открытый мешок, маленькая баночка на боку с чем-то густым и коричневым, размотанный серый бинт.

Я наклонился над ним.

— Все хорошо?

Митька открыл осоловевшие глаза, натянуто улыбнулся.

— Теперь уже нормально. Поможешь забинтоваться?

— Конечно, давай, — сказал я, судорожно вспоминая, как это делается. Не знаю, как Никифор, но, скорей всего, у меня в прошлой жизни вряд ли были навыки первой медицинской помощи. Ну, будем рассчитывать только на Никифора.

— Вот, — кивнул Митька, — бинт. Сможешь?

— Попробуем, — ответил я. И спросил. — А это что за гадость в банке?

Митька скосил глаза.

— Это не гадость, Ник. Это травяной бальзам. Он обезболивает, обеззараживает быстрее заживляет.

— Ну, теперь понятно, — сказал я, достаточно ловко забинтовывая плечо, не обращая внимания на меняющееся лицо Митьки. Через минуту все было готово.

Митька сел.

— Ну, что, — спросил я. — Сейчас бы живой вашей водички, да?

— Да, точно, — сказал Митька. — У тебя в мешке бутылка. И меду давай черпнем — сразу силы появятся.

— Я уже понял, что мед и чай на травах — это ваши энергетики. Можно только на них, наверное, жить и радоваться.

Митька поднялся, осмотрелся, прислушался. Ответил отстраненно:

— Нет, мясо еще надобно. И овощи.

Я усмехнулся.

— Так, понятно. Тебе надо еще восстанавливать чувство юмора.

— Это не главное, — уверенно произнес Митька. — Ты никого там больше не слышал?

— Нет, — сказал я, складывая в мешок к Митьке медицинские препараты, а из своего доставая бутылку и баночку меда.

Мы зачерпнули и отхлебнули местных энергетиков. Я сложил все обратно, помог Митьке надеть мешок. Забросил на плечо самострел. В одной руке копье, в другой секира.

— Ну, куда идем, сусанин? — спросил я. — Теперь, похоже, я первый пойду.

— А сможешь? — спросил Митька.

— А у нас есть выбор?

Митька вздохнул, потер аккуратно свое плечо, сморщился.

— Ну, пока нет. Пока плечо не заживет.

— Значит, придется довериться мне! — сказал я бодро, энергетик начал действовать. — А вот вернемся, подлечишься, отлежишься и где-то через недельку...

— Это сколько «недельку»?

— Ах, да, забыл, — я задумался. — Ну, скажем, десятину.

Митька замотал головой, улыбаясь.

— Ты, Ник, еще многого не знаешь! Этот эликсир на самом деле волшебный! К вечеру все пройдет!

Я посмотрел на него скептически. Митька смотрел вперед, сказал, не глядя на меня.

— Только ты мне перевязку сделаешь после обеда один раз.

— Хорошо, — пробормотал я, пожал плечами. — Ну как скажешь. Так куда идти? Может, компас достать?

— Нет, компас пока не надо. Нам туда, — показал Митька направление.

— Он сказал «поехали!» и махнул рукой! — провозгласил я и, рубанув секирой, шагнул в указанном направлении.

— Это кто сказал? — спросил Митька.

— Да был один космонавт первый, — сказал я, продолжая прибиваться, сочные брызги летели во все стороны.

— А, я понял! — засмеялся Митька. — Гагарин?

Я остановился, обернулся с замершей на излете секирой.

— Ты-то откуда про него знаешь?

Митька пожал плечами.

— Читал. Книжку. У тебя.

— А, ну понятно! Ну так что, поехали?

— Поехали! — поддержал Митька, но, сморщившись, схватил меня за плечо. — Только не торопись!

— А чего?

Он вздохнул.

— Ну ты же Лес совсем еще не знаешь! Нарвешься на шарокол, встанешь на ползуна или вляпаешься в крапиву, а того хуже в борщевик — опухнешь от яда сразу, задохнешься и никто не успеет спасти!

У меня как-то пыл поубавился.

Про крапиву и борщевик еще что-то припоминаю, но вот шарокол и ползун — это еще что за звери?

— Так это не звери! — засмеялся Митька. — Это я тебе растения только перечислил некоторые, что водятся в этих краях!

— Так что делать-то? — спросил я.

— Иди, но аккуратно, — сказал Митька. — Не размахивай ножом почем зря, а глазами смотри перед собой, ушами слушай вокруг, ногами землю прощупывай!

— Я так не умею! — честно признался я. — Как это все одновременно делать?

— Учись, — вздохнул Митька. — Ты теперь в Лесу. Он здесь главный. А ты должен к нему с уважением.

Да что ж такое-то! Это всего лишь лес — деревья! Что они заладили: «главный», «с уважением».

— И еще, — добавил Митька. — Даже эту траву почем зря не руби, для развлечения. Это Лес тоже чувствует! Прилетит тебе от него!

— Ну все! — не выдержал я. — Хватит уже! Я тебя услышал! Буду аккуратно идти, чтобы ваш лес не разозлить, раз ты так хочешь.

И повернулся, двинулся дальше. Митька ничего не сказал. Шел за мной молча.

Я шел максимально аккуратно, чувствуя, как зоркий глаз Митьки следит за каждым моим движением. Мимо проплывали гигантские колонны сосен, елей, дубов, берез, кленов и еще каких-то деревьев. Кустарники старался обходить стороной. Один раз только сорвал ягодку с боярышника, оглянувшись на Митьку. Он на это ничего не сказал — всего-то ягодка, пусть и размером с хорошую сливу.

Но, как и следовало ожидать, Лес меня все-таки проучил. Довольно скоро.

И случилось это довольно глупо. Можно сказать, я даже и не виноват был. Ну, почти. Шел, как и сказал Митька, аккуратно, слушал ушами, смотрел глазами. И тут на — мухомор на пне. Огромный такой, шляпа с тазик размером. Не знаю, что там у меня, какой футбольный рефлекс сработал — взял, да и пнул, не задумываясь. Ну, поганка же!

И через секунду мне сверху шишка с ближайшей ёлки как даст прямо в темечко! Я аж рухнул в траву пластом. Боль дикая! Я вроде даже не просто выругался нехорошими словами, а заорал на весь этот дурацкий лес!

Митька подбежал ко мне, рот заткнул перчаткой вонючей.

— Да ты что! — зашептал мне испуганно в ухо. — Ты так еще хуже сделаешь!

— Да что еще хуже может быть? — возмутился я, убирая одной рукой его лапу, второй потирая ушибленное место. Шишка там росла прямо пальцами чувствовал. — Только если дерево это дурацкое на меня упадет!

— Дерево не упадет, — сказал Митька. — А вот за мухомор ты получил заслуженно!

— Что? — я не сразу понял, что он имел в виду. — Это от кого?

Тут догадка осенила меня: так это же сам Митька мне шишкой в голову и кинул!

— Это ты что ли?! — возмутился я, взял его за грудки.

— Да ты сдурел что ли! — вырвался Митька, поднялся, отряхивая коленки. — Я даже не сразу увидел, что ты мухомор разбил! Только потом, когда в тебя шишка прилетела!

— Откуда она вот так сама взяла и прилетела? — я поднялся. — Да прямо в темечко!

— Откуда? — Митька показал наверх, на ёлку. — Вон оттуда! Я же тебя предупреждал!

— В каком смысле «предупреждал»? Я думал это шутка такая!

— С Лесом шутки не проходят! — убежденно доказывал свое Митька. — Ты просто так пнул мухомор — между прочим очень нужный и полезный для животных гриб, — и вот Лес тебя сразу проучил!

— Да как такое может быть?! Он же не разумный организм!

Митька махнул на меня пренебрежительно рукой. Потер плечо.

— Я тебе говорю, говорю! А ты меня вообще не слышишь? Лес — он живой! Это один большой организм и достаточно разумный, чтобы постоять за себя!

— Какое отношение к «разумному лесу» имеет один какой-то гриб? — саркастически усмехнулся я.

Митька смотрел на меня как-то странно, будто на ребенка. И сказал как неразумному дите.

— Этот вот один маленький гриб, как любая другая травинка, цветочек, а так же любая букашка — это все часть одного большого организма — Леса! Когда ты уже это поймешь? Сколько тебе еще надо шишек по голове набить, чтобы до тебя это дошло? Запомни один раз и навсегда: Лес — это один большой организм. Ты пришел из того времени, когда все было по-другому. Сейчас *это* реальность. Все изменилось после Вспышки! Ты меня услышал, наконец?

Я стоял, молча слушал его тираду.

Как можно это принять? Я что, в сказку попал? В том смысле, что в какой-то волшебный лес? То есть это не будущее, как они пытаются меня все тут убедить, а вообще другая реальность! Альтернативная! Параллельная!

И ведь я почти поверил им! И эти галлюцинации с Системой — тоже часть этой фэнтези-сказки!

Из сумрачных размышлений меня вывел Митька.

— Я понимаю, что тебе трудно в это поверить.

— Откуда тебе это понимать? — ответил я. — Ты же не жил в том времени, моем.

— И очень хорошо, что не жил! — удивил меня Митька. — Я не понимаю, как вы там жили! Кошмар какой-то! Как паразиты жили, вот и довели! Мне даже кажется, что это сам Лес устроил эту Вспышку, чтобы избавиться от таких...

Он не договорил, махнул рукой. Мол, о чем тут спорить. Повернулся, чтобы идти дальше. Но потом резко обернулся.

— Давай, я тебе кое-что покажу! Нет, ты посмотри!

Я вздохнул, пожал плечами.

— Ну?

Митька отошел от меня к тоненькому плотному растению с жесткими острыми ветками почти без листьев высотой метра два.

— Вот это, — показал он пальцем, — шарокол.

— Не понимаю, что здесь от шара?

— А вот смотри! — Митька встал боком к кусту, сорвал какую-то сухую травинку, как прут для удочки, размахнулся и ударил по этому странному кусту. Еще раз, еще хлестал, как саблей махал. И тут случилось нечто неожиданное, я даже отскочил, хотя стоял от Митьки метрах в трех. Куст, как живой, на эти удары все же среагировал — молниеносно с сухим хлопком распушился, будто взорвался, превратившись в шар с торчащими во все стороны острыми шипами.

— Подойди, — сказал он, — потрогай!

Я медленно подошел, сделал, как он просил.

Шипы на самом деле очень острые. Я чуть коснулся — и капля крови выступила на пальце.

— Ого! — искренне удивился я. — Я такого не видел раньше!

— Ты не видел, а Никифор обо всем этом знает! Ну, знал. И уважал Лес в том числе и за это! Я читал ботанику, как он меня учил, и знаю, что в твоё время, до вспышки, таких растений не было.

— Понятно, это мутация какая-то. Но для чего это свойство растению? — поинтересовался я, зажав уколотый палец.

— Насколько я понимаю, это и защита, и способ питания, — сказал Митька.

— Я понимаю про защиту — от этих колючек на самом деле отскочишь. Мало не покажется. Но питание?

Митька, входя во вкус в роли учителя, снисходительно усмехнулся. Ответ его был не то чтобы неожиданным.

— Потому что это растение — хищник! — сказал он. — На эти колючки запросто попадают мелкие животные, грызуны, насекомые. Если присмотреться, то можно увидеть, что между колючих веток, есть мягкие, а они как раз для того, чтобы высасывать кровь из пробитых колючками ран.

Не скрываю, меня это поразило. Не так чтобы прямо «вау!», но удивило, да.

— И много у вас таких вот растений-хищников? — спросил я.

— Да знаешь, хватает! — ответил Митька. — Ты узнаешь скоро о них. Только лучше, конечно, когда не на своей шкуре, а вот так: примером со стороны.

— Согласен. Не очень-то приятно, наверное.

— Вот именно! — Митька поднял указательный палец вверх. — Их много, они все разные, их все лучше узнать у кого-то, такого как я, например.

— Хорошо, Митька. Я буду хорошим учеником, честно. Я жить люблю, привык, нравится. Ну, я же хомо сапиенс, а это такая тварь, которая ко всему привыкает, к любым условиям приспособится! Так что, думаю, что и к вашему безумному миру я тоже смогу привыкнуть. Дай только срок. Не все сразу.

— Вот и отлично! — Митька шагнул вперед меня, раздвинул ветки другого, безобидного куста, показал. — А, собственно, мы пришли!

— Чего? — не понял я, подошел к нему, посмотрел через плечо. — Как пришли? Уже?

За кустом в нескольких метрах был обрыв и начиналась вода — широкий водоем, судя по стоячей воде это озеро или пруд. Я вспомнил карту — точно пруд. А рядом с ним как раз и должен находиться Город Мутантов, как старик назвал его.

— Я спущусь к пруду, — сказал я. — Интересно увидеть Город Мутантов издалека.

И отодвинул Митьку, чтобы выйти к берегу.

Митька пытался схватить за плечо, но я вырвался, будто что-то у меня внутри вспыхнуло

— я хотел, просто жаждал, увидеть другую цивилизацию этого мира.

— Я бы не советовал к берегу спускаться, — сказал Митька, но как будто не очень-то уговаривал.

Только потом я понял о своей опрометчивости. Но было поздно. Почти.

Я раздвинул кусты, прыгнул на песчаный берег. До пруда метра три-четыре. Я подошел к краю — пруд раскинулся передо мной во всем своем размере: влево уходил куда-то вдаль за полуостров и терялся в дымке, справа берег огибал плавной дугой и упирался в углу в крепостную стену. Ну, почти. От меня до стены разделяло примерно полкилометра воды, но я четко видел, что стены выше, чем у отшельников. А самое главное, что они не были деревянными. Они были бетонными.

А кто только что говорил, что и железо, и бетон в этом мире сгнили?

Слишком далеко, чтобы разглядеть какие-то подробности. Но я увидел главное — эта раса жила намного, нет, вообще по-другому, не как отшельники. И это зрелище и предвкушение встречи с новыми людьми оупили мое внимание.

Первое, что я почувствовал, это какое-то движение на моих лодыжках. Кто-то ползал по ногам. Я отвлекся от созерцания большого пространства, о котором соскучился за последние пару дней, и опустил голову. Медленно, но неотвратимо, мою ногу обнимало, и не из праздного любопытства, какое-то щупальце. Я пригляделся — это был корень дерева. Что? Такое возможно? Чтобы корни деревьев так двигались, да еще и что-то хватали?

Я, дурак, наблюдал за этим действием будто со стороны. Видимо, потому что просто не верил своим глазам. Когда же я решил, что, ну, хорош, дернул ногой, чтобы уйти из этого — еще одного — странного места Леса, случилось страшное. Этот корень-щупалец схватил меня за лодыжку и не отпускал. Даже наоборот, он, захватив мою ногу, стал втягиваться обратно в землю. То есть, он меня решил утащить под землю!

Я сначала крикнул Митьке:

— Это что еще такое?

Митька, гад, стоял на берегу и просто наблюдал.

— А я тебя предупреждал, — просто сказал он. — На берегу ползунов всегда много.

— Так и что делать?

— Да просто руби концы и вылезай уже оттуда, — ответил он, повернулся и пошел в лес. Кусты за ним сомкнулись.

Корень-щупалец был настолько крепким, что секирой перерубить его не сразу удалось. Я даже в панике подумал, что эти ползуны из того же класса, что и железное дерево. В процессе рубки я посмотрел параметры этого существа в Системе. Вот что она выдала:

Объект: растение мутированное.
Вид: ползун прибрежный хищный
Род: ползун
Семейство: ползуны
Порядок: не установлен
Основные показатели:
14 м/0,2 м/49лет

Так, все интереснее и интереснее!

Растение мутированное? То есть, судя по характеристикам, таких вот разновидностей много? И, кроме вот этого прибрежного, есть еще и другие?

Что скажешь, Лес удивлял меня все больше, думал я, разрубая, наконец это щупальце и освобождаясь. Щупальце, источая сок, втянулся обратно в песок, а обрубок замер на моей щиколотке задубевшим браслетом. Я руками не без труда разломал его на две части, отбросил в сторону. И заметил, что рядом вылезает точно такое же щупальце, шарит по песку, отыскивая добычу.

— Ну уж нет! — произнес я вслух. — Хватит с меня ваших экспериментов.

И заспешил на берег, за Митькой, который неспеша шел через кусты вдоль берега. В это время высветилось сообщение.

Уведомление от ЛЕС.

Вы повредили: Объект растение мутированное

Степень урона: 5

Получаете:

Сила 0

Выносливость 0

Интеллект 1

Интуиция 2

Интересно, хоть что-то с этого я получил.

Я догнал Митьку через минуту, следуя по его прорубленному через траву коридору.

— Сколько нам еще идти до крепости? — спросил я.

— Крепости? — спросил Митька вполоборота. — А, ты про Город Мутантов?

— Ну, да. Выглядит она издалека как крепость. В отличие от вашей общины.

— От *нашей* общины, — поправил меня Митька. — Это да. Тут ты прав, у них город защищен лучше. Я вот удивляюсь, как им удалось сохранить все эти материалы — бетон, железо! Когда в остальном Лесу все это исчезло давно.

— Может, у них есть какие-то другие технологии, чтобы это сохранять или даже

воспроизводить? — предположил я.

— Это да, ты прав. У них ведь и завод есть, я уже говорил?

— Да, говорил. Но ты сам его видел?

— Нет, за стенами Города не был ни разу. Так вот только — издалека. Когда с тобой ходил по Лесу. Наши как-то боятся этих людей.

— Ты имеешь ввиду, мутантов?

— Ну да, мутантов. Но они же все равно люди. И у нас многие считают, что они заражны. И что нам надо держаться от них подальше, иначе и мы тоже заразимся. И тогда — всё!

— Что «всё»? — уточнил я.

— Как что? Конец нашей чистой расе!

Я промолчал, обдумывая его слова. А Митька продолжил.

— Но вообще, Никифор считал это ерундой. Потому что врожденные мутации не могут передаваться воздушно-капельным путем. Только, э-э, — Митька запнулся на секунду, даже остановился, — половым.

Как он осторожно это произнес! Очевидно, что смешение генов может привести к передаче мутаций потомству. И я не сомневаюсь, что никаких контактов, как минимум со стороны отшельников, не может быть в принципе. Попросту говоря, отшельники разных мутированных близко к себе не подпустят. В том числе и от них выстроили себе забор вокруг поселения. Хотя, я что-то сомневаюсь, чтобы эти «нормальные» мутанты, которые могут себе позволить бетонную стену и обслуживание целого завода, не смогли бы при желании проникнуть за пятиметровый деревянный забор, если бы только захотели. Это не какие-то тупые выродки, которые тоже мутанты.

Значит, не особо-то этим мутантам и нужны какие-то дикие и отсталые племена в глуши Леса.

Но ведь и они тоже отгородились от кого-то хорошим таким забором?

Неужели от тех же выродков?

Или есть еще что-то пострашнее оборванцев-неандертальцев?

Я решил спросить об этом Митьку.

— А как выглядят эти мутанты? Я к чему спрашиваю: к чему готовиться? Я-то их ни разу не видел.

Митька в этот момент аккуратно обходил какое-то странное растение, похожее на доисторический папоротник с огромными листьями и высотой метров восемь. Что еще странно, в отличие от прочего леса, вокруг этого растения в радиусе пяти метров вообще ничего не росло. Голая сухая земля будто выжженная.

— Это борщевик, — почему-то шепотом произнес Митька. — Не смотри на него, яд может в глаза попасть!

Я прикрыл глаза ладонью для безопасности, но краем глаза все же посматривал на это странное растение. И заметил в этом круге высушенной земли какого-то явно дохлого хорька или хомячка. Тронул за плечо Митьку, показал на существо, спросил так же почему-то шепотом:

— А это кто?

Митька обернулся.

— Вот, бедный мышонок! То ли бежал от кого-то, глупыш, то ли по глупости своей заскочил — и нате, сдох ни за что!

Продолжая прикрываться ладонью, я прошел за Митькой опасное место и снова задал мучивший меня вопрос.

— Ты мне про мутантов так ничего и не сказал, Митька.

Не оборачиваясь, Митька ответил.

— Я не видел лично. Но Никифор мне рассказывал, что встречал их в Лесу. Ну, что сказать. Почти такие же, как мы они. Только худые, бледные какие-то, ну и ростом все повыше. Почему-то. Видимо, мутация такая.

Он ловко перескочил поваленное гнилое дерево, нырнул в очередные заросли. Я еле поспевал за ним. Когда мы снова выровнялись в обычном ритме, он продолжил.

— А еще интересная особенность у них есть. Я просто не сразу вспомнил. Никифор тоже говорил. У них глаза какие-то другие, не такие, как у нас.

— И какие же другие? — спросил я. Разве могут у человекоподобного, пусть и мутанта, быть глаза чем-то отличны от основного вида... хотя?

Митька остановился, обернулся ко мне и как-то многозначительно произнес.

— Я вспомнил! Никифор один раз только это говорил, что у них глаза кошачьи! — посмотрел куда-то мне за спину, снова повернулся и пошагал дальше.

Вот те раз! Кошачьи? Это как?

— Да откуда я знаю, что он имел в виду, — обиделся Митька, не оборачиваясь и устало вздыхая. — Я же их не видел! Вот придем — и сам увидишь их глаза. Осталось чуть-чуть.

Это «чуть-чуть» закончилось буквально через десять минут.

Перед бетонным забором метров за десять деревьев больших не было, кусты и трава тщательно вырублены. Сам забор, сложенный из бетонных плит, очень напомнивших мне плиты перекрытия, но поставленные на попу, были высотой метров шесть. Снизу по плитам ползли, точнее, пытались ползти ветви травы очень напоминающей дикий виноград или горох, что-то явно цепляющееся усами. Почему «пытались», потому что видно, что люди — ну, в данном случае, мутанты — постоянно обрубали эти поползновения со стороны Леса. Думаю, что не реже раза в неделю, вспоминая, насколько быстро растет местная флора. Перед забором был вырыт глубокий и широкий — метра четыре — ров, наполненный жидкостью. Почему не говорю «водой», потому что эта черная и зловонная жижа только своим физическим состоянием напоминала воду, а что на самом деле было там налито, одному... точнее нескольким местным богам только известно. Поверху стены, усиливая серьезность ограждения, тянулась спиралевидная колючая проволока. По крайней мере, очень было на это похоже.

Ну, и всё. Ни охранных башен, ни бронированных ворот, что я предполагал здесь увидеть, не было. Голая (не считая травы) стена, ров с жижей, колючка. Слева уходил вдаль огромный пруд, с него через просеку дул холодный ветер. Справа стена кончалась через метров тридцать, за ним снова вставал стеной Лес. Думаю, что за углом мы увидим то же, что и здесь — забор, ров. Слева, вдоль пруда, скорей всего тоже глухо. Я, конечно, сходил к краю, не заходя на берег (чтобы снова ползуны не вылезли) и посмотрел. Насколько смог увидеть, точно такая же стена проходила вдоль пруда, впритык.

— Что будем делать? — спросил я Митьку. Не надеялся на вразумительный ответ, потому что он и сам здесь впервой. Но так, вдруг у местного идея какая в голове вразумительная есть?

— Не знаю, — ответил он предсказуемо, испуганно оглядываясь по сторонам. Я подумал, что для него, жителя Леса, оказаться даже вот на таком небольшом участке без

деревьев, словно клопу посреди стола.

Ну, что ж, когда-то же и мне надо брать инициативу в свои руки. В конце концов, это я тут миссию выполняю, а не Митька.

— Эй! Есть кто-нибудь! — крикнул я как можно громче.

Вообще не понятно, кто-то у них наблюдает за периметром? Или они думают, что этот ров и огромная стена защитят от любого местного посягательства? А если Кинг-конг с севера придет, или — того хуже — Годзилла какая? Для них эти шесть метров, что для меня палисадник! Или в местных краях такие пока не водятся? Видимо, нет. Это уже хорошо.

— Пойдем в ту сторону, — сказал я, подождав ответа добрых пять минут. — Попробуем зайти с другой стороны.

— Хорошо, — ответил Митька, тяжело вздохнул. Видно, что напряжен, но куда теперь деваться.

Я же чувствовал какую-то легкость. Может, повлияло то, что увидел часть той цивилизации, что ближе мне — бетон, железо. И это как-то вселило надежду на встречу с более близкими мне людьми? Но близкими в чем, — опять же думал я, медленно шагая вдоль рва к углу стены. Митька шел за мной, пригнувшись и постоянно оглядываясь то на стену, то на лес.

Я понимал, что мои легкомысленные рассуждения скорее всего не уместны, что я даже не представлял, что, а самое главное — кто — ждал меня впереди, за этой стеной, но азарт взял верх над всеми другими чувствами, даже над страхом. Я шел, расправив плечи, размахивая копьем, легко, как по бульвару, только что не насвистывал популярную мелодию!

Так мы дошли до угла.

А там был обрыв.

То есть место, где мы сейчас находились, шириной метров тридцать — не что иное, как дамба пруда, искусственная насыпь, возможно, сделанная еще триста лет назад. И эти хитрые мутанты воспользовались этой оставленной и, что интересно, выжившей после Вспышки, конструкцией! Хитро, умно. Я даже еще больше стал уважать их за прозорливость. Так сказать, авансом. Ну, а как? Бетон, железо, завод, дамба — очень многое отличало этот «вид людей» от отшельников, замкнувшихся в средневековом цикле в глуши леса.

Стоя на углу, в двух метрах перед обрывом, я снова во все горло заорал:

— Эй! Поговорить надо! Выгляни в окошко!

Митька, каким бы не был сейчас напряженным, улыбнулся. Буквально уголком рта. Ну, и то вперед. Надо внушить ему уверенность, которой у меня, почему-то, было хоть отбавляй.

— Кто-нибудь!!! Я пришел поговорить! — снова закричал я и закашлялся. Так и охрипнуть можно.

Митька вставил в рот два пальца и свистнул. Ох, что это за свист был — Соловей-разбойник бы, наверное, позавидовал! Эхо пролетело вдоль стен, воткнулось в деревья, раздробилось, показалось, что качнулись исполинские ветви ближайших сосен, вспорхнула стайка птиц, похожих на воробьев, скрылась в зарослях.

Я прочистил ухо, ближайшее к Митьке, растянул рот в улыбке.

— Ну, ты даешь, Митрофан Свистульевич! Не ожидал от тебя!

Митька скромно пожал плечами.

— Давно хотел это сделать. Но в общине не разрешают громкие звуки. Только в Лесу и свистел. Иногда. Никифор научил, кстати.

— Ну, знаешь, все больше узнаю об этом Никифоре столько нового, что аж боятся начинаю, — сказал я совершенно искренне.

— А не надо бояться, — сказал Митька. — Надо просто услышать, наконец, свое тело и...

Не успел он договорить, как сверху со стену крикнули. Все-таки Митькин свист разбудил этих тугодумов.

— Кто такие? Что надо? — услышали мы недовольный голос.

Я поднял голову. Снизу была видна только голова в шлеме, очках и торчащий в нашу сторону... ствол автомата? Я даже глазам не поверил сначала. Молчал, разглядывая необычный и, чего там, неожиданный, предмет. Точно ведь автомат? Да, реально, ствол АК-74 короткоствольный ментовский с глушителем!

— Считаю до трех! — снова крикнули сверху, и голова прижалась к прицелу. — Буду стрелять!

Я пришел в себя.

— Эй! Стой! Ты что, во всех людей стреляешь? — при этом я отбросил копье, развел руки в стороны, показывая, что безоружен. Митька, я заметил краем глаза, сделал то же самое.

Голова в шлеме отодвинулась от ствола, крикнула.

— Откуда я знаю, что вы люди?

— А так не видно, что ли? — удивился я.

— Вообще-то, нет, — сказала голова. Ствол поднялся, показывая, что нам не угрожают. Но мы руки опускать не стали.

— Чего надо, отшельники? — спросила голова. Рядом с ней появилась точно такая же. Она что-то проговорила первой, та кивнула в ответ.

— Поговорить бы надо! — крикнул я. — Мне старший ваш нужен! Дело касается общей безопасности!

Выдал сразу все, что знал. А что еще сказать? Пусть кумекают, соображают. Мы продолжали стоять в тех же позах, с поднятыми руками. А то, мало ли, чего у них на уме? А мы тут с Митькой перед ними, как два тополя на Плющихе — бах, бах и нету. И убежать не успеешь. Что мы, индейцы, со своим примитивным оружием против этих бледнолицых?

Две макушки головы тихо шептались между собой. Вторая голова размахивала руками, что-то доказывая. Первая будто бы оправдывалась или уговаривала. Через минуту их споров, первая голова обратилась к нам с совершенно неожиданной просьбой.

— Покажи камень!

Мы с Митькой переглянулись. Я спросил шепотом.

— Что он имеет в виду?

Митька пожал плечами, взгляд испуганно бегал то на верх стены, то в лес.

Я переспросил голову.

— Я не расслышал! Что ты хочешь?

— Камень свой покажи! — повторила голова, снова нацеливая на меня ствол. — Только медленно, без резких движений!

Я медленно потянулся за пазуху, не опуская второй руки, вытянул за веревку свой Кристалл Силы, показал, снова спрятал обратно, поднял руку.

Не знаю, что он там увидел, но реакция обеих голов была неожиданной. Они почти одинаково охнули, ствол первой головы исчез вообще, вторая голова скрылась из вида.

Первая голова стояла какое-то время отвернувшись от нас, будто наблюдая, как первая куда-то то ли убегает, то ли звонит (я уже и этот вариант не исключал, после того как увидел автомат). Мы еще стояли с Митькой с поднятыми руками. Голова больше не реагировала, и я решил отпустить руки. Митька не последовал моему движению.

Когда прошло минут десять, я просто сел, где стоял, Митька, наконец, тоже расслабился. Хотя бы руки отпустил. Голова совсем не исчезала, она продолжала за нами наблюдать, но ствол больше на нас не направлялся.

Через какое-то время я крикнул.

— Начальник! Сколько нам еще тут ждать? Вы чего там решили?

Голова лишь пробурчала в ответ.

— Ждите. Раз уж пришли.

Я пожал плечами.

— Садись, Митька, — сказал я тихо, хлопнул ладонью рядом с собой по стриженной траве. — Будем ждать. Похоже с моим камнем у них какая-то заваруха.

— Какая? — спросил Митька, осторожно опускаясь и постоянно кидая взгляды то на стену, то в лес. — Что не так? Я совсем ничего не понимаю!

— Спокойно, — сказал я, наклонившись к нему. — Я сам ничего пока не понимаю. Но если мой камень так на них подействовал, то дело серьезное. Я так думаю, они нас ждали! Скорей всего, отправили гонца за начальством. Принимать нас будут, как почетных гостей!

Митька смешно округлил глаза. Я кивнул.

— Не кипиши раньше времени, посмотрим, что будет дальше, — сказал я, а у самого сердце застучало в груди совсем нехорошо. Не люблю я эти неожиданности да недосказанности. Короче, загадки!

Прошло, наверное, полчаса. Я успокоился слегка, развалился в мягкой травке, прикрыл глаза, греясь на теплом солнышке, даже задремал немного, пока дождался хоть какой-то реакции с той стороны.

Когда пришло время, никаких окриков не последовало.

Сразу заскрежетало, заскрипело, тяжело зазвенело и... одна из плит посередине стены стала медленно опускаться. Створ расширялся, и я увидел тяжелые железные (!) цепи, удерживающие плиту, которая медленно, тяжело опускалась перед нами на землю. Через минуту плита шириной метра два и длиной все шесть легла аккуратно на наш берег рва с жижей. Мы с Митькой поднялись, закинули на плечи мешки, взяли в руки свое оружие подошли к плите. В образовавшийся проем, словно в портал, я увидел совершенно другой мир — мир другой цивилизации. Там стояли одетые в форму и амуницию люди в шлемах и очках, с автоматами, за ними виднелись машины — именно машины — кабина с темными стеклами, колеса, что-то среднее между броневиком и джипом. Вдали я увидел здание — бетонное или кирпичное, но в несколько этажей, словно цитадель в этой крепости. Оно настолько контрастировало с привычным пейзажем леса, что даже глаз резало.

По упавшему мосту-плите навстречу нам вышли сначала четверо высоких солдат с автоматами, встали в стороне от нас нацеливаясь на лес, будто бы даже нас защищая от внешних угроз. Потом вышел, судя по всему, их начальник. Тоже высокий, худой, но он был без шлема и очков.

Приблизился к нам, остановился на краю моста, оглядел нас с Митькой с головы до ног. Вот тут-то я и разглядел первого в своей жизни мутанта. Кожа на лице и ладонях бледная, сухая, как у альбиноса. И глаза на худом лице какие-то выпуклые, круглые, нездоровые

красные прожилки и зрачки — вот это надо видеть! — они меняли свою форму! То округлялись до маленьких точек, то растягивались, как у кошек в изящный вытянутый ромб сверху вниз. Я даже замер на какое-то время, вглядываясь в эти необычные глаза. И прослушал вопрос, который задал этот странный человек тихим глубоким голосом.

— Что? — спросил я. — Не расслышал.

— Камень покажите, пожалуйста, еще раз, — попросил он.

Я снова достал камень, показал. И сам заметил, как он тускло светился красным, будто внутри него была маленькая свеча. И на ощупь стал теплым. Странно.

Мутант обернулся к стоящим позади людям, сказал обреченно.

— Это он.

Я с трудом оторвал взгляд от гипнотизирующего камня, где-то издалека услышал растянутое «ээттоооонн». Быстро сунул камень на свое место и... сразу полегчало, отпустило.

— Так кто «он»? — спросил я. — Он — это я?

Мутант повернулся ко мне, протянул руку.

— Меня зовут Ант. А тебя — Ник?

Я рефлекторно сжал протянутую ладонь, длинные пальцы обвили ладонь. Кивнул.

— Да, Ник.

Безумные глаза с меняющимися зрачками смотрели на меня сверху вниз то ли с восхищением, то ли с тревогой.

— Дождались, — сказал он, тяжело вздохнул. Длинные пальцы отпустили мою ладонь. — Я советник по безопасности Города. Я так понимаю ты не просто так пришел?

— Ну, да, — ответил я. — Поговорить бы надо. Тут кое-что намечается.

— Хорошо. Пойдем. Нам туда, — показал на проем в бетонной стене, шагнул первым на плиту.

Я кинул взгляд на Митьку, мотнул головой: пошли. Он нервно закивал, двинулся за мной.

Шагая за Антоном, я спросил в спину.

— Откуда знаешь мое имя?

Тот, не останавливаясь, повернулся вполоборота и сказал.

— Дед Никодим сказал, Старейший ваш.

Я почувствовал руку на плече, обернулся к Митьке. Тот молча задал вопрос, и я так же молча пожал плечами. Я сам ничего пока не понимал.

Мы перешли откидной мост, шагнули на каменную дорожку, подошли к автомобилю. Здесь Ант обернулся, открывая заднюю дверь для нас.

— Я тебе все расскажу, Ник. И помогу, чем смогу. Только все вопросы потом. — Он внимательно осмотрел нас с Митькой своими выпуклыми глазами, будто оценивая. Или запоминая. Или просто рассматривая диковинных лесных дикарей. — Мне еще самому нужно многое осознать.

Я пожал плечами, мол, окей, как скажешь, я не тороплюсь. Показал Митьке рукой — садись первый. Митька смешно так, с дрожащими руками, глаза выпучены, как у мутанта, неловко забрался в высокую машину. Я кинул взгляд, как бетонный мост, который пополз обратно, загремел цепями. Внутри забор был усилен металлическим каркасом, все это выглядело гораздо основательнее, чем трясущиеся мостки у отшельников. За стеной, кроме леса ничего не было видно. Слева от нас за стеной было голо, там был пруд. Небо безоблачно сияло в вышине, много неба. Маленькими точками пролетали птицы. Как же я соскучился по небу, по простору, по свету и воздуху.

Ант молча ждал, пока я досозерцаю пейзаж. Я улыбнулся, сказал: «Необычно у вас тут,

не как в лесу» и полез следом за Митькой в машину, подвинул ошарашенного ученика на широком заднем диване. Ант захлопнул за мной дверь, обошел машину, сел на пассажирское сиденье спереди.

Машина тронулась беззвучно. Слегка покачиваясь на неровной дороге, побежала по дамбе к цитадели, как я ее назвал. Передо мной открылся совершенно отличный от общины вид. Самое характерное — никакой растительности. Ни травинки, ни кустиков, не говоря уж о деревьях. Все — только снаружи. Гигантские сосны, пышные березы, величественные ели словно сторонились бетонно-железных укреплений этих людей-мутантов, даже ветви не нависали над стенами, как у отшельников. Почему, интересно?

Вдоль стен потянулись небольшие строения, потом двухэтажное здание и небольшой мост.

— Это наша гидроэлектростанция, — сказал Ант. — Все пытаемся ее запустить.

— Шикарно! — сказал я. — Да у вас тут цивилизация!

— Очень тяжело бороться с Лесом, — Ант повернулся ко мне, натянуто улыбнулся. — Но мы держимся!

Мы перескочили мост и справа бетонный забор провалился в низину. Рядом появились другие здания, ворота, за которыми угадывались корпуса завода, за ними вытянулась небольшая заводская труба.

— Это ваш завод, — сказал я.

— Да, — ответил Ант. — Он нас и кормит. Поддерживаем, как можем.

— А что производите? И для кого?

— Само собой завод не работает на ту мощность, что была раньше. Многие цеха мы объединили, да и немного их тут. Какие-то переделали под другие социальные объекты, выращиваем кое-что. Да и вообще от завода мы смогли восстановить только малую часть. От остальной пришлось отделиться стеной. Сейчас там, как ты понимаешь, только Лес. Он поглотил всё, похоронил под своими корнями. Как и везде.

Ант тяжело вздохнул.

Машина поднялась на небольшой взгорок, справа перед нами выросла эта четырехэтажная цитадель — квадратное здание с узкими окнами.

— А это наш Дом Советов, — сказал Ант. — Здесь у нас все — и управление, и питание, и снабжение, и лечение, и образование.

Машина въехала на небольшую, метров тридцать в диаметре, площадь. Вокруг, плотно прижавшись друг к другу, стояли несколько трехэтажных домов. По всему — жилые.

Мы с Митькой буквально пожирали все глазами: оба были здесь впервые. Только Митька вообще не знал такого раньше, не считая картинок в книжках. А у меня просыпались заснувшие было проблески памяти. Я к увиденному относился гораздо спокойнее, для меня — того, из другого времени — это было естественнее, нежели средневековый быт отшельников. И даже машина не удивила. Хотя, откуда у них машина?

Мы свернули к «цитадели», ладно, к Дому Советов, остановились на площадке рядом с другой машиной — еще более колоритной.

Если наша была джипом с большими колесами, то этот монстр был настоящим вездеходом. Еще больше колеса, кузов спереди, по бокам и сверху, как в клетке, обтянут трубами и щитами. Сразу видно, что эта тачка для поездки снаружи Города, то есть в Лесу. И такой машине нипочем ни трава, ни шароколы, ни ползуны разного вида, ни медведи. Наверное. Я еще местных медведей не видел.

Мы вышли из машины, Ант указал на большую дверь.

— Поднимайтесь ко мне, пообедаем, там и поговорим.

— Отличная идея — пообедать! — сказал я, повернулся к испуганному Митьке. Он не мог пересилить себя, чтобы не смотреть с жадным видом по сторонам. А я подумал: вот, Митька, теперь-то хоть немного поймешь меня, попаданца в другой мир!

А посмотреть было на что. Особенно местных обитателей. Судя по виду — все они мутанты, такие же, как этот начальник охраны Ант — длинные, тонкие, бледные, глаза круглые, волосы у всех светлых тонов, ни одного черного или бородатого не было. Несколько человек проходили по площади, вдоль домов на другой стороне, парочки, по одному. Все какие-то улыбочивые, позитивные. Хорошо, видимо, им тут живется!

Еще две машины заметил: одна совсем какая-то легковая, а вторая грузовик бортовой. Все двигались бесшумно, не тархтели, не чадили. На чем они двигаются, уж не электромобили?

Окна в домах были большие, с двумя рамами, не то что у отшельников. Много открытых окон, в которых как флаги развевались разноцветные шторы. Из какого-то окна была слышна музыка — легкая незамысловатая мелодия, издаваемая трубой или флейтой. По карнизу одного окна, толкаясь, бегали птицы, похожие на голубей.

У дверей закашлял помощник Анта, явно давая вежливый знак. Я повернулся к Митьке.

— Пошли, Митрофан Любопытнович, отобедаем по-местному! Не возражаешь?

Митька посмотрел на меня совершенно обезумевшими глазами. Только бы в обморок не упал.

— П-пошли, — ответил он заикаясь. И шепотом добавил: — А ты чувствуешь, какой здесь воздух?

Я принялся, задрал голову, пожал плечами.

— Нормальный воздух, — сказал я. — Даже какой-то родной. Городской.

— Вот именно, — Митька поднял указательный палец вверх. — Лесом вообще не пахнет!

— Ну, хоть отдохнешь от своего Леса, наконец-то. Понюхаешь чего-нибудь другого. Тоже надо. Для разнообразия, так сказать.

Митька глянул на томительно ожидающего у входа помощника Анта, прошептал в ухо.

— Я здесь долго не выдержу, Ник. Задышаться начну. Помню мы как-то с тобой, ну, то есть с Никифором, в какое-то болото забрели — запах там был! Так я через час стал задышаться, еле успели...

— Митька, ты астматик что ли?

— Чего?

— Ладно, давай ты свою историю потом расскажешь, на обратном пути. А сейчас надо главные вопросы порешать. Я, правда, еще сам не знаю, как именно, но решать надо в любом случае. Согласен?

Митька кивнул.

— Ну, вот и славно. Пошли.

Мы подошли к открытым дверям.

— А где Ант? — спросил я, поравнявшись с помощником. — Куда нам идти?

— Я провожу, — ответил он. — Идите за мной.

Этот тоже был почти на голову выше меня, хотя по виду молодой, как Митька.

Двигаясь за ним следом, глядя в спину, я незаметно сделал запрос. Ждать не пришлось

долго.

Объект: человек

Раса: человек разумный, мутированный, подвид А (белый)

Уровень: 2

Вид мутации: Б-12

Основные показатели:

Сила 52

Выносливость 45

Скорость 39

Интеллект 41

Интересно. Значит, не просто подвид А, так еще и вид мутации Б-12. Что бы это значило? Где-то надо раздобыть таблицу с этими классификациями.

Двигаясь по высокому коридору, из разноцветных дверей доносились голоса. Где-то пели, где-то спорили. Из одной двери, внезапно распахнувшейся, вывалился человек с черпаком в руке, в белом колпаке и халате. За ним к потолку поднялось облако пара.

— Вот, черт, криворукий! — кричал он. — Опять чан с водой разлил!

Он пробежал мимо нас, размахивая черпаком и продолжая ругаться.

— Не могу больше с ним работать! Не могу! Уволюсь ко всем чертям!

Помощник Анта не обратил на разгневанного повара никакого внимания, отошел на шаг в сторону, уступая дорогу, и двинулся дальше по коридору.

— Весело у вас тут! — сказал я. Посмотрел на Митьку, подмигнул. Митька в ответ лишь криво усмехнулся.

В конце коридора была лестница. Мы зашагали по ступеням за помощником.

Я поравнялся с Митькой, сказал.

— Ты заметил, что здесь вообще ничего деревянного нет?

Митька выпучил на меня глаза.

— Как? Вообще ничего?

— Ну, я, по крайней мере, вообще ничего не заметил. Могу спорить, что и мебель в кабинете начальника тоже не деревянная будет.

Второй этаж был не такой оживленный. Двери были все закрыты, за ними была тишина. На каждой двери была табличка, но прочитать что-то было совершенно невозможно — помесь арабской вязи и рунических знаков. А интересно, летоисчисление у них тоже свое, особенное, как у отшельников?

Помощник остановился перед дверью в середине коридора, повернулся к нам.

— Пришли, — произнес он лаконично. На бледном лице не отобразилось никакой эмоции.

— Отлично, — сказал я. — А не подскажешь, э, как тебя?

— Дан, — сказал он.

— Ага, Дан, здорово. Не подскажешь, какое сегодня число?

Дан поднял на меня свой выпуклый взгляд, поиграл зрачками, видимо, определяя степень важности моего вопроса. Ответил.

— Одиннадцатое июля.

— Ого! — изумился я. — Значит, лето в самом разгаре! А год какой нынче, скажешь?

Дан, уже не играя зрачками, просто сказал.

— Две тысячи триста сорок пятый, — взялся за ручку и отворил перед нами дверь.

Мы зашли в небольшой кабинет. У широкого окна стоял стол, слева диванчик, справа шкаф, на бежевых окрашенных стенах было пусто, кроме одной небольшой картинки с индустриальным пейзажем (наверняка из какого-то журнала моей эпохи вырвана). На столе были расставлены тарелки с разными блюдами, в основном овощи. В центре на большом подносе куски мяса, на шашлык похоже. Аромат был обалденный, рот рефлекторно наполнился слюной. Во главе стола стоял Ант, развел руки в стороны, сказал.

— Присаживайтесь. Кушайте. Вы с дороги, надо сил набраться.

— Да, не откажемся, — ответил я, посмотрел по сторонам.

Ант спохватился, крикнул.

— Дан!

В дверях появился помощник.

— Дан, пожалуйста, поставь гостям диванчик.

Дан молча кивнул, подошел к диванчику, поднял его и поднес к столу, так легко, будто пустую коробку. Снова кивнул и вышел.

Я специально глянул на стул хозяина кабинета, на диванчик, на стол — ничего деревянного.

Тарелки тоже были из какого-то белого металла или керамики, приборы железные.

Мы опустились на мягкий диванчик, и я задал первый вопрос.

— Я вижу, Ант, что вы с деревом не очень-то дружите?

Он сел за стол, отклонился на спинку, улыбнулся.

— Да, это ты правильно заметил. Мы с деревом не дружим. Точнее было бы сказать, что это дерево с нами не дружит.

— А что так? — я взял приборы и положил себе пару кусочков мяса. — Столько деревьев вокруг! Бери — не хочу! Или что не так?

— Не знаю уж почему, Ник, но Лес не полюбил нового человека.

— Нового человека? — вдруг спросил Митька.

— Да. За триста лет после Разлома люди изменились. Мы не любим называть себя мутантами. Мы не мутанты, мы новая раса. Мы строим новый мир по новым законам. Но Лес, который захватил всё, не мог смириться с тем, что люди не просто выжили, но и изменились.

— Но ведь остались же нормальные люди, — сказал я. — Такие, как Митька, Никодим.

Ант бросил на меня быстрый кошачий взгляд.

— А себя почему не назвал?

Я растерялся. Ну, да, поймал меня на том, что я не отшельник. Но как он узнал? Да не мог он ничего знать! Я Никифор, и я отшельник — как минимум в теле.

— Ну, и я тоже, конечно, — сказал я.

— Разве? — удивился Ант. — А мне показалось, что ты себя как-то по-другому ощущаешь, нет?

— Нет. Я — отшельник, такой же, как и они. И я чистый.

— Ну да, — опустил голову Ант, — чистый. Вот и Никодим это тоже проповедовал. Все учил нас уму разуму.

— А часто вы с ним встречались? — спросил Митька, дожевывая жестковатое мясо.

Ант совсем ничего не ел. Стол был накрыт только для нас. Ну, мы и ели, от души.

Овощи были не знакомы, но довольно сытные. Можно было и без мяса вполне обойтись.

Ант поднял голову, откинулся на спинку, посмотрел на потолок мечтательно.

— Последний раз дед Никодим приходил к нам примерно месяц назад. А так бывал где-то три-четыре раза в год, когда в путешествия отправлялся.

Митька заулыбался.

— Да, я помню, как Никодим Евлампович пропадал из Общины, никому ничего не говоря! А потом, так же незаметно вдруг появлялся через неделю или две! Мы его раз пять хоронили заочно!

Ант тоже улыбнулся.

— Да, дед Никодим был шустрый! Как он сейчас?

Митька поник, опустил глаза.

Я ответил за него.

— Ушел Никодим. Попрощался, видимо, навсегда. В какой-то Вырий пошел. Что это, Митька, какие-то райские кущи?

Митька молчал.

— Я все понял, Ник, — сказал Ант. — Он говорил об этом месяц назад. Будто чувствовал, что конец близок. А по нему и не скажешь, что так быстро. Такой живой был, соображал крепко, шустрил!

Я отложил приборы, посмотрел на Анта. Он ведь не знает ничего. Как на самом деле все было. И почему вообще так случилось.

— Это из-за меня, — сказал я. — Он мне камень этот проклятый отдал, поэтому всю силу свою потерял. За день.

Ант посмотрел на меня будто исподлобья. Но сказал совсем другие слова.

— Ты ни в чем не виноват, Ник. Запомни это. Это судьба. Пришел ты, значит, пришло твоё время. А время Никодима кончилось. Теперь ты за него. Запомни это. Это я тебе как близкий друг деда Никодима говорю. Он все это предвидел еще тогда. Говорил, что Зло пришло на нашу землю, что скоро Лес пришлет защитника нам, который соберет всех и уничтожит Зло. И еще говорил, что нам всем надо быть готовым к этому.

Мы с Митькой смотрели на него выпучив глаза.

А он, не глядя на нас продолжал.

— Дед Никодим все знал заранее. Не знаю, медиум он был, прорицатель, пророк или еще кто. Вон Митька лучше знает. А только ждать нам недолго пришлось. И про магический кристалл я тоже знал, давно знал. И про то, что благодаря ему ходил дед Никодим по Лесу один и никого не боялся! Потому что силу он давал ему не только физическую, но и духовную! Магический Кристалл Силы дает его обладателю силу во всем, если ты умеешь этой силой управлять! И знаю, что больше трехсот лет прожил он благодаря этому камню. И, само собой, что когда он передал этот камень тебе, камень тебя принял, то вся сила Кристалла стала передаваться тебе, Ник. А Никодим остался сам с собой и со своей старостью. Давно уже Никодим говорил мне, еще когда я сам был юнцом, вот как ты, Митька, говорил, что устал от такой долгой жизни. Но, поначалу он не знал, что с этим камнем делать. Камень нельзя просто кому-то отдать. Камень должен принять его носителя. И потому, пока не появился ты, Ник, Никодиму приходилось жить дальше и ждать.

Тут Ант рассмеялся.

— Не поверите, но в позапрошлом году дед Никодим, после очередной кружки медовухи вот здесь за этим столом, пытался этот камень мне вручить!

Мы с Митькой переглянулись.

— Да-да! — смеялся Ант. — Вот прямо здесь снял с шеи камень, подошел ко мне и накинул на меня, как петлю! Вот я попрыгал-то тогда, — Ант до того разошелся, что даже слезы на глазах выступили. — Камень-то как вспыхнул, да не просто вспыхнул, а прямо загорелся! У меня по всей груди шрамы, да еще и форму новую пришлось заказывать! Кхе!

Ант расстегнул куртку, задрал футболку и показал свои шрамы. Впечатляюще, да. Я тоже решил взглянуть на свою грудь. Нет ничего, даже пятнышка не осталось.

— Вот я об этом и говорю, — сказал успокоившийся Ант. — Только одного человека может Кристалл принять. И у каждой расы именно один такой человек есть, которому может камень подчиниться. У расы отшельников — это был Никодим, а стал ты, Ник, кристалл принял тебя. Если честно, я не знаю до сих пор, почему. Дед Никодим знал, но так мне и не сказал. А тебе сказал, почему тебя выбрал Кристалл Силы?

Он слишком пристально посмотрел на меня, играя своими жуткими зрачками. Но я ответил честно, глядя прямо в глаза мутанту.

— Я не знаю. Я сам в шоке. Мало того, что...

Я заставил себя замолчать, зачем ему знать, что я не совсем Никифор. Что совсем не Никифор.

— Да я знаю, кто ты, Ник, — сказал Ант благодушно, откатился обратно на спинку. — Не бойся. Дед Никодим мне тоже об этом говорил.

Теперь моя очередь была округлить на него глаза и поиграть зрачками.

Митька тоже перестал жевать, вилка выпала у него из руки на бетонный пол, звякнула как-то не естественно, не по железному, затихла. Наступила звенящая тишина.

— Ну, теперь твоя очередь, Ник, рассказывать, — сказал Ант. — Каков план?

Я кое-как дожевал кусок мяса, проглотил. Все-таки какое-то оно не такое здесь, в Городе Мутантов. Вытер рот и руки салфеткой, сыто отвалился на спинку дивана.

— План простой, — сказал я. — Нужно найти все камни, и с представителем этой расы всем вместе явиться в Белый Лес, где-то далеко на севере. Там произойдет какое-то чудо — и Великое Зло исчезнет. На все, про все у нас осталось тридцать два дня. Как-то так.

Ант смотрел на меня обычными зрачками, молчал.

— Выглядит все просто, — наконец сказал он. — Всего камней сколько?

— Семь.

— Семь, — повторил он. — Первый у тебя. Кристалл Силы от расы чистых людей, отшельников. Второй у нас — новых людей, ну, или как вы нас называете — мутантов. У нас Кристалл Света. Уже два. А остальные какие кристаллы?

Я пожал плечами.

— Этого я пока не знаю. И у каких рас они находятся тоже.

— Это плохо, — сказал Ант, поднялся, повернулся к окну.

— Почему? — спросил Митька.

— Потому что мы свой кристалл отдать пока не можем.

Тут пришла очередь удивиться мне, я поднялся. Митька встревоженно смотрел на нас обоих. Конечно, надеяться, что свои камни расы будут просто так отдавать, было безрассудно. И Никодим об этом тоже говорил.

— А в чем загвоздка? Где у вас этот камень лежит?

Ант повернулся от окна, показал рукой себе за спину — там виднелись большие цеха завода, лениво дымила труба.

— Мы используем камень по назначению. Мы не можем его просто взять — и достать.

— А можно поподробнее?

Ант вздохнул, кинул взгляд в окно, поочередно посмотрел на нас.

— Хорошо, пойдемте. Я вам все по дороге расскажу.

Митька подскочил, я вышел из-за стола.

— Куда идем? — спросил я.

— Как куда — на завод, покажу наш кристалл.

Мы вышли из кабинета, за дверями нас встретил молчаливый Дан, они с Антом молча переглянулись, и помощник пошел первым по коридору. Мы за ним. Мне показалось, что эти мутанты — новые люди — умеют разговаривать телепатически, читать мысли друг друга. Может, просто показалось.

До машины мы шли молча.

В коридоре первого этажа мы попали в поток детей, шумно и весело выходящих из здания. Уроки закончились? Никто на нас внимания не обратил, я же с интересом вглядывался в лица подрастающего поколения мутантов. Как и взрослые — все они были светлоликие, худенькие, пучеглазые. Никого, кто бы выделялся как-то из общем массы, я не заметил. Ни одного представителя другой расы. Мы с Митькой среди них выглядели как иностранцы в другой стране.

Когда сели в машину, и та с тихим шелестом покрышек побежала по площади, Ант, повернувшись к нам, сказал.

— Так вот в чем проблема, Ник. Мы используем наш Кристалл Света, как источник энергии. Единственный пока источник. Благодаря ему наш Город живет.

Мы с Митькой молча слушали, Ант продолжал.

— На заводе мы спроектировали и построили что-то вроде небольшого реактора, или ТЭС, в основе которого лежит излучение Кристалла. Не смотри, что Город у нас небольшой, умных парней у нас много.

— Я и не сомневался, — ответил я. — Видно, что уровень жизни у вас отличается от нашего.

Ант кивнул.

— Да, но это все может кончиться в один момент. Мы не знаем, насколько долго Кристалл способен излучать внутренний свет. Может, он уже завтра потухнет. Может, еще двести лет будет светить. Никто этого не знает. Единственное, что мы смогли сделать — найти способ «зажечь» его, разбудить, так сказать, его внутреннюю энергию, чтобы он давал оптимальное количество света для работы реактора.

Мы подъехали к воротам завода. К машине подошел охранник, увидел Анта, кивнул. Через секунду ворота стали раздвигаться, открывая проезд. Впереди показалась такая же узкая каменная дорога, уходящая под горку между плотно заставленными цехами и другими зданиями.

— Расскажи, как это работает? — попросил я, когда машина снова двинулась.

Ант усмехнулся.

— Подробности технического характера ты, конечно, можешь узнать у наших конструкторов и инженеров, но оно тебе надо? У тебя же нет технического образования, поэтому, боюсь, что ты ничего не поймешь.

Я на секунду задумался: а на самом деле какое у меня образование? Не Никифора, а именно моё? В голове ответа на этот вопрос не возникло. Не помню.

Машина огибала углы зданий. Завод оказался больше, чем виделось снаружи. Как и в городе, здесь не было ни одного кустика, ни одной травинки, не говоря о деревьях. Ант продолжал:

— Я и сам-то знаю только в общих чертах, так сказать. Суть в том, что когда-то давно, еще до меня, умные ребята нашли способ кристалл «оживить». То ли это было сделано экспериментальным путем, то ли вообще случайно, но факт таков: камень излучает свет при взаимодействии с определенным газом. Поэтому мы поместили его в специальный котел-реактор, куда подается в определенной дозировке этот самый газ. И — да будет свет!

Машина проехала еще сотню метров по прямой и, оперевшись в высокое бетонное здание, остановилась.

— А мы приехали, — сказал Ант.

— А где вы берете этот газ? — спросил я, открывая дверь.

Ант улыбнулся, махнул неопределенно рукой:

— На болоте! — увидел мою реакцию, добавил. — Да, да! Кажется просто?

— Я бы сказал — неожиданно.

Мы подошли к тяжелой металлической двери, над которой горела красная лампа. Здание было кубическое, без окон, высотой метров шесть, словно из цельного бетона, без швов.

Дан что-то набирал на пульте у двери, неслышно с кем-то разговаривал. Через несколько секунд лампа над дверью стала зеленой, внутри щелкнуло, он потянул, не без усилий, дверь на себя, зашел первым.

— Прошу, — сказал Ант, пропуская нас вперед. — Это здание мы называем сердцем нашего Города.

Мы последовали по узкому тускло освещенному коридору. Впереди была еще одна железная дверь, она шумно, тяжело вдвинулась в стену, как только мы подошли. За дверью было просторное высокое помещение. В центре на постаменте возвышалась округлая бочка, размером примерно такая же, как на машинах возят воду или молоко, в общем цистерна. Не исключая, что ее и использовали. Бочка была опутана разного размера трубами, проводами, усеяна датчиками. За ней вдоль стены громоздились еще какие-то ящики, бочки размером поменьше, моргали лампочки на щитках. Справа в стене я заметил за большим стеклом пару человек.

Ант проследил за моим взглядом, пояснил.

— Это пульт контроля и управления. Стекло бронебойное. Работают специалисты круглосуточно.

Предваряя мой следующий вопрос, он добавил.

— Как я уже говорил, мы не знаем, как и сколько будет работать кристалл, поэтому и предприняли средства защиты.

— А где этот ваш кристалл? — спросил Митька, зажимая почему-то рот рукой.

Я принялся — вроде ничем таким особым не пахнет. Хотя уловил запах, будто где-то крыса в углу сдохла.

— Кристалл — там внутри, — сказал Ант. — Ты его не увидишь, хотя вон там есть небольшое окошко.

Сбоку на самом деле было окошко на уровне глаз мутанта — мне было бы трудно дотянуться до него, чтобы посмотреть. Я вообще его принял сначала за ярко горящий светильник. Понятно, что ничего не увидишь, если он так ярко светит. Скорее зрение себе испортишь.

— А пахнет это как раз тот самый болотный газ, — сказал Ант, посмотрев на Митьку, который пятился к выходу.

— Можно я выйду? — попросил он. — Не могу здесь дышать.

— Конечно, иди, — сказал я. — В машине подожди. Мы, наверное, тоже скоро пойдем? — обратился я к Анту.

Он развел руками.

— Наверное, да. Вы увидели здесь все, что хотели?

Я еще раз окинул взглядом помещение, остановился на горящем окошке.

— Еще один, наверное, самый главный вопрос, — сказал я, указывая на ровно и ярко светящееся окно. — Если нам нужно взять этот камень, как мы это сделаем?

Ант пожал плечами.

— Просто перекроем газ, он погаснет. Вот и всё. Мы уже много раз так делали, проводя техническое обслуживание. Кстати, последний раз две недели назад это делали. Заодно проверяли все другие системы — отопления, водоснабжения, электропитания.

— То есть на это время у вас Город полностью был отключен?

— Точно так, — подтвердил Ант. — Я же говорю, всё у нас завязано на этом кристалле.

— Но это же небезопасно, — сделал я вывод.

— Согласен. Поэтому я стараюсь пробить вопрос на Совете, чтобы ускорили работы по гидростанции. Знаешь, там много разных, хоть и седовласых, но твердолобых и консервативных болванов. Мол, сотню лет мы так жили, и дальше будем жить, пока не умрем, а вот после нашей смерти — делайте что хотите.

Да, подумал я, только вот теперь внешние условия как-то поменялись, не удастся отсидеться даже за такими крепкими стенами.

Ант лишь тяжело вздохнул.

Когда мы вышли из здания, я спросил, окидывая взглядом мощное строение.

— Основательный такой домик!

Ант остановился у машины, проследил за моим взглядом.

— Да, пришлось укрепить. Это было уже при мне. Он и до этого строился с учетом того, чтобы обезопасить жилые строения, поэтому строили максимально дальше, как ты видишь, в самом тупике завода. За ним укрепленные стены.

Мне из-за здания их видно не было.

Ант продолжил.

— А укреплять мы его решили из-за частых набегов выроdkов и других наемников. Посреди Леса наш Город привлекает слишком много алчных дельцов, желающих завладеть и кристаллом, и технологиями, которыми мы научились пользоваться.

Я зацепился за одно слово, произнесенное Антом.

— Ты сказал «наемники». Что ты имел ввиду? Это какой-то другой вид выроdkов?

— Нет, это совсем не выроdkи. Хотя среди них и попадаются переделанные. Короче, это киборги. Полулюди-полумашины. Где-то там на востоке от нас, на берегу Большой реки у них подземный город машин. Я его называю Техно-город.

Вот это новости! Еще какая-то раса? И мутанты о них что-то знают?

Даже Митька высунулся из окна машины, услышав про киборгов.

— Да, — подтвердил Ант. — Наши разведчики постоянно натываются на них. В отличие от нас, киборги делают упор на технику, оружие и ведут диверсионно-террористическую тактику. Вычисляют такие поселения, как наше, интересующее их с технической точки зрения, внедряют своих людей-роботов, не отличимых от обычных людей, пытаются если не хитростью, то силой захватить нужные им ресурсы, технику, научные наработки.

Это было уже интересно.

— А какие наработки у вас есть, чтобы их заинтересовать?

Ант усмехнулся, предложил пройтись пешком по заводу.

Двери реактора за нами уже плотно закрылись, над ними снова горела красная лампа.

Мы двинулись вдоль корпусов завода, машина бесшумно развернулась, покатила медленно за нами. Митька пожелал ехать, а не идти.

— А как у вас с топливом? — спросил я. — Машина, видимо, на электричестве работает?

— Да, с топливом у нас все плохо, — сказал Ант. — Как ты заметил, Лес не дает нам пользоваться своими дарами. Не знаю, почему, но нам приходится выживать вопреки желаниям Леса. Пока справляемся. Мы приручили электричество, научились его производить, у нас все на этом завязано. И наш реактор, использующий Силу Света — единственный пока источник энергии. Мы смогли все от него запитать, все производства, отопление, водоснабжение — все работает от этого Кристалла.

— Подожди, — вставил я. — Но ты говорил что-то о гидроэлектростанции? Почему же вы ее не восстановите?

— Да, — согласился Ант, — если бы нам удалось ее запустить, то это стало бы хорошей альтернативе кристаллу. К тому же вода — это тоже своего рода вечный источник. По крайней мере, мы и рассчитываем в ближайшее время его запустить. Никто ведь не знает, сколько мы еще с кристаллом протянем. Как я уже говорил, он может завтра потухнуть. И тогда всё! Мы останемся вообще без всего. Мы даже дровами топить не можем, потому что Лес нам не дает.

— Все-таки я не понимаю, как Лес может не давать? Пошел, свалил дерево, распилил, вывез на тракторе — у вас же все это есть! Одной такой елки, высотой под сотню метров, диаметром с ваш грузовик, которые растут вокруг, вам хватило бы на месяц!

— Так-то оно так! Но ты думаешь мы не пробовали? — вздохнул Ант. — Мы для Леса, как прокаженные. У него много способов помешать нам даже просто выйти за пределы стен! Хорошо, что он еще позволяет нам передвигаться относительно спокойно в качестве разведки. Для нас выезд за газом на болота, до которых тут пара километров — целое приключение! И каждый раз нам приходится выбирать новый маршрут, потому что Лес всегда что-нибудь да придумает, каких только ловушек и препятствий не чинит нам! Наши ребята-разведчики просто герои — провожаем, как на войну, встречаем, как победителей! И так каждый раз. Да еще эти выродки и киборги участвовали свои вылазки и провокации. Они, я заметил, последнее время стали даже совместно действовать! Скорее всего, это киборги стали нанимать выродков, используя как живой щит, чтобы своих воинов побереечь. Тупой выродок, готовый воевать за еду, для них ничего не стоит! Попадет под нашу пулю или в лесную ловушку — не жалко. Свои воины для них, да еще в условиях энергетического дефицита — слишком дорого стоят.

Мы проходили мимо странного здания, больше похожего на огромную теплицу. На мой вопрос, Ант объяснил, что здесь они выращивают не только овощи, но и мясо. Искусственное мясо, уточнил он.

Так вот почему оно такое жестковатое и непонятное на вкус. Хорошо, что Митька об этом ничего не услышал. Сомневаюсь, что его желудок отреагировал бы на эту новость адекватно. А так — меньше знаешь, крепче спишь.

— Здесь мы все делаем, — продолжил Ант. — Все, что ты видел на столе, все создано в лабораториях на заводе. За триста лет, что прошли после Разлома, много чего поменялось. То, что раньше казалось фантастикой, мы научились делать. И во многом нам в этом помогли именно новые условия, появившиеся после того катаклизма. Как ты видишь — мы и сами изменились.

И довольно значительно, подумал я.

На что Ант кивнул, будто услышал меня. Все-таки телепатия?

Проходя мимо очередного цеха, я уловил определенный запах.

— Кислятина какая-то во рту! — сказал я. — Что здесь?

— Здесь мы делаем железо и пластик, — ответил Ант. — Но железо по минимуму, его почти не осталось. Все что могли вывезти из Леса, да остатки откапываем здесь у себя. Поэтому, в основном пластик, керамику.

Мы подходили к воротам. Из здания нам навстречу вышел охранник, в бронежилете, с автоматом на плече, молча подошел к воротам, нажал кнопку на столбе, створки стали разъезжаться в разные стороны.

Мы с Антом вышли пешком, за нами выкатила машина.

Я задал вопрос, давно мучивший меня.

— Откуда у вас оружие? Не сами же вы его сделали?

— Нет, — ответил Ант. — Этот сюрприз нам достался со времени Разлома. Стволов немного, мы бережем их, используем редко. Хотя патроны делать научились, так что от внешних врагов сможем защититься. Пока по крайней мере могли.

— А как насчет предстоящей опасности? — спросил я. — Ты же разговаривал с Никодимом, что он тебе про Великое Зло говорил?

Ант замялся, посмотрел куда-то в сторону, произнес тихо.

— Говорил, да. Страшные вещи говорил. Я не знаю, насколько это правда, но не доверять ему у меня нет оснований. Вопрос в том, как мне убедить в этом Совет? Конечно, мы живем в страшное время, опасное. Взять хотя бы этих киборгов — они тоже совершенствуются, у них техника не стоит на месте, наглость все чаще преобладает над здравомыслием. Рано или поздно они доберутся до реактора, до кристалла. Именно об усилении собственной обороны сейчас думает Совет, считает это главной задачей. Как их убедить, что киборги и их машины — это только цветочки, по сравнению с тем, что может прийти с севера?

— Но убеждать все же придется, — сказал я. — И времени на это совсем не осталось.

— Я с тобой полностью согласен, Ник. На завтра спланировано экстренное заседание по безопасности. Будет весь Совет.

— Завтра? — спросил я.

Ант пожал плечами.

— А что я могу? Я здесь не главный. Это мы с тобой знаем, что нам всем угрожает. А они — нет. Даже если кто-то что-то слышал, согласись, поверить в пришествие чего-то непонятного из другой реальности, которое еще где-то далеко на севере...

— Вы же не спасетесь за своими стенами от общей гибели.

— Я знаю, — обреченно вздохнул Ант.

— Так, а мне что делать? Я не могу уйти с пустыми руками!

Ант промолчал.

В небе над нами пролетела большая птица. Карыч следит? Вполне себе. Нет, я точно отсюда не уйду без их камня! И новая мысль пришла мне в голову.

— Может, мне поучаствовать в вашем Совете, Ант? Что скажешь? У меня есть несколько весомых аргументов, чтобы убедить сомневающихся.

При этих словах я достал из-за пазухи красный камень, который пульсировал тускло изнутри.

Красный огонек заплясал в глазах Анта, зрачки лихорадочно меняли форму. Он сказал, не отрывая взгляда от камня.

— А это хорошая идея, Ник! Очень хорошая идея!

Он широко улыбнулся, похлопал меня совсем уж по-дружески по плечу.

— Завтра утром! — он протянул мне руку для пожатия. Длинные пальцы обвили ладонь. Странные ощущения. Привыкну я когда-нибудь к этой расе? Конечно, ведь к отшельникам привык.

Я сел в машину, Митька был не очень: глаза закатил, дышал глубоко, часто.

— Митька, ты чего, ты как? — спросил я встревоженно, наклонился к нему, приложил ладонь ко лбу. Горячий.

— Плохо, — просто сказал он. — Воздуха не хватает. Город этот...

Ант сел на сиденье спереди, обернулся, глянул на Митьку, скомандовал Дану.

— Давай быстро в мою комнату!

— Зеленую? — переспросил Дан. Машина резво набирала скорость.

— Ну, конечно! Чего ты спрашиваешь! Видишь лесному плохо!

Дан промолчал.

Машина летела по каменной дороге, мягко покачиваясь на кочках. За пару минут мы домчались до Дома Советов. Я выскочил из машины, обежал ее, открыл дверь, помог Митьке выбраться. Рыжий Митька был совершенно бледным, даже волосы, кажется, посветлели. Глаза слезились, взгляд безумно бегал по сторонам, руки тряслись, все тело дребезжало.

Ант подхватил Митьку с другой стороны, сказал.

— Нам туда, быстрее!

— А куда? — спросил я, ведя Митьку к открытым Даном дверям. — Что там у тебя?

Мы прошли в двери, поддерживая волочащего ноги Митьку, торопливо прошли по тихому и, к счастью, пустому коридору, поднялись по лестнице. Доволокли мычащего Митьку до двери кабинета, предупредительно открытой Даном, втиснулись внутрь. Ант открыл незаметную дверь в маленьком коридорчике, первым вошел, втащил за собой Митьку, я следом. Прикрыл дверь. Включился мягкий свет. Мы опустили Митьку на удобное кресло, напоминающее шезлонг. Митька облегченно вытянул ноги.

Я огляделся. Комната была полна зелени. Небольшая, метра три на три, плотно уставлена горшками разных размеров, в которых росли разного вида ну не знаю, растения, видимо. Потому что в этом мире цветочки были ростом с кусты, кусты с деревья, деревья с башни. Поэтому точно определить сразу, что это — я не взялся.

Ант смахнул со лба пот, сказал.

— Ну, сейчас полегчает.

— Это что у тебя за оазис?

Ант заметно смутился.

— Только ты никому не говори, — сказал он тихо. — Никто про него не знает. Кроме Дана. Ему я доверяю.

— А кому я тут скажу, — удивился я. — Я ж тут никого, кроме вас не знаю. А вообще интересно придумано.

— Лишь бы Митьке помогло, — сказал Ант, заботливо поправил рыжую влажную челку на уткнувшейся в грудь голове Митьки. Тот дышал ровно, но будто бы потерял сознание. Или просто спал. — Должно помочь. Здесь лесной климат, воздух. — Он подошел к закрытой двери, посмотрел на цифры на небольшом ящичке-дисплее. Потыкал длинным пальцем по сенсорным кнопкам, сказал уверенно. — Все отлично. Все показатели на девяносто девять процентов близки к Лесу в трех километрах от города в четырех местах. Там у нас датчики стоят, мониторят круглосуточно.

Мы постояли пару минут, наблюдая за Митькой. Он заснул, устал. Столько впечатлений

за один день, я его понимаю. Я, кстати, хоть и тоже отшельник — в теле — но воспринимал новые условия более спокойно. Почему-то.

— А я тебе скажу, почему, — сказал тихо Ант. — Только пойдем, выйдем. Дадим Митьке прийти в себя.

И открыл дверь, вышел первым. Прошел к столу, на котором стоял высокий прозрачный графин и несколько стаканов, налил в два стакана воды, протянул мне. Я отпил хорошей, но не такой чистой и целебной, как у отшельников, жидкости. Все-таки у них немного все по-другому. Очень многое.

Ант сказал то, что я совершенно не ожидал от него услышать.

— Ник, ты не совсем отшельник, — он поставил стакан на стол, обошел его, сел в свое не деревянное, но очень на него похожее, кресло, закончил. — Ты не совсем чистый, как думаешь. Ты ведь знаешь об этом?

Я опустил на диван, молча смотрел на Анта, ждал продолжения.

Ант улыбнулся, будто наслаждаясь произведенным эффектом.

— Именно поэтому Никодим выбрал тебя, — закончил он. Поднял свой стакан, отпивал медленно, наблюдая одним глазом мою реакцию.

Я поставил свой стакан на стол, смотрел на Анта. Как я ему скажу, что я себя не помню, не то что про Никифора. Что там у него было, когда?

— Ты, как будто, ничего не помнишь? — спросил Ант, не дождавшись от меня нужной реакции.

Я пожал плечами.

— Так и есть.

Ант вздохнул. Еще раз внимательно посмотрел мне в глаза, играя зрачками.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Я могу это понять. Ты был маленьким. Тебя дед Никодим в лесу нашел, принес в общину, выходил, вылечил. Это он мне рассказывал потом. У тебя был какой-то браслет особый, не деревянный, какие обычно носят отшельники. Он его спрятал, а всем сказал, что ты такой же как они — чистый. Иначе...

— Иначе меня бы выдворили из общины, — вставил я. — Я знаю, что у них есть предубеждение, даже страх по отношению к мутантам.

— Ну да, — согласился Ант. — Есть такое. Поэтому Никодим никогда не говорил у себя в поселении, что бывал у нас. Такое бы началось! Они же до сих пор считают, что мы заразные.

— Это да, — подтвердил я. — Я считаю это антинаучным. Но, что с них взять! Ладно. Давай дальше. Почему Никодим решил, что я не чистый? Только из-за необычного браслета?

— Не совсем, — продолжил Ант. — А ты что, вообще ничего не помнишь? У тебя же способности есть, которых нет у отшельников, не может быть у чистых?

— То есть какие-то мутации? Как у вас?

— Ну да. Неужели ты не чувствуешь это в себе?

Я попытался послушать свое тело, даже глаза закрыл. Ну, Никифор, выдай чего-нибудь такое! Ну!

Нет, молчит.

— Но я ведь и не совсем мутант, — сказал я. — Я же не похож на вас. Ведь если бы я был такой же худой и бледный, то меня бы враз вычислили!

— Никто и не говорит, что у тебя что-то именно от мутантов, от нашей расы, — возразил Ант. — В тебе может быть намешана кровь других рас, у нас ведь их тут сам знаешь

сколько! Некоторые очень похожи на отшельников.

Я пожал плечами. Что я могу сказать? Даже если у Никифора есть какая-то своя фишка, моему сознанию она недоступна.

— Ну да ладно, это я так, к слову. — Ант поднялся, прошел по комнате, открыл дверь, позвал Дана. — Ник, — обратился он ко мне. Я повернулся, встал. — Дан вам покажет комнату. Когда Митька придет в себя, отправитесь отдыхать. Вечером я еще зайду, чтобы определиться по завтрашнему дню, обговорить детали. Дело серьезное.

— Это точно, — согласился я. — Серьезнее не бывает.

— Вот именно. Но в этом надо убедить весь Совет. Для нас это серьезное решение, для всех нас. В общем, отдыхайте. До вечера.

Я кивнул.

Ант что-то еще шепнул Дану в дверях, вышел.

Дан остался стоять у закрытых дверей.

Я опустился обратно на диван. Что же такое у меня есть необычное, о чем знал Старейшина, наверняка знал. И мне ничего не сказал. Но он же не знал, что ЛЕС вселил меня в тело Никифора, и поменял все сознание. Для чего это было сделано? По факту я начал с чистого листа: сознание Никифора не доступно, моя память стерта. Это было сделано преднамеренно?

Не знаю, у меня пока нет ответа.

Надеюсь, что они появятся позже.

— Может, чаю? — спросил за спиной Дан.

Я обернулся.

— Нет, спасибо. Может, позже, когда Митька в себя придет.

— Хорошо, — сказал Дан, — а я, с вашего позволения, схожу налью себе.

Через минуту он вернулся с дымящейся чашкой, тарелкой сладостей. Кивнул мне, мол, может передумаешь. Я улыбнулся, помотал головой.

Старался не смотреть на аппетитно распивающего чай Дана, спросил, скорее из вежливости, чтобы завести светский разговор.

— А почему у вас такие имена странные: Дан, Ант?

— А у вас? Никифор, Митрофан, Никодим.

— Ну, это да, согласен. Но это хотя бы какие-то старорусские, это можно понять, если отшельники себя считают чистыми, снова уверовали в древних богов, чтобы максимально уйти от губительной цивилизации. А у вас это с чем связано? С тем, что вы, наоборот, новые люди? И для новых людей имена новые придумали?

— На самом деле все проще. Имена у нас обычные, только сокращенные. Вот, например, Дан — это Данила, а Ант — Антон. Вот и все.

— Но у вас фамилии, отчества есть? Или они тоже сокращенные? Не может же город в тысячу человек иметь пятнадцать Данов и двадцать Антонов? Вы же запутаетесь. Тем более, что, как по мне, вы почти все на одно лицо, как эти... эльфы!

Дан засмеялся, поставил на стол чашку, чтобы не разлить.

— Да, интересное сравнение! Даже не думал никогда об этом.

— Но так и есть, — сказал я. — Мне со стороны как-то в глаза бросаются эти сравнения. Вот, например, те же выродки похожи на гномов — маленькие, черномазые, коренастые.

— Только гномы не такие тупорылые и злобные, — вставил Дан.

— Это да, точно.

— А у нас уши обычные, не заостренные, как у эльфов.

Я тоже засмеялся.

— Ну я и не говорил, что вы прямо точь-в-точь как они! Я сказал, что любая раса всегда чем-то напомнит уже существующую, хотя бы и в книгах.

Дан покрутил чашку в ладонях, подумал и спросил.

— А ты видел уже кого-то похожего на орков и гоблинов? Или того хуже — троллей?

Я удивился его вопросу. Честно говоря, я не знаю, где путешествовал Никифор, может он и встречал кого-то похожего. Но не я точно. Пока.

— Нет, — ответил я. — К счастью или к сожалению, пока нет.

Дан вздохнул, вскинул взгляд мне через плечо.

— Митька! Как себя чувствуешь?

Я обернулся. Митька стоял у двери в зеленую комнату, ошалело озирался.

— Слушайте, отлично! Даже выпался! — он взгляделся в окно, солнце еще и не думало садиться, только перешло экватор. — Что же я буду ночью делать? — и уверенной бодрой походкой двинулся к столу. — А есть чего поесть?

Мы с Даном переглянулись, не скрывая улыбок.

— Чего-нибудь для тебя найдем! — сказал Дан, встал и ушел в другую комнату.

Пока его не было, Митька уселся рядом на диван, потянулся.

— Я, наверное, все пропустил, — сказал он. — А что вы решили с камнем?

— Завтра утром будет большой городской Совет, где и будем этот вопрос обсуждать.

— Только завтра? — в глазах у Митьки появилось беспокойство.

— У нас нет выбора, — сказал я. — Ты же понял, что этот камень, что нам нужен, этот Кристалл Света, используется ими в реакторе, единственном источнике энергии во всем Городе.

Митька изумленно смотрел на меня.

— Но они же понимают, что вариант только один — отдать этот камень нам! Чтобы мы...

Я его перебил.

— Понимает из них только Ант, ему об этом Никодим говорил, а остальные, по-моему, вообще не в курсе.

— И что?

— Завтра будем это обсуждать.

— А если они откажутся?

Я об этом даже не думал. Если они узнают причину, то не откажутся. Они же разумные люди! Пусть и мутанты. Мозги-то у них нормальные.

— Ну, а если откажутся, — сказал я тихо, чтобы Дан не услышал, — то мы сами возьмем камень. И прихватим с собой одного мутанта в придачу, пусть даже связанного.

Митька громким шепотом произнес, поглядывая на прикрытую дверь в комнату, куда ушел Дан. Оттуда доносились звон посуды, шуршание, бульканье.

— А разве не надо, чтобы этот камень тоже совпадал с определенным этим, как его, индивидуумом, этой расы? Как мы найдем именно такого из нескольких сотен мутантов?

— Слушай, Митька, — прошептал я, наклонившись к нему. — Я не помню, чтобы Старейшина что-то говорил об особых условиях для других камней, кроме этого, — я ударил себя в грудь, сморщился.

— Ну, он и обратного не говорил. Может, он и сам не знал?

— Знаешь, что! — прошипел я. — Вот когда сделаем, тогда и узнаем!

Митька погрузился. В этот момент в комнату с подносом, заставленным разного размера посудой, источающей ароматы, вошел улыбающийся Дан.

Отчего он улыбался — от того, что рад познакомить нас с местной оригинальной кухней, или, что слышал прямо или телепатически наш разговор, определить было трудно. Особенно по глазам. По глазам мутанта вообще мне с трудом представлялось что-либо определить.

— Это лучшее блюдо, что я готовлю! — сказал Дан и поставил тяжелый поднос на стол. — Угощайтесь!

Мы с Митькой оба глупо улыбнулись. Я хлопнул в ладоши, сделал заинтересованное лицо.

— Так вкусно пахнет, что я снова захотел есть! Где тут приборы?

* * *

Утром я проснулся в комнате один. Хотя с вечера занимали с Митькой двухместный гостиничный номер. Вообще, удивительно, для кого рассчитаны гостиничные номера в такой реальности? Не для представителя же другой расы, решившим вдруг посетить Город Мутантов в качестве экскурсионно-познавательной цели?

Я встал, сходил в душ, почистил зубы одноразовой щеткой и пастой с мятным вкусом. Эти простые действия, по-моему, пробудили еще какие-то проценты к восстановлению моей памяти. Должны.

Так надо просто проверить. Где там мои показатели?

Я сполоснул щетку, побрызгал на лицо, быстро вытерся мягким пушистым полотенцем и вышел в комнату. Одежда Митьки все еще не было. Я догадался — Митька снова пошел в зеленую комнату, наверняка.

А я дышал нормально, для этого я даже вдохнул полной грудью, проникся ощущениями — нет, все хорошо. Может, я на самом деле не отшельник? Ну, или не совсем отшельник.

Итак,

Локация Большой Лес, Город Мутантов.

Уровень 1. Пробуждение

Основные показатели:

Сила 155 (Уровень 2, Кристалл Силы)

Выносливость 42

Скорость 19

Интеллект 67

Дополнительные показатели:

Дух 43

Память 9

Интуиция 16

Миссия 1: найден Кристалл Света (раса мутант, подвид А (белый))

Фиксация миссии.

Так, миссия зафиксирована.

Что мне дальше делать, как расфиксировать миссию? Просто взять этот кристалл вместе с мутантом? Тогда эта миссия будет закрыта и откроется новая?

Все показатели подросли, пока я ничего не потерял — и слава Богу! Может, это все меня еще ждет впереди? При реальном столкновении с чем? Или с кем?

Я тяжело опустился на свою кровать, загруженный будоражащими мыслями. В этот момент в комнату ввалился Митька — возбужденный, радостный, подпрыгивающий от переизбытка энергии.

— Ник! Ник! Там Дан нас уже ждет!

— Где? — я вскочил с дивана.

Но Митька выбежал в коридор, дверь за ним медленно прикрывалась.

Да что за паника?

Я выскочил следом, но только и заметил мелькнувшую в проеме лестничной площадки спину бывшего ученика. Поспешил за ним, едва не свалившись на повороте — из чего у них пол сделан? Хоть на коньках катайся!

Эхо шагов дробилось между этажами. Куда они побежали? Я повис на перилах, посмотрел вниз — никого, вверх — вот они! Вверху хлопнула дверь.

Перепрыгивая сначала через три, потом через две ступени, я выпал в коридор верхнего этажа. Пытаясь восстановить дыхание, кинул взгляд вправо, влево. Увидел открытые настежь двойные двери, откуда доносились глухие голоса. Так, видимо мне туда, в красный уголок, ну, актовый зал.

Я проскочил эти десять метров стрелой, последние два метра перешел на спокойный, степенный шаг. Вошел в ярко освещенное помещение почти восстановив дыхание. Вау! Кинотеатр, не иначе. Десятка два рядов, сотни мест, но только у трибуны толпа скопилась человек в тридцать. И с трибуны перед ними вещал без микрофона один из мутантов — только его белые, седые волосы растрепаны, как у одуванчика на ветру, лицо красное, руки длинными пальцами порхают в воздухе.

— Я ничего не понимаю! И не принимаю! — кричал он.

Митька с Даном стояли в заднем ряду, единственные были недвижимы.

Я медленно, стараясь не привлекать к себе внимания, шагал к сцене.

Все, не знаю — депутаты или сенаторы, короче, парламентарии, — стояли, размахивали руками, переругивались между собой, что-то друг другу доказывая, объясняя, рассуждая. На сцене, в тени за столиком сидел совершенно убитый Ант. Видимо, он уже успел что-то сказать, чем возбудил всех присутствующих, и теперь сидел, упавши в собственные длиннопалые ладони и лишь тихо что-то беззвучно шептал белыми губами.

— А вы что! — продолжал лохматый оратор. — Верите всему этому бреду?! Это провокация! Самая натуральная!

Чем-то он мне напомнил одного бородатого парня из общины, как его, Кондрат? Везде же есть такие красноречивые, витиеватые оппозиционеры, способные только своими речами, своей импульсивностью переубедить слегка сомневающихся. А таких очень много. И среди этих вот, вполне себе разумных мутантов, возглавляющих это сообщество, тоже такие были. И я почувствовал, как большинство стало переходить в лагерь этого лохматого оратора.

Но тут я, не знаю вообще как, но проявил себя сразу, жестко, ярко, нагло.

Остановившись в нескольких метрах от этой бушующей толпы, даже от Митьки и Дана, встал, очерчивая своим положением свою позицию, достал из-за пазухи полыхающий красным камень и произнес негромко, но четко, по-армейски (и откуда это у меня вдруг появилось?):

— Теперь, господа-товарищи-заседатели, посмотрите сюда, а потом послушайте меня!

Я не знал, не понимал, что произойдет от того, что я вдруг выставлю отчего-то горящий свой камень вот так, на всех.

Только верил, молил, чтобы он — этот магический камень — сделал именно то, что я хотел им показать.

И он не разочаровал меня. Вместе со всем затихшим залом, с Митькой, с Даном, с вскочившим со своего места Антоном, я тоже замер, увидев представшую нам всем, картину.

Снежная пустыня казалась безжизненной. Порывы ветра взвихряли снежную колючую крупу, кидали в лицо, обжигали. Позади зубья горного хребта таяли в снежном пылевом облаке, впереди серая мгла неба сливалась на горизонте с ледяным полем, плоским, как стол. Несмотря на забивающую глаза снежную пургу, не увидеть черный матовый шар, висящий над горизонтом, было невозможно. Для меня он был таким же неуместным в этом унылом, мертвом пейзаже, как заяц на ветке. Но ведь это другой мир, здесь все может быть. Размеры шара невозможно было определить, потому что расстояние до висящего над землей объекта размывалось вьюгой. Изображение его дрожало, рябило, но совершенно ясно было, что он стоит — или висит — на одном месте. Размером он был с луну, но очевидно, что висел он над поверхностью, а не в тысячах километрах. На его фоне и появились вдали пауки. Это я их назвал пауками, потому что они больше всего были на них похожи. Длинные и тонкие, как струны, лапы где-то высоко удерживали овальное шипастое тельце. Лапы, медленно передвигали паука, сгибаясь поочередно во множестве невидимых сочленений. Тельце было таким же матово-черным, как и шар, наверняка и принесший этих неземных монстров на это холодное поле. В первой линии различимы были только десяток созданий, но, прикрыв глаза рукой, за ними угадывались и другие, второй ряд, третий. Ног-спиц видно не было, поэтому они казались летящими под низким небом черными шариками, которые лишь слегка покачивались на пронизывающем ветру. Они двигались упорно, целенаправленно, и очевидно куда: за хребтом был Лес. И они не несли радостные вести.

Эта впечатляющая картина возникла перед нами внезапно, словно в круговом кинотеатре, на миг исчезли стены, сцена, стулья. Мы — отшельники и мутанты — стояли несколько минут в этой встроенной реальности, ощущали холод снежной пустыни, видели бесшумных пауков вдали, слышали свист ветра и колючий снег на лицах.

И мой камень здесь был, как мне думалось, совершенно ни при чем. Не было каких-то лучей из него, как из проектора. Все виртуальное действие возникло будто само собой.

В первый миг я (да и не только я, чего там) даже испугался — меня опять выкинуло в другую реальность, в другое время, в другой мир. Но нет, две минуты демонстраций — и мы вернулись в актовый зал на заседание Совета Города Мутантов. Только совсем другими.

Часть заседателей повалились на кресла переднего ряда, кто-то — единственная женщина — свалилась в обморок прямо у сцены, и над ней заботливо склонились двое мутантов. Ант продолжал стоять на сцене, разведя руки в стороны, глядя безумными глазами в потолок, и так и застыв. Несколько из Совета так же водили обезумевшими глазами по сторонам. Дан первым пришел в себя, двинулся к Анту, вскочил на сцену. Митька смотрел на меня круглыми, как у мутанта, глазами, беззвучно открывал рот, как рыба.

Я опустил руку с камнем, он потух. Я быстро убрал его на место, прикрыл одеждой.

Первым голос подал Ант, прокричал прямо со сцены.

— Что это такое сейчас было?!

Два десятка глаз тут же воткнули в меня свои вопросительные взгляды.

Я молча прошел мимо Митьки, седовласых и не очень мутантов, закрывшую рот ладонями женщину на полу, вспрыгнул на сцену. Оглядел всех скользким взглядом. В зале стало тихо, как в море.

— Это то, — сказал я тихо, — о чем я хотел вас предупредить. Это Зло! Оно уже там, за

горами, высаживает своих воинов-истребителей Леса! И они идут к нам! И миссия их не мирная. Они идут уничтожить наш мир!

Послышались шептания и причитания.

— Что?

— Как он это сделал?

— Да кто он такой вообще?

— Это же лесной! Отшельник!

— Как он сюда попал?

— Хоть кто-то может хоть что-то объяснить?

Ант подошел ко мне, сказал тихо, наклонившись.

— Я не знаю, парень, как ты это сделал. Но это было... просто невозможно!

Потом громче, обращаясь к своим коллегам по Совету.

— Это тот самый человек, который пришел к нам с миссией спасти наш мир!

— Какая миссия? — послышались тревожные голоса. — Кто это? Что мы такое видели?

— Вы должны послушать его! — перебил испуганное бормотание Ант. И обратился ко мне, сделав шаг в сторону. — Говори, Ник. Скажи им все, что знаешь.

— Хорошо, — сказал я, кашлянул в кулак. — Товарищи, господа, земляки. Я не оратор, сразу скажу. Высокопарно и замысловато рассуждать не умею. Скажу просто, как есть. То, что вы видели — реальность. Это то, что происходит сейчас, в эту же самую секунду там. Эти пришельцы из другой реальности вторглись в нашу, они несут разрушение и уничтожение всем нам. И чистым отшельникам, как я, и вам, измененным. И всем прочим расам этого — нашего — мира! И не только людям, но и животным, растениям. Это случилось, и надо принять это как факт: для них нет разницы! Они пришли не воевать, не завоевывать нашу землю. Она им не нужна. Они выкачают ресурсы, которые им нужны там, в своем мире, а остальное, что еще останется — просто уничтожат! Это конец даже не нашей цивилизации, это конец нашей реальности!

Послышались недовольные возгласы.

— Что он несет?

— Да что вообще происходит?

Я поднял руку, останавливая их бормотания.

— Я показал вам нашу реальность! Вы не просто увидели, но и почувствовали! И это происходит сейчас, пока вы тут болтаете о своих бытовых проблемах! Вам мало этой демонстрации? Кто еще может такое сделать? Хотите знать, кто я такой, и как у меня это получилось?

— Да, хотим! — сказали в голос самые смелые.

— Я — Ник. Я призван в ваш мир из другого времени, чтобы спасти вас. Спасти ваш мир. Меня призвал Лес! Он дал мне полномочия, силы и способности, каких нет ни у кого здесь! Вы только что убедились в небольшой части из них. Да, я выгляжу, как обычный отшельник, как чистый. Но дело в том, что меня переместили в тело отшельника. Мой разум, сознание, дух — из другого времени!

В ответ на скептические комментарии, вдруг выступил Митька.

— Это правда! — крикнул он, забегая по ступеням на сцену, вставая рядом со мной. — Я тоже отшельник, как вы видите! И я подтверждаю, что в теле Никифора, моего учителя и друга, сейчас другой человек! И он точно не от мира сего!

Я ткнул его в бок. Митька быстро поправился.

— Он из другого мира, это точно! Таких отшельников у нас не было еще! Я имею ввиду, с такими способностями! И уверен, что и у вас тоже!

Я не был уверен, что пламенная речь Митьки как-то переубедит половину хотя бы мутантов-скептиков. Да и кого могут убедить минутные галлюцинации и ересь, что несут эти лесные колхозники. Что-то именно такое я читал в их глазах. И уже подумал, что нужно искать план Б, как на сцену взошел один из мутантов. Выше других ростом, широк в плечах, мощная челюсть сжата, только желваки играют, брови сдвинуты. Он повернулся к своим соплеменникам, нахмурил брови, прогремел.

— Мы должны его послушать!

Сначала никто ничего не возразил, все отводили глаза, кто-то чесал затылок, женщина же смотрела на него с восхищением, готовая верить каждому слову, идти за ним до конца. И не она одна. Среди мужчин тоже были такие. Только они не так ярко проявляли свои эмоции, но мыслили в том же направлении, это было видно.

— Хотя бы выслушать, — спокойнее продолжил здоровяк. — А потом уже обсуждать. Вы согласны?

Почти все согласились. Кто-то для удобства сел в кресло.

Здоровяк продолжал, повернувшись ко мне и протянув руку.

— Меня зовут Макс. Я Глава Совета.

Я пожал его мало того что большую, но и крепкую ладонь.

— Мы увидели очень сильные способности, — сказал он не без восхищения. — Кто из нас обладает такими? — обратился он к залу. Все промолчали. — Хотя бы одно это дает право сказать этому человеку — Нику — все, что он знает! Я вижу, чувствую, что он не провокатор, не аферист, не лжец! Вы знаете о моих способностях! Поэтому тревога закралась в мое сердце. А мое сердце еще ни разу меня не обманывало. Своему сердцу я доверяю больше, чем любым словам и картинкам.

Вот как он загнул, подумал я, он считает, что я могу вызвать массовую галлюцинацию? Но, тем не менее, он не увидел неправды в этом! У него способности читать мысли?

Ант тронул меня за плечо, я обернулся. Тот молча кивнул.

Так, еще один телепат, тоже читает мысли.

Боже мой, в этом городе суперспособных надо быть начеку. Даже думать надо правильно.

— Рассказывай, Ник, — закончил Макс. — Все, что знаешь!

И я стал рассказывать. О пробуждении, о камне.

То, что знал сам от ЛЕСа, от старика. Не обошлось без вопросов о моем появлении в этом мире. Пришлось и это рассказать. Только о Системе я максимально умалчивал. Кое-что добавлял Ант, услышанное от того же деда Никодима. Что-то вставлял Митька, подтверждая мое «другое» происхождение. В его голосе исчезла ирония, которая была изначально, когда он сравнивал меня и Никифора. Видимо, своим последним шоу с погружением я еще заработал очков в его глазах. Ну, и, естественно, еще больше убедило в том, что я не Никифор.

Когда я выложил перед ними все карты (ну, почти все), мутанты на какое-то время затихли. Я огляделся. Все сидели с озабоченным видом. Макс, Ант, Дан и Митька на сцене позади меня, остальные мутанты в зале.

Макс поднялся, подошел ко мне, положил огромную тяжелую ладонь на плечо.

— Это очень ответственная миссия, Ник.

— Я понимаю, — пожал я плечами. — Но у меня нет выбора.

— Мы это тоже понимаем.

Он сделал круг по сцене, сцепив руки за спиной, похрустывая пальцами. В зале все молчали, не сводя с него глаз. Описав круг, он встал рядом со мной, проговорил.

— У кого есть какие предложения, Совет?

Мутанты, наконец, оживились.

Меня порадовало, что, в основном, все думали, как мне (ну и, вообще-то, всем!) помочь, а не как избавиться. Значит, в главном они согласны и солидарны. Ну, почти все. Кондраты и у мутантов никуда не делись.

Посыпались предложения и конструктивные вопросы.

— Сколько мы сможем без кристалла прожить, кто-то этим вопросом задавался хоть раз?

— Нисколько!

— Надо продолжать искать возможность контакта с Лесом! Мы что, изгой какие-то? Сколько можно это терпеть?

— Надо просто брать — и делать, а не рассуждать!

— Сколько мы пытались? А результат?

— Для завершения работ на ГЭС необходимо еще несколько дней. У нас на следующей неделе запланированы пуско-наладочные работы. Не хватает каких-то мелочей...

— Так устраните эти мелочи! У вас всегда какие-то оправдания!

— Вы в свою кастрюлю смотрите, у вас там тоже не пойми что варится!

— Так! Друзья, коллеги! Попрошу не переходить на личности! Конструктивнее!

— Лично я считаю, не знаю, как другие, но вот лично мое мнение, если оно кому-то интересно...

— Да говорите уже!

— Так вот, извините, я думаю, что надо в кратчайшие сроки запускать станцию.

— Ну, выдал! Это самое очевидное! Мы же без электричества не можем, в смысле — совсем!

— Это все понятно! Что предлагаете?

— А сколько у нас времени, извините?

— У нас времени — вчера! Так понятно?

— Да, вполне. Это я и хотел услышать.

— В общем, так. Работы по запуску переводим в три смены. Все резервы, всех поднять, без отгулов, вызвать из отпусков.

— Вот это правильно, я считаю.

— Ага, а все забыли про выродков? Про киборгов?

— Усилить периметр!

— А что это даст в долгосрочной перспективе? Так и будем отбиваться?

— Правильно! Надо вопрос ставить ребром!

— Полностью согласен! Ребром и по шее, чтобы хрустнуло!

— А вы можете не шутить в такой момент! У нас тут решаются судьбы всего Леса!

— Ой! А вы можете без пафоса?

— Нам бы о себе позаботиться, а потом уже обо всем Лесе думать!

— Особенно учитывая, что этот самый Лес о нас совершенно не думает!

— Вот именно!

— Так! — прервал всеобщий галдеж Макс. — Давайте не отвлекаться! Конкретнее! Что по выродкам, Ант?

Ант встал, вытянулся по-армейски, доложил. Я, наконец, смог сесть, ноги гудели, и в горле першило.

— Набеги участились, — продолжал Ант. — Они стали использовать другие виды оружия. Об этом я докладывал. Предполагается, что их снабжают киборги.

— То есть у них какая-то договоренность?

— По всему выходит, что да. Частично они могли бы при стычках что-то забрать, но массовое снабжение идет только из Техно-Города. У них ведь тоже свой интерес!

— Ты хочешь сказать, что киборги используют выродков, как наемников?

— Вполне такое допускаю. Ведь для них важна известная цель! Они на все ради этого пойдут.

Макс снова описал круг почета, заломив руки за спину. Все молча наблюдали за ним. Вернувшись на прежнюю точку, Макс остановился, вытянулся в струну, глядя суровым взглядом куда-то на люстру, шумно выдохнул и прогремел.

— В общем, так. Охота на наш кристалл продолжается. Рано или поздно, но нам придется с ними столкнуться вплотную. И лучше бы нам к этому бою быть готовыми. Дальше. По станции: запустить в максимально короткие сроки. Обстоятельства изменились. У нас больше нет времени тянуть эту резину дальше. Следующее. Вопрос к Нику. — Он повернулся ко мне, я поднялся. — Кто из нас достоин быть сопровождающим нашему камню?

Вопрос меня изумил. Нет, про свой камень я знаю — он принимает только определенного человека, поэтому меня и сдернули сюда. Но по поводу других камней я не помню, чтобы были какие-то ограничения. Так и сказал.

— Достойного раса должна выбрать сама.

В зале народ опять оживился, загомонили, замахали руками.

Макс обратился к ним.

— Что скажете, Совет? Предложения, рекомендации?

Встал один с бегающим взглядом.

— Я считаю, что этот выбор должен сделать сам народ. Надо выбрать наиболее достойные кандидатуры и выставить на голосование...

— Да вы в своем уме, Фил! Выборы, голосование! Времени нет!

— Но это же демократично, Алекс!

В перепалку вступил Макс.

— Сейчас нет времени, Фил! В этом Алекс прав! Я думаю, что народ поддержит тот выбор, что мы — выбранные народом в Совет — сделаем за него! Итак, ставлю на голосование: кто за то, чтобы Совет сделал выбор... э, представителя от расы для этой миссии?

Руки взметнулись ввысь. Кроме двух — Филя и рядом с ним сидящего. Хотя тот второй тоже, пусть и не сразу, кинув взгляд по сторонам, но поднял руку. Фил посмотрел на него уничтожающе. Так и читалось в его глазах: «предатель!»

— Большинство голосов, — продолжил Макс, — Совет принимает решение, кого направить представителем. Кандидатуры?

Несколько выкрикнули какие-то имена. Другие с ними не согласились. Начался опять всеобщий гомон и спор. В этот момент встал Ант, вышел на середину сцены. Гомон затих.

— Я пойду! — провозгласил он. — Если Совет не против.

— Против! — громче всех крикнула единственная в Совете женщина.

Макс подошел к Анту, посмотрел на него сверху вниз (даже высокого Анта Макс был на голову выше!), спросил, как мне показалось, по-дружески.

— Почему ты, Ант? Почему не Дан? Он меньше достоин?

— Он останется за меня, — сказал Ант. Дан подскочил на месте. — Да, — продолжил Ант. — Ты, как мой заместитель, останешься за меня. Ты справишься, я знаю.

— Но почему? — спросил Дан, разведя руки в стороны и взглядом ища поддержки среди Совета.

— Потому что это мой шанс! — сказал Ант и улыбнулся. — Я давно хотел разобраться с этими всеми уродами! Засиделся я в кресле! Если Совет доверит мне, я не уроню честь своего народа! Ну, да чего я, вы же меня знаете!

Многие из мутантов в зале закивали. Кроме женщины. Она закрыла лицо руками.

— Ты уверен? — спросил Макс. — Я не в том смысле, что не справишься или что народ не поддержит твою кандидатуру, нет, — вторя ему, в зале одобрительно зашумели. — Я сам считаю, что более подходящей кандидатуры и не найти! Но хочу спросить только одно: это добровольное твое решение, сознательное?

— Да, — просто ответил Ант. — Прошу голосовать.

На этот раз руки подняли все, а Фил тянул выше всех. Только один член Совета был против: единственная женщина так и не отняла ладони с длинными, тонкими пальцами от лица.

Решение большинством голосов было принято.

Я, Митька, Ант, Дан — вышли из зала, и тогда пришло само, без требования, сообщение от Системы. Просто отразилось будто на сетчатке глаза.

Уведомление от ЛЕС:

ЛЕС предоставил Вам навык «дистанционное зрение»

Навык позволяет кратковременное присутствие в заданном месте с реализацией эффекта «полное погружение»

Использование данного навыка возможно с периодичностью не чаще раза в 36 часов.

Так вот что это было за представление! Это не камень, это то, что у меня в голове сидит! То есть это мои вновь приобретенные способности!

Через пару секунд, пока мы шли по коридору до лестницы, пришло новое сообщение.

Уведомление от ЛЕС:

Вы использовали навык «дистанционное зрение»

Ваши показатели улучшились:

Интеллект 10

Дух 5

Память 1

Вы потратили:

Сила 10

Отлично! Получается, что Система использовала силу камня, чтобы я смог воспользоваться своими новообретенными способностями.

Но отсюда возникает другой вопрос: я могу использовать этот навык в своих интересах? То есть, понятно, что используя силу камня, но вообще, в принципе?

Мы спустились по лестнице молча.

У Анта выражение лица было одухотворенное, он избавлялся от канцелярской рутины, обретал, наконец, давно ожидаемое задание, цель, задачу. И он уже вспоминал все свои прошлые навыки, планировал общую стратегию и конкретные тактические шаги. В голове его многие вещи еще перемешивались, смущала сама идея, глобальная цель, стоящая перед ним, перед нами всеми. Но уверенность в своих силах буквально пылала в его глазах. Он был готов на подвиги.

Рыцарь, блин.

Дан сохранял спокойное, уравновешенное состояние. Внутри, наверняка, бушевало море огня, но он тщательно это скрывал. Только незаметно скинутая пальцем со лба капля пота выдавала его истинное состояние.

Митька был в ужасе. Он ничего не скрывал. Кидал на меня испуганные, вопросительные взгляды, но я кивал, мол, все хорошо, все под контролем, все будет хорошо. Он на какое-то время успокаивался, но потом, накрутив в голове черте что, снова бегал безумными глазами по сторонам, ища понимания и объяснения.

Ничего, Митька. Потерпи. Все будет хорошо.

Словно слыша мои мысли, Митька ненадолго успокаивался.

Мы вышли на улицу. Остановились у машины.

Солнце катилось к закату. На площади почти никого не было. Небо, которого здесь было непривычно много, темнело. Птицы не летали. Музыка не было слышно. Только с завода текли кислотные запахи, и что-то там глухо, но монотонно металлически стучало.

Ант окинул нас хмурым взглядом, произнес глухо.

— Ну что, друзья, дальше делаем?

— Как что, все по плану, — сказал я, пожав плечами.

— А какой план? — спросил Митька, подрагивая от нетерпения и закрывая рот платком, отчего его голос звучал глухо.

— Когда мы возьмем кристалл, — спросил Ант, — нам нужно будет двигаться туда, на север, в Белый Лес?

Я честно ответил.

— Я пока не знаю. Скорей всего мне дадут подсказку для следующего камня. Как и было с вашим.

— А кто даст? — спросил Дан.

Я молча указал пальцем в небо. И ведь почти не ошибся.

Дан проследил за моим движением, потом понимающе кивнул.

— Это называется «глас Божий»?

— Что-то вроде этого, — ответил я уклончиво.

Если они живут в этом времени, и ничего не подозревают о вездесущей Системе ЛЕС, то уж не мне им это объяснять. Или не сейчас.

В разговор вступил Ант.

— Я вынужден это сказать. Мы не можем пока ничего конкретного делать, потому что Совет должен принять решения.

— И как долго нам их ждать?

— Думаю, дня два, не больше. Мы не можем просто пойти сейчас и отключить камень от реактора. Во-первых, для этого нужно время. Во-вторых, нам сначала нужно запустить ГЭС, и переключиться на нее.

Митька отвернулся, закашлялся в кулак.

Когда он затих, Ант продолжил.

— В обычных обстоятельствах мы бы не спешили, тянули бы еще полгода. Но сейчас. Все изменилось. Я сам приложу все усилия, чтобы наши парни — инженеры, мастера, слесаря — сделали это как можно быстрее. Как мы уже говорили, работать будем в три смены. Я же понимаю, что время идет, что эти... монстры, которых ты нам показал, уже здесь. Дорога каждая минута.

— А нам-то что делать? — спросил Митька, косясь на заводскую трубу и бледнея на глазах.

Я посмотрел на него, на мутантов, на завод.

Два дня. Еще два дня, чтобы им подготовиться.

Как-то все не так происходит, как виделось изначально. Думал, вот пришла задача, выдали цель, и мы рванули выполнять миссию. С ходу возьмем один камень, потом найдем второй, будем биться с толпами орков и гоблинов, отбивая очередной камень. Липкими от крови пальцами будем складывать эти магические кристаллы в один мешок, с которым и пойдем всей толпой на Север, за широкие реки, за высокие горы в тридевятое царство. И вот

там как встанем в цепь каждый со своим камнем, как пальнем в этот черный шар — тот вдребезги! Мы все в пыли, стоим, победители! Герои! Мир спасли!

— Ник! Ник! — толкал меня в плечо Митька. — Ты чего заснул?

— Нет, так, размечтался. Ну, так в чем загвоздка? Вы два дня перестраиваете свою энергетику, мы пока вернемся. У нас там тоже дела еще остались. А потом, как вы будете готовы, мы придем, возьмем камень и — дальше по плану, который мне сверху спустят по вертикали власти.

Я опять указал в небо.

Ант и Дан одновременно кивнули.

Митька смотрел на меня с одной стороны с благодарностью, что наконец-то из вонючего города уходим, а с другой с сомнением. Мол, а чего тащились? Уходим с пустом?

— Ну, тогда мы пошли? — спросил я.

— Так, может, вас отвезти? — предложил Ант. — Дан может с вами съездить, до самого поселка довезет? Вон на той машине.

Он показал на огромный, обвешенный трубами и щитами грузовик-броневик.

— Останется с вами там, я ему оставлю рацию, как только будем готовы, дадим сигнал. У вас найдется одно место разместить нашего сотрудника?

— Конечно, найдется! — сказал я.

— Нет! — вдруг вскрикнул Митька, покраснел. — Я не думаю, что это хорошая идея.

— В чем дело, Митька?

— Ну, — стал мямлить Митька. — Неужели же не понятно? Ну, мы с Ником, вроде как не боимся заразиться, ну и все прочее, а вот только у нас, знаете ли, есть такие, что прям очень боятся! Не думаю, что наши захотят, чтобы мутант два дня у нас жил. В общем, извините.

— Да ты чего, Митька! — сказал Ант. — Не надо извиняться. Все мы понимаем. Хотел, как лучше.

Он повернулся ко мне, достал из-за пояса небольшую коробочку с хвостиком, протянул мне.

— Это рация. Вот здесь кнопка вызова, вот так просто нажимаешь, говоришь: «Ант, это Ник, прием», и ждешь, когда я отвечу. Все просто. Понял?

Я осмотрел приборчик, нажал кнопку, подергал проводок.

— Как это работает?

— Это радиостанция, у нас антенна на трубе установлена, на расстояние до двадцати километров работает нормально. Надеюсь, что и у вас сработает. Вы же недалеко от нас?

— Полдня пути, — сказал Митька.

— Ну, я так и понял, — ответил Ант, продолжил. — Во время пути можете проверять, как работает, на всякий случай.

— Подожди, — сказал я. Что-то мне в этом предмете было знакомо. Сталкивался я с ним раньше? В памяти смутно всплывали контуры похожих предметов. Ведь я же вспомнил о телефоне. Но это была частичная память. Я помнил только, что у меня был телефон и он дорого стоил. Вот и все. Причем, ключевое слово здесь было, скорее всего, дорогой. Как же выглядел этот самый «телефон» — я так и не вспомнил.

То же сейчас было и с этим аппаратом, называемым рацией. Слово вспомнил, а что оно означает — нет.

Черт возьми, как это бесит.

— Ну, Ник? — спросил Ант. — Мы едем?

Митька снова закашлял, согнувшись пополам.

— Да, поехали. И поскорее. А то мой друг совсем плох.

Мы сели в машину, неслышно она тронулась, набрала скорость. По кольцу объехали площадь. Я успел зацепить взглядом за высоким забором огромное пространство воды — пруд. За ним стеной вставал Лес, гигантский, бесконечный, всемогущий. Потом мы скатились с горки, и, кроме высокого бетонного забора, осталось только серое темнеющее небо.

Так ли уж мне хотелось вернуться в Лес?

Я так не думаю. По спине пробежал холодок от мысли, что нам снова нужно будет туда попасть. За бетонными стенами казалось безопаснее.

И привычнее для меня.

Но выхода не было.

Тем более, что там, в общине, тоже не все было хорошо. Это связано с Захарием. Что там происходит? Как я узнал об этом?

Кто-то или что-то шепнули мне об этом.

Это было какое-то новое ощущение, подсознательное. Словно кто-то шептал из другого угла, как на приеме у отоларинголога, а мне необходимо было максимально сосредоточиться, чтобы услышать. И самое скверное, что об этом шепоте никто заранее не предупреждает. Сколько я таких сообщений мог прослушать?

Машина остановилась у выхода в Лес.

Мы вышли.

— Не забудь, — напомнил Ант, когда мы стояли у опускающихся со скрежетом ворот. — Через каждые полчаса, э, ну ладно, через каждые пятьсот метров включай связь. Наши аккумуляторы проработают месяц, на этот счет не переживай.

— Хорошо, — сказал я, хотя смутно догадывался, о чем он говорил.

Митька снова закашлял.

— Может тебе меду съесть, а, Митька? — спросил я. — Он же очень полезный!

— Нет, — ответил он, отхаркиваясь. — Нам надо в Лес, быстрее.

— Хорошо, Митька, мы идем, — и обращаясь к Анту и Дану. — Ну, все, ребята, нам пора, пока мой друг не задохнулся от вашего гостеприимства.

— Да я все понимаю, Ник, — ответил Ант. — Давайте, до связи.

И мы заторопились — Митька почти побежал — за периметр.

Преодолев полосу отчуждения, углубившись на несколько метров в Большой Лес, я обернулся. Часть стены, плита, которая служила им еще и подъемными воротами, уже поднималась вверх. Металлического скрежета отсюда слышно почти не было. Но я старался запомнить этот звук. У отшельников этого не было. И почему-то на меня это действовало угнетающе, словно мне не хватало этих металлических звуков, кислотных запахов, серых бетонных стен. Да и вообще, близкой мне цивилизации.

Митьку я нашел чуть дальше у ствола огромной березы. Он стоял, обхватывая рельефную башню, уходящую в небо.

— Лес! — шептал он замороженно, прикрыв глаза, рот растянут в умильной улыбке. — Как мне тебя не хватало!

— Ну, я вижу тебе полегчало! — сказал я.

Митька оторвался от дерева, обернулся. Чудо какое-то: минуты не прошло, как мы в

Лесу, а мой напарник цветет и пахнет!

— Воздух-то какой! — сказал он, вдыхая полной грудью.

В открытом небу Городе смеркалось, а в Лесу темнота проступала из всех уголков еще отчетливей. Скоро совсем стемнеет.

— Может, поторопимся? — спросил я. — Раз уж тебе полегче стало.

— Да, да, — засуетился Митька. — До ночи бы успеть.

— Вот именно. Я темноту не люблю.

— Дело даже не в темноте. Ночью другие звери просыпаются, растения хищные оживают. Я-то привычный, а ты, боюсь, вляпаешься куда-нибудь.

Вот те раз! Забеспокоился обо мне. Или напугать решил?

В любом случае, лучше к нему прислушаться, и ни шагу в сторону!

— Пойдем другой дорогой, короче, — сказал Митька, поправил мешок на спине, двинулся через траву. — Только там парочка мест нехороших, но мы пройдем, если аккуратно. И если ты будешь слушать меня!

— Слушаю и повинуюсь, — ответил я, шагая за ним, стараясь след в след.

Мы не стали огибать пруд, как шли сюда, а сразу углубились в Лес.

Первые полчаса дорога была знакома — высокая трава, деревья, земля чуть влажная, но без особых преград мы пробивали себе путь. Потом дорога стала резко опускаться вниз. Мы, держась за траву и кусты, заскользили в глубокий овраг. Деревья сменились большими колючими кустами. Земля стала сырой, небо над нами как-то быстро потемнело, все вокруг стало серым, запахло плесенью.

Внизу оврага под ногами стал пружинить мох. Мы двинулись по дну оврага. Можно было идти подпрыгивая, шаг увеличился. В голове вдруг возникла черно-белая картинка из телевизора: безжизненный ландшафт, черное небо, два астронавта неуклюже прыгают по поверхности, взметая облачка пыли.

Я подумал, что память небольшими вот такими картинками возвращается ко мне. Вот только сама или это Система помогает каким-то образом оживлять нейроны в мозгу? Спросить — так не ответит же.

В очередной раз, уже привычно подпрыгнув на очередной моховой кочке следом за Митькой, я прорвал верхнюю оболочку и чуть не по самые помидоры ухнул в пропасть. Но как? Митька только что по ней прыгнул! Или я тяжелее на десяток килограмм, или прыгнул повыше?

Короче, ухнул. Под ногой в яме почувствовал что-то мягкое, живое, оно вывернулось из-под моей ступни, взвизгнуло, по ноге еще кто-то пробежал. Я стал судорожно вытаскивать ногу, пока ее там очередные ползуны или выюны не ухватили и не утащили под моховое одеяло. Лег на спину, потянул ногу, вытащил, тяжело выдохнул, вытер пот со лба. Над головой среди пушистых ветвей промелькнул кусочек серого неба с одной маленькой звездочкой.

Митька ускакал вперед, даже не услышал, как я застрял. Я крикнул ему вслед. Через минуту где-то впереди затрещали кусты, Митька возвращался.

— Ты чего? — спросил он.

— Провалился. Ну и передохнуть сел.

Митька осмотрел дыру, оставленную моей ногой, отшатнулся.

— Ох ты ж! — вскрикнул он. — Ты прямо в гнездо встал!

— И чего? — не понял я, поднимаясь.

— Чего-чего! — передразнил он. — Сматываться надо поскорей! Сейчас они соберутся всей стаей, вылезут искать обидчика!

Я смотрел на Митьку, решая, он правду говорит, или опять решил меня проучить?

Попытался пояснить произошедшее.

— Митька, они там перепугались все, разбежались. Скорей всего это какие-то хомяки, или кроты, не знаю.

— Вот! — включил Митька наставительный тон. — Не знаешь, а говоришь! Это краксы! И не какие не хомячки!

Я поднялся, отряхнул прилипшие к штанам ветки и мох.

— Опять ты загадками говоришь, Митька. Поясни, кто такие эти краксы? Очередные мутированные формы растений или животных?

— Это черви! Давай быстрее отсюда, они могут вылезти из любого места — ногу оттяпают только так!

— Черви ногу оттяпают? Чего ты такое говоришь!

Но Митька уже прыгал, хотя и не так высоко. Я запрыгал за ним.

Прыгая, Митька продолжал.

— Они потому так и называются, что грызут все что можно! Да еще и с таким звуком «кракс-кракс». Поэтому мы их так и назвали!

Я спросил.

— Они что, и железное дерево грызут?

Митька остановился перевести дух, обернулся.

— Да они даже камни грызут! — он замотал головой, вздохнул тяжело. — И когда же ты осторожнее станешь? Ты не в Городе, ты в Лесу! А он живой и опасный!

Я решил оправдаться.

— Да что ты, как с маленьким! Я все делал, как ты — прыгал след в след!

— Ну, значит не так прыгнул! Никифор же прыгал и ни разу не провалился! А у тебя всё через пень колода!

— Да причем здесь твоя колода! — возмутился я, хотя и понимал, что зря. — И вообще, я не Никифор, если ты не забыл!

Митька посмотрел на меня с сомнением.

— Вообще-то, тело у тебя Никифора, если ты забыл.

Я махнул на него рукой. Учитель тоже нашелся. Понимаю, что сам виноват. И сколько мне еще времени понадобится, чтобы стать настоящим Никифором?

Я вспомнил про рацию.

Ушли мы не далеко, но из оврага будет связь, я не знал. Надо проверить.

Я стал шарить по поясу, заглянул в мешок, всего себя ощупал — нет рации!

Митька в это время внимательно глядел по сторонам, шикал на меня, чтобы я не шуршал.

— Что такое? — спросил я, прекратив свою возню.

— Кажется, здесь кто-то есть, — сказал Митька, пристально вглядываясь в дальние кусты, чернеющие в опускающихся сумерках. — Или что-то.

— Митька, — сказал я тихо. — Я рацию потерял. Наверное, там, где провалился.

Митька кинул на меня удивленно-возмущенный взгляд.

Я пожал плечами, глупо улыбаясь.

Митька не стал меня ругать, поучать, сказал только.

— Стой здесь. Тихо. Никуда не ходи. Не шурши. Не дыши.

— Ладно, — ответил я.

Митька еще раз внимательно посмотрел по сторонам, прислушался и неимоверно, будто по воздуху, ускользнул, утонув в полумраке.

В жуткой тишине я не слышал его шагов.

Но услышал другие звуки: дыхание-не дыхание, треск веток или травы, а, может, вообще легкий плеск ручья где-то вдали. Показалось?

Я стал судорожно оглядываться на посторонние шумы, возникающие то справа, то слева. Водил копьём во все стороны.

Ну, где же Митька! Черт бы побрал эту рацию и мою неуклюжесть!

Слева снова что-то хрустнуло. Я даже присел, пытаюсь максимально спрятаться за травой, только копьё выставил наверх, думая, что, если кто прыгнет из кустов, то первым делом напорется на острие.

Но нападение произошло оттуда, откуда я даже и не ждал.

Я только ощутил удар по затылку — сильный, неожиданный.

Сознание вылетело из меня быстрее, чем копьё из разжатой руки.

Как я упал мордой в мох — я уже не помнил.

Затылок словно выпал, и мозги вытекали через отверстие тонкой струйкой. Боль не была всеобъемлющей, но затылок ломило от терпимой, но сильной боли. Чем меня шарахнули, интересно? Камнем, дубиной, прикладом? Вот сейчас открою глаза и определю.

Тело было упаковано, как личинка, даже голову стянули жгутами. Только и мог, что глазами крутить. Горизонтально покачивало. Из этого сделал вывод, что меня несли на каких-то носилках, причем, следует добавить, аккуратно. Берегли. Но для чего? Надеюсь, что не для сатанинского ритуала сжигания на костре или выпуска крови.

Осторожно приоткрыл один глаз, осмотрелся. Сверху плыли разлапистые ветви деревьев, по бокам кусты с крупными плодами — вишня или облепиха какая-нибудь — в полумраке трудно определить. Перевел взгляд на несущего носилки сзади. Коренастый парень в накрытом по самый рот капюшоном. Он то и дело отпускал одну руку и отмахивался от каких-то насекомых, отчего импровизированные носилки клонило набок, и, если бы я не был к ним плотно привязанным, то давно уже вывалился. Идущий спереди, видимо, в очередной раз на него хрипло прикрикнул.

— Ну, ты чего там опять, дубина!

— Да чего! — отозвался сзади идущий. — Мошкара болотная заела! Я что виноват что ли!

— А я тебе что говорил? — сказал впередиидущий, обернувшись к нему. — Маску надо было надеть! Не на прогулку же вышел! Дубина и есть. — заключил он.

— Да пошел ты! — отозвался дубина.

Сбоку донесся еще один голос, третий. Совершенно простуженный, басовитый. Или прокуренный.

— Заткнулись оба, придурки.

Я понял, что у этих ребят это было нормальное общение. Ну, как в армии. Только что без мата. Пока. Хотя и не факт. Может, это Система специально трансформировала их язык на нормальный.

Почему я вдруг вспомнил армию? Что тут у меня вызвало эти ассоциации?

Не успел я додумать, как ноги мои упали, раздался взвизгнувший крик Дубины.

— Все! Я больше не могу! Давай перерыв, командир!

— Ты чего, жабоед! — раздалось гневное спереди. — Предупредить не мог?

И тоже бросил свою часть носилок. Я предупредительно сгруппировался, иначе снова бы шмякнулся башкой об пол.

— Спокойно, Кувалда, — сказал бас сбоку. — Без интонаций!

Уже ближе продолжил.

— Ты чего, Дубина, устал?

— Нет! — взвизгнул Дубина. — Мошка заела, я же говорю!

— Возьми маску, бестолочь! — пробасил командир.

Я лежал, прикрыв глаза. Но по звукам понял, что командир чем-то зашуршал, бурча себе под нос. После этого зашелестело где-то сзади, повизгивая тихо. После этого бас командира произнес как-то слишком спокойно.

— Ну, все, готов? Можем продолжать?

— А попить можно? — проскрипел Дубина. — В горле пересохло.

Тот, что тащил меня спереди, Кувалда, не выдержал, гаркнул на весь Лес.

— Я те щас дам попить, жабоед!

Командир осадил его так же спокойно.

— Не надо, Кувалда. Дай ему попить. Вот дойдем до места, там разберемся. Пей. Дубина, да побыстрей! Уже стемнело.

Послышались жадные глотки, плеск воды, кашель.

И снова Кувалда:

— Ну, ты урод, Дубина! Половину разлил!

— Спокойно, Кувалда, — сказал командир. — Напился, Дубина? Хорошо. Взял носилки и вперед. Пошевеливайся!

Последнее слово он, не сдерживаясь, выкрикнул. Причем, получилось, как «пошлейся!», как сокращенная армейская команда.

Мое положение быстро приняло полувлетающее горизонтальное положение, причем сзади быстрее, чем спереди, отчего я чуть не съехал головой вперед. Хорошо, что веревки удержали.

Пошли быстрее, будто Дубине дали не простой воды, а энергетика.

Даже Кувалда стал бормотать что-то негромко, мол, не гони, не напирай, дороги не вижу, жабоед. Ну, и все в таком духе.

Командир шуршал где-то сбоку, сбивая секущими ударами траву. Нет, чтоб спереди идти. Но, по всему, тропа была свежая, они возвращались по пути, который проходили до этого. Значит, шли с целью вернуться обратно по тому же пути.

Это что значит? Шли изначально за мной?

А где Митька?

Я приподнял чутка голову, посмотрел назад. Нет, Митьку не несли на носилках. Он остался там, в овраге. Я был здесь один.

Где камень? Где кристалл?

Руки плотно привязаны вдоль туловища, не пощупать.

Тело покачивалось, но камень на груди я не ощущал. Неужели сорвали?

И что теперь?! Все! Конец миссии!? Что, кто я без главного камня?!!!

Я от этих мыслей совершенно обессилел, ослаб, потух.

Все пошло прахом.

И по моей же глупости!

Видимо я что-то вскрикнул от негодования, потому что командир слева рывкнул:

— Стоять!

Бойцы — Дубина и Кувалда — вмиг замерли, как вкопанные. Хороша же у них дисциплина.

Я насторожился, снова притворился бессознательным. Чесночный запах приблизился. Я невольно зажмурился. Видимо, слишком явно, потому что командир продышал прямо в нос.

— Он очнулся. Дубина, сделай ему кляп, быстро!

Носилки упали, через миг, когда решился приоткрыть глаза, тряпка уже втискивалась мне в рот и подвязывалась вокруг головы. Только и успел я, что промычать, но толку.

Глаза широко раскрылись, и я, наконец, уже не скрываясь, разглядел всех троих.

Выродков.

Даже под их сетчатыми масками это было понятно.

Ну, я влип!

Слева был командир, продолжающий дышать на меня чесноком. Широколицый, с крупными брезневскими бровями, черными глазами, холодный блеск которых даже маска не могла скрыть. Они не то чтобы ненавидели меня, эти глаза, скорее разглядывали с любопытством.

Задрал голову — там стоял Кувалда. Снизу что-то разглядеть в его лице было невозможно. Только и обратили на себя внимание необъятные шириной плечи, непропорциональные даже его небольшому природному росту. И сложенные в замок на груди мощные руки.

Дубина был типичным аутсайдером, по крайней мере в этой группе. Самый щедушный, мелкий, тонкорукий, с бегающим под маской блестящими маленькими узко посаженными глазками. Его я возненавидел больше других. Мерзкий тип.

Командир не дал мне долго размышлять, поднялся и скомандовал.

— Пошли, ребятки, быстро! Голова ждет. И темнеет. Как бы не нарваться на пронырок! Они уже вышли на охоту!

— Елки-копалки! — вскрикнул Дубина. — Давайте быстрее! Ну, Кувалда! Давай! Я лично не хочу снова с ними встречаться!

— Ха! — усмехнулся Кувалда, неспеша взялся за поручни со своей стороны. — Какой же ты все-таки ссыкун, Дубина!

— Ага, ссыкун! Ты хоть раз с ними встречался, а?!

Кувалда ответил не сразу. Меня серьезно потряхивало от набранного выродками темпа. Я даже стал переживать, не развяжутся ли их перевязи, и не вывалюсь ли по дороге. Эти два спорщика, мне кажется, даже не заметят, что носилки полегчают на семьдесят кило.

Наконец, Кувалда, делая широкий шаг через яму, буркнул через плечо.

— Я этих пронырок на копьё по три шгуки насаживал, Дубина! Чтоб ты знал!

— Ага, как же! — тут же проскрипел Дубина. — Рассказывай мне сейчас сказки! Сказочник! Трепло!

Носилки резко остановились. Дубина, что шел сзади не успел отреагировать, споткнулся, уронил носилки, завалился на меня, больно ударив лохматым твердым лбом по бедру. Вскочил, но незаметным, быстрым ударом вынырнувшего из темноты Леса командира, был отправлен в нокаут. Только кусты зашуршали и белые пятки стертых башмаков промелькнули в воздухе. Голос его глухо раздался через несколько секунд из глубины растения.

— Да вы чего! Я же так, в шутку, для поддержания разговора! Ну?

В этот миг я решил посмотреть, что же из себя представляют эти люди. Больше всех меня интересовал командир.

Объект: человекоподобный

Раса: мутант, подвид В (черный)

Уровень: 3

Основные показатели:

Сила 79

Выносливость 50

Интеллект 65

Красный цвет означал врага.

И враг этот был достойным: третий уровень! И показатели приличные. Особенно меня впечатлил интеллект объекта.

Враги-выродки взяли меня в плен. Ничего хорошего из этого не следовало. Не убили сразу, значит, я им нужен. К какому-то Голове меня тащат. Кто это у них, главарь? И где у них база?

Я попробовал пошевелить руками, ногами. Бесплезно. Скрутили на славу! Не пожалели ни веревок, ни сил.

Так, стоп!

Я же могу узнать свои параметры! Чтобы понять, со мной камень или нет?

Насколько это было возможно, я потряхнул головой.

Получилось!

Локация Большой Лес.

Уровень 1.

Основные показатели:

Сила 135 (Уровень 2, Кристалл Силы)

Выносливость 40

Скорость 19

Интеллект 77

Дополнительные показатели:

Дух 48

Память 10

Интуиция 19

Миссия 1: Кристалл Света (раса мутант, подвид А (белый))

Лимит выполнения 72 часа.

Так, в силе я потерял, но немного, если учитывать, что десять ушло на виртуальную короткометражку. Уровень остался в ней прежний, значит камень при мне! Не смогли найти? Вряд ли. Значит, не придали значения — ну, амулет, как амулет, камень. У них, наверняка, тоже какие-нибудь побрякушки на шее висят.

Что еще интересного заметил. Миссия зафиксировалась, но появился лимит времени. Значит, на выполнение этой миссии у меня трое суток? А что будет потом?

И как мне сейчас с этим разбираться, когда меня взяли в плен, и хрен знает, что сделают!

Гадать сейчас бессмысленно — в клетку посадят, в яму, съедят всего или частями, опыты какие-нибудь...

Надеюсь, что нет.

Нет, не так. Чувствую, что нет! Что для чего-то я нужен главарю их банды Голове.

Что ж, посмотрим.

А там уж и решим, как действовать. Будем решать проблемы по мере их поступления.

Мы продолжали идти.

Точнее, я продолжал плыть лицом вверх, глядя как темнеет небо, мелькающее заплатами на фоне густых веток. Иногда потряхивало, когда выродки перелезали через валежник, выпуклые корни или перескакивая канавы. Один раз Кувалда, видимо, вляпался сослепу в крапиву, заорал благим матом. Командир его быстро заткнул, да еще пинка под зад

дал, чтобы лучше смотрел. Дубина тихо ржал в сторонке. Через пару минут путь продолжился.

Меня начало укачивать.

И тут деревья по сторонам окрасились красным.

Мы спустились со склона, вышли на большую поляну. Я успел заметить посреди нее большой костер.

Меня положили в траву. От костра тянуло теплом, свет пламени играл на крайних ветках.

— Стойте здесь, — сказал командир. — Я доложу Голове.

Шаги его удалились. Мои носильщики шумно сели, где стояли, в траву.

Недалеко слышались множество разных голосов: мужские, женские, детские. Крики, ругань, плач. Что-то звенело, будто черпаком мешали варево в большом котле. Потянуло какой-то едой.

— Черт! — тут же среагировал Дубина. — Жрать охота!

— Мне тоже охота, — отозвался Кувалда. — Сейчас Топор вернется, скажет, что делать, тогда и пожрать сходим.

— Может, я сгоняю по-быстрому? — не отставал Дубина.

— Нет! — рявкнул Кувалда.

— Ну, тогда дай хоть воды попить!

— Нету воды! Свою выпил, сиди, терпи, жабоед!

— Ну и сволочь же ты, Кувалда, хоть и здоровый.

Кувалда ничего ему больше не сказал.

У меня у самого во рту пересохло. Еще этот кляп дурацкий. Дышать мешал. Я замычал, крутя головой.

Дубина откликнулся.

— Чего ему надо, Кувалда?

— Откуда я знаю. Сказать чего-то хочет.

— Давай достанем кляп, послушаем?

— Я тебе достану! Я тебе послушаю! Сказано — не трогать, значит, не трогай! Придет Топор — пусть он с этим выродком решает.

— Просто интересно, — не унимался Дубина. — Что в нем такого особенного, раз мы его вычисляли два дня и тащили через весь лес?

— Значит, это особенный выродок, вот и все! — отозвался Кувалда, потом, пресекая дальнейшие разговоры, гаркнул. — И вообще, заткнулся бы ты, жабоед, этому выродку совсем не обязательно слышать лишнее! Понял?

Дубина заткнулся.

Я же иронично подумал, что вот они нас называют выродками. Они для нас выродки, мы для них. Интересно, получается. Другой вопрос: мы знаем, как себя называем — отшельники, чистые, мутанты, новые люди. А вот они как себя называют, кем считают? В интерпретации ЛЕСа — они мутанты типа В. То есть они те же мутанты, только другого типа? То есть они тоже изменившиеся, только, как и насколько? Ну, по виду понятно. Изменились не в лучшую сторону. А в остальном?

Побыстрей бы с их начальником-вождем пообщаться. Судя по разговорам простых выродков — не такие уж они и неандертальцы, какими казались в первую встречу. Скорее, какая-то банда, и имена у них — или клички — как раз об этом говорят.

Тут как раз вернулся командир Топор.

Он осмотрел меня с головы до ног, прогудел.

— Развяжите его. Руки только оставьте за спиной. И кляп можно достать. — Он приблизился, посмотрел мне в глаза, обдав чесночно-пивным запахом. Поддать успел? — Орать будешь, никто не услышит. Только проныр привлечешь, а они и тебе не понравятся, сам знаешь.

Выродки засуетились, быстро развязали, вынули мокрый кляп, подняли на ноги. Заметил, что силы у них в руках нехилые, даже у щедедушного на вид Дубины.

— За мной, — сказал Топор, пошел вперед.

Я отплеваться не успел от грязной тряпки, как в спину толкнули.

— Давай, вперед иди.

— Может, воды глоток дадите, а? — спросил я, окидывая взглядом всех троих.

Топор, обернувшись, кивнул Кувалде. Тот нехотя достал из-за пояса деревянную фляжку, протянул, потом понял, что руки у меня связаны за спиной, хмыкнул.

— Только не облизывай, — пробурчал он. — И слюни не пускай.

Я кивнул, задрал голову, Кувалда наклонил фляжку надо мной. Я ловко поймал струю ртом на расстоянии. Успел сделать пару жадных глотков.

Фляжку Кувалда убрал.

— Ну, хватит, я тебе что? — крикнул он, все равно брезгливо вытер ладонью горлышко.

Я улыбнулся в ответ, сказал максимально миролюбиво.

— Спасибо большое.

Кувалда молча отвернулся, неловко засовывая фляжку за пояс.

Дубина хихикнул слева.

Мы пошли дальше, огибая большой костер.

Теперь у меня была возможность рассмотреть стоянку выродков. Именно это слово первым пришло на ум. Как у цыган. Только лошадей ржущих не было и телег. А были небольшие, человек на шесть-восемь, палатки, собранные непонятно из чего — тряпок, шкур. Мы обошли большой костер, вокруг которого палатки и были кругом расставлены, но у каждой второй еще был свой небольшой костерок у входа с рогатинами и котелком, висящим над ним. Ужин готовили. Запахи от приготовления пищи шли так себе. Кротов они там готовили что ли, или этих, ползунов. Короче, гадостно пахло. Не аппетитно.

Несколько выродков выглядывали из палаток испуганно-ненавидящими глазами. Крики в лагере стихли, дети перестали орать, взрослые ругаться. Это меня так встречали. Выродка.

Палатка главного выродка была самая большая, шкуры на ней самые светлые, у входа стоял вооруженный огромным топором-молотом выродок с меня ростом, но шире раза в два. Из-под кустистых тяжелых бровей блестели маленькие черные, как у крысы, глазки. Он молча проводил меня взглядом, пока полог входа не скрыл меня внутри.

Со мной зашел только Топор.

Посреди просторной палатки горел небольшой костер, обложенный камнями. Котелка над ним не было. По кругу от костра лежали пушистые шкуры, на них сидели шесть старых выродков. Одеты в тяжелые густые шкуры, со странными высокими шапками на головах, в руках они перебирали то ли четки, то ли просто какие-то камушки. По центру в импровизированном кресле-троне сидел гаварь этого табора, князь. Белые шкуры скрывали каркас трона, справа и слева от него, прижавшись к подлокотникам, возлежали две полуголые выродки-красотки. Ну, как же цыганскому барону без убажжающих его красоток?

Прямо, классика!

Сам барон совершенно не был вырожденком! Прямо разительно отличался даже от этих престарелых неандертальцев, расположившихся на шкурах. Они были явно черными. Но сам барон был белым! Он даже не был худым мутантом с выпуклыми глазами. Он был нормальным человеком, чистым, как я, как отшельники в моей общине!

Тем временем, Кувалда склонил голову, произнес.

— Князь, вот тот самый вырожденек.

— С камнем? — спросил тихий, сухой голос.

Толстые пальцы содрали у меня с груди одежду, не касаясь камня. Я кинул взгляд вниз, камень слегка светил красным изнутри.

— Отлично! — произнес князь и медленно поднялся с трона.

Красавицы отвалились от него, спрятались за креслом. Старцы забубнили между собой, голоса тревожные, взгляды испуганные.

— Отлично, — повторил князь. — Как тебя зовут, воин?

— Меня зовут Ник, — сказал я и продолжил, заглушая бурчание стариков. — С кем имею честь? Это, во-первых. А, во-вторых, какого хрена?

Меня с князем разделял костер. Я был связан, у него на лице играла тонкогубая ухмылка, но острый взгляд сверли меня насквозь.

— Ник, — повторил он. — А полное имя какое?

— А тебе какая разница? — сказал я. — Ты кто такой?

Старики недовольно забурчали.

— Никифор Иваныч! — сказал князь, подошел вплотную к костру. — Как же я тебя сразу не узнал! Признаюсь, не ожидал, не ожидал.

Я выпучил на него глаза. Он знает Никифора?

Очень интересно...

— Признаться, — сказал князь. — Я рассчитывал встретить своего старого друга Никодима.

В глазах его плясали красные огоньки, отраженные от костра.

В отличие от остальных выроdkов, князь был со мной одного роста. Скуластое лицо было чисто выбрито, черные с сединой волосы спадали на широкие плечи, затеняли глубоко посаженные глазки. В ухе блестела серьга. В левой руке он держал четки, медленно перебирал гладкие камушки узловатыми пальцами.

— А я рассчитывал сегодня в своей постели спать, а не по гостям шарахаться! — сказал я, попытался в очередной раз порвать веревки, стягивающие руки за спиной. Безрезультатно. Крепко затянули, собаки!

— Вот видишь, Ник, мы оба имеем не то, что ожидали.

Он кинул взгляд на старцев, молча кивнул на выход. Старцы засуетились, согнувшись, вышли. У входа остался Топор.

— Давай присядем, поговорим, — предложил князь, вернулся к своему трону.

— Некогда мне рассиживаться, — сказал я, не двигаясь с места. — Говори, чего надо и, так и быть, я уйду, никого сильно не покалечив.

Князь улыбнулся.

— А ты смелый! Молодец! Надеюсь, что не глупый. Присаживайся.

В спину толкнули. Это Топор. Командир выроdkов был на голову ниже меня, но шире раза в два, такой комод.

Я обогнул костер, встал на толстых шкурах в паре метрах от князя. Девки куда-то незаметно испарились. У него за трном есть служебный выход?

Князь кивнул, сильные руки легли мне на плечи, надавили, опуская на шкуры.

Я неловко сел по-турецки, сказал.

— Как-то не очень хорошо вы гостей принимаете, а, князь? Чаем не угощаете!

Князь пристально посмотрел мне в глаза, будто бы улыбнулся, кивнул Топору, стоящему за спиной.

В ту же секунду нож разрезал веревки, руки освободились. Я размял запястья, посмотрел на князя.

— Чай сейчас принесут, — сказал он. — Может, мяса?

Я засомневался, что они тут баранину едят, даже передернуло.

— Спасибо, — вежливо отказался я. — Я сыт. Чая будет достаточно.

— Хорошо, — кивнул князь. — Может, позже.

Где-то зашумели деревья, порыв ветра волной пробежал по пологу палатки, послышались невнятные голоса снаружи, заревел ребенок. Сбоку снаружи зашевелилось что-то большое, вминая стенку, затихло.

Молчание затянулось. Что-то чай заваривался.

Наконец, князь сказал.

— Вижу, что кристалл Силы принял тебя, Ник.

Я пожал плечами.

— Теперь ты главный отшельник, спаситель рода. Защитник. Но вот не защитил он тебя самого.

— Ну, это как сказать, — ответил я. — Я пока выслушаю тебя, раз уж я здесь, а дальше посмотрим.

— Хорошо, — улыбнулся князь. — Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо. Мы хотим, чтобы ты нам помог.

— Не совсем удачный способ начать вести переговоры. Шарахнуть сзади по башке, связать, приволоочь силой. У меня теперь, получается, и выбора нет?

— Ну, что ты! — воскликнул князь. — Выбор есть всегда! А это, это просто мера предосторожности. Ты бы со мной вряд ли сам захотел встретиться.

— Учитывая, что ты главарь банды выродков, хотя сам отшельник. Я прав?

— Да, здесь ты прав. Мне пришлось уйти из общины, — сказал князь, наиграно тяжело вздохнул. — По идейным соображениям. Не сошлись во взглядах на общие вопросы с Никодимом, да и другими. Был довольно жесткий разговор тогда. Удивительно, что ты меня не узнал. Как такое может быть?

— Всякое в жизни бывает, — уклончиво ответил я.

— Но это было десять лет назад, — удивился князь. — Ты уже взрослый был, должен бы помнить.

Я промолчал.

— Ну, что ж, — сказал князь. — Это и не важно сейчас.

За его спиной открылся вход, вошла одна из красавиц, только уже одетая, принесла на деревянном подносе две большие деревянные кружки, над которыми тянулся парок.

— А вот и наш чай! — весело проговорил князь. — Спасибо, дорогая. Ну, угощайся. Ник.

Князь первым взял кружку, поднес к лицу, вдохнул аромат.

— У-у! — закатил он глаза от удовольствия. — Ты такого точно у себя в общине не пробовал!

Я и не сомневался, что в общине такое не пьют.

Взял кружку, понюхал. Ну, пахнет какими-то ягодами, цветами. Что уж, вкусно пахнет. Над кружкой посмотрел на князя — пьет или нет. Хотя, травить меня сейчас смысла не было. Он еще не сказал, чего хочет от меня, а я не дал ему ответ.

Я отхлебнул горячего напитка.

Чем-то отдаленно напоминало облепиху. Или шиповник.

— Ну как? — спросил князь, пристально вглядываясь. — Что скажешь?

Я сделал еще глоток.

И на самом деле, мало того, что вкусно, но и питательно — почти как от меда, по телу потекла энергия, бодрость, ясность.

— Ну, так, ничего, — ответил я, поставил кружку на поднос. — Нормально.

Князь усмехнулся. Сделал еще пару глотков, поставил кружку на маленький столик у кресла.

— Ладно, Ник, — сказал он. — Время идет, бесценное время. Но я все же для начала расскажу тебе одну историю. Возможно, она поможет тебе лучше понять мир, о котором ты еще, похоже, мало не знаешь. Это история спасения отшельника в диком Лесу. Жил-был один добропорядочный человек. Он был чистым, не глупым, но наивным. Ему всю его жизнь говорили все вокруг, что Лес — это наш господин, хозяин. Что его нужно уважать, беречь, любить. И тогда он тоже будет тебя, ну, может, и не любить, но уж не обижать, даже в чем-то помогать. Например, давать тебе брать от себя по чуть-чуть — деревья для стройки, дрова

для печей, траву, грибы, ягоды и даже животных и рыб. Только чтобы ты мог жить, не помер от голода, не замерз. Но за это ты не должен был лезть дальше, чем он тебе определил. Нечего! Вот есть у тебя дом, речка, и сиди спокойно. Не лезь никуда, не спрашивай лишнего. Ты не хозяин над собой. Ты зависим от него — Леса!

На этих словах князь закинул голову, простер руки над головой.

— И вот, — продолжил он, вернувшись в прежнее положение через секунду. Только глаза его изменились, почернели. — Один такой отшельник не согласился так жить. Посчитал, что это не справедливо. Что нельзя жить в рамках, которые кто-то для тебя установил. Это не правильно! Ты согласен?

— Короче, — сказал я. — Пошел против Системы.

— Правильно! — воскликнул князь. — В самую точку!

Я-то имел ввиду не политические лозунги, а конкретную Систему, о которой князь так же ничего не подозревал. Но это было очень похоже.

— И ты стал врагом этой Системы, — добавил я.

— Естественно, — сказал князь. — И меня изгнали. Как юродивого. Просто выставили за ворота. Кто не с нами, тот против нас.

— И что же было дальше?

Князь отхлебнул еще чаю, шумно глотнул. Снаружи голоса стихли, зашумел ветер и на крышу упали тяжелые капли дождя. Тело, лежавшее сбоку снаружи, низко загудело, поднялось и, грузно топая, удалилось. Остался только шум дождя снаружи, да потрескивание костра внутри.

— А дальше, — продолжал князь. — Я ушел. Как видишь, не пропал. Даже лучше стал жить, чем прежде. Знаешь, кем я был там? Рыбаком! А здесь я — князь!

— Как же это так получилось? — искренне спросил я.

— Эти парни, — князь указал на застывшего у входа Топора, — спасли меня. Они хорошие ребята, только очень злые. Я нашел к ним подход, организовал, создал это племя. Мы стали вместе выживать. Теперь они живут тоже лучше, чем раньше.

— Ты изгой, и они изгой, — сказал я. — Вот и нашли друг друга в своей беде.

— Правильно, — кивнул князь. — И мы против Системы, мы вне ее. Мы теперь свободны!

— Да уж. И чем вы занимаетесь? Полезным, я имею в виду.

Князь усмехнулся.

— А чем полезным занимаются отшельники? Или мутанты в Городе? Они так же, как и мы — выживают. Каждый нашел свою возможность. Отшельники пошли на уступки Лесу, мутанты выживают вопреки. Пытаются внутри Леса создать свою независимую цивилизацию. Наивные.

— Почему ты считаешь, что у них это плохо получается? Не потому ли, что вы, твои новые друзья, не даете им?

— Дело даже не в нас, — отмахнулся князь. — Лес рано или поздно устроит им такое — мало не покажется. Неужели ты думаешь, что Сдвиг был совершен для того, чтобы потом такие, как вот эти мутанты, смогли возродить эту раковую опухоль? Лес уничтожил все, что создала та цивилизация! Всё! Нет больше городов, заводов, машин — ничего! И только здесь кучка умников рассчитывает на какое-то снисхождение?

— Но им это удавалось триста лет, — возразил я. — И, по моему, у них неплохо получается.

— Нет, Ник. Ты ошибаешься. Дела у них идут плохо. Они даже свою ГЭС не могут восстановить. Ресурсы вокруг, которые они с боем выгрызают у Леса, кончаются. Лес объявил им бойкот — они ничего не могут у него взять. Опять же, пока не станут жить по его законам, как отшельники.

— И к чему ты ведешь?

Князь медленно отпил остывший чай, с удовольствием причмокнул.

— Им недолго осталось, Ник.

— Вот как? Откуда такая инфа?

— Им уже выписан приговор.

— Это кем? Вами что ли? Да они вас с вашими топорами...

— Нет, не мы угроза для них. Есть силы в Лесу, которые заинтересованы в их технических и научных наработках. Нам, ты сам понимаешь, они вовсе не нужны. Ни к чему. Нам и так хорошо живется. Приспособились.

— Это что еще за другие силы? — спросил я. — Еще какая-то высокоразвитая раса?

— Не просто раса, — сказал князь, замолчал. — Ладно, все по порядку. Ты же слышал о киборгах? Ну, полулюди-полуроботы. Так вот, они же не сами по себе появились. В Лесу есть место, где они обитают. Это большой город, подземный город. Почему подземный? Да потому что для Леса это племя, раса, не знаю даже как их назвать... в общем, существа — еще хуже мутантов со своим Городом и заводом. У них есть такая техника, такие возможности, которые не доступны нашим мутантам, как бы они не старались. Эти технологии были еще до Сдвига, и они не просто смогли сохранить их, но и значительно продвинулись в своих разработках за эти триста лет. Этим существам удалось сохранить в своем подземном городе самое ценное, что у них было на тот момент.

— Именно про них идет речь, когда ты говорил о помощи? — спросил я, пытаюсь понять связь этих двух историй князя: про выроdkов и высокотехничных существах.

— Ты же сам прекрасно знаешь, как тяжело жить в этом Лесу! Людям, что еще остались, приходится выгрызать каждый день своей жизни, борясь со всеми растениями, животными, даже насекомыми, которых создал Лес для своего доминирования. Мы, люди, вымирающий вид! Когда он покончит с непокорными мутантами, он и отшельников сживет со света! Понимаешь? Лес не остановится, пока не заполучит полную власть на Земле! Без людей!

— Почему же вас — выроdkов — больше всего не любит Лес? — спросил я, усаживаясь поудобнее. Ноги затекли от его рассказов.

Князь хотел отпить еще чая, но кружка была пуста. Он повернулся, негромко свистнул. В проеме появилась коренастая красавица, подбежала на полусогнутых, не поднимая глаз, взяла поднос, составила на него кружки, исчезла.

Князь посмотрел на меня тяжелым, злым взглядом.

— Вот ты называешь нас выроdkами...

— Видимо, кроме тебя, — вставил я.

— Нет, ты правильно сказал «нас», потому что я теперь не отшельник. Уже десять лет как. С того дня, когда мое племя, моя раса отказалась от меня. Я теперь — не смотря на мой цвет кожи — такой же, как они. — Он кивнул на безмятежно застывшего Топора. — Я выроdk, как ты сказал. Только тут ты немного ошибаешься. Мы, ну, они — такие же мутанты! Только другой вид.

— Я знаю это. Они подвид А, а эти подвид В.

— Ха! — князь засмеялся. — Точно подмечено! Подвид А и В! Сам придумал?

Я задумался. Это же классификация ЛЕСа. Он о ней и не знает. А кто он на самом деле? Я мысленно запросил Систему, незаметно кивнул.

Объект: человек

Раса: человек разумный, подвид красный (чистый)

Уровень: 7

Основные показатели:

Сила 83

Выносливость 51

Скорость 43

Интеллект 87

Дух 90

Да, он такой же, как и я, только уровень приличный. И показатели ничего себе. Не врет. Князь смотрел на меня уже серьезно. Спросил.

— Что ты пытаешься во мне увидеть?

— Не знаю. Ты был, как мы, и вдруг связался с этими паразитами и убийцами.

— Они выживают, как могут, Ник, как умеют, как дает им Лес. И они сильные! Что меня в них и подкупило. Чтобы один на один выживать в Лесу нужна недюжинная сила и воля к жизни. Этого у них побольше, чем у твоих соплеменников и этих городских неженков. Уж поверь мне. И ты сам видишь, чем они отличаются — хотя оба мутанты. Те, что за бетонными стенами, как ты их назвал «подвид А» — наделены большим интеллектом, а эти — животной силой. Я бы назвал их очеловеченными зверьми.

— Да? А по мне они озверевшие люди! Разве не одно и то же?

— Нет, не одно! — возмутился князь.

Что он мне все пытается рассказать, объяснить, в чем убедить? Что эти звери больше люди, чем я, мутанты и нам подобные? Для чего?

В этот миг неслышно вошла красавица, поставила поднос, на котором кроме дымящихся кружек, было блюдо с разными плодами.

Снаружи дождь стих, только изредка крупные капли с глухим хлопком падали на крышу. Большая темная масса, топая, вернулась на свое место, завалилась под стеной, шумно выдохнула.

— Еще раз говорю, — сказал князь. — Мы выживаем, как можем. И, если для этого нам придется выгрызть себе место под солнцем не только у Леса, но и у других рас, мы будем делать это. А про ту подземную техно-расу, что я тебе говорил, мы их союзники. Мы противостоим Лесу, боремся с ним, ненавидим его правила! Мы помогаем им, они нам. Ничего, как говорится, личного. Мы никому не хотим зла. Но мы, как и любое живое существо на этой земле, хочет жить лучше. Хочет жить увереннее в своем будущем, быть спокойным за своих детей.

— Отличная цель! — сказал я. — По-моему, все этого хотят! Но почему вы хотите свое благополучие устроить за счет других?

— Нет, мы хотим достойной жизни! Достойной! И заслуженной.

— И для этого вы готовы убивать другого? Чтобы самому было лучше?

Князь отпил чаю, откинулся на кресле.

— Зачем же сразу убивать? Если нам дадут то, что нам надо, мы никого убивать не будем. Что мы звери какие?

Ну да, ну да. Не звери они, как же. В овечьей шкуре. Что-то он сладко запел, к чему все это подводит?

— Ну, ладно! — провозгласил князь, хлопнул ладонями по спинке кресла. — Нам нужна твоя помощь, чтобы взять кристалл Света у мутантов. Вот для чего ты нужен.

Я открыл рот. Вот те на!

— И как вы планируете это сделать?

— У тебя есть вход в Город, тебя знают, это раз.

— То есть хотите использовать меня как Троянского коня?

— Ну-у, — князь замялся. — Это не совсем всё. У тебя, — он ткнул пальцем мне в грудь, — есть то, что дает тебе очень много. Кристалл Силы! Он поможет нам не просто зайти, а взять этот камень, это два. Ведь мы оба знаем, что за просто так мутанты ничего не отдадут.

— Правильно. И еще — это три — я никуда не собираюсь! И помогать вам в вашем деле тем более!

— Так-так-так, — проговорил князь. — Я думал, что убедил тебя. Этот камень Света нужен даже не нам. Он нужен нашим друзьям в подземном городе. Я же тебе объяснял, что он поможет нашим расам справиться с Лесом! С помощью этого камня появится реальный шанс переломить это противостояние! Поверь мне, у них очень большие возможности! Ты даже сам сможешь в этом убедиться, когда мы — ты и я — придем с этим камнем к нашим друзьям.

— То есть ты предлагаешь мне сотрудничество? Типа договор? Сделку?

Князь широко улыбался, отхлебывая чай. Предвкушал, оратор, свой триумф.

— Знаешь, что, князь. Я ведь даже не знаю твоего имени. Оно у тебя есть? Типа Свистун или Говорун, а? А мне уже и не интересно оно, потому что ответ мой тебе будет такой: да пошел ты!

Я быстро поднялся, Топор даже не шелохнулся, хотя смотрел на меня в упор, только руки его, держащие огромный каменный топор, напряглись.

А я, Топор, и не собирался с тобой биться, я через другой выход планировал, даже не зная, куда он ведет. Да все равно! Внезапность и скорость будут мне в помощь.

Что удивительно, князь тоже бровью не повел.

В чем дело? Я чего-то не знаю?

Я кинул взгляд на тушу у стены — она была на месте. Только злобно зарычала, заворочалась. На нее кто-то прикрикнул

Я уже поднял ногу, чтобы рвануть...

И тут полог запасного входа раскрылся, и палатку ввалились Дубина, Кувалда и между ними с кляпом во рту, связанный по рукам и ногам, извивающийся и мычащий Митька.

За моей спиной князь рассмеялся.

— Вот так неожиданность, правда, Ник? — поднимаясь с трона сказал князь. Кривая ухмылка играла на лице.

Митька перестал извиваться, увидев меня. Глаза смотрели удивленно и зло. Спросить, к счастью, он ничего не мог, только промычал. Но по выражению глаз и так понятно было.

Я бросился на князя, но путь мне преградил молот Топора. Ударом в живот, он отбросил меня в угол. Хорошо, хоть шкуры мягкие. Слева от меня за выпуклой стенкой недовольно зарычали, тело зашевелилось. Кто же это может быть, черт возьми!

— Я бы не стал предпринимать необдуманных шагов, — сказал князь. — Впредь. Потому, как..., - и указал рукой с четками на Митьку.

Дубина, злобно ухмыляясь, держал у его горла тонкий блестящий нож.

Я поднялся. Посмотрел на Топора, держащего свой молот наготове. Демонстративно отряхнулся.

— Чего же ты хочешь, князь вырождков? — спросил я.

— Ну, во-первых, не надо грубить, Ник. Так хорошо сидели, беседовали. Уже почти обо всем договорились, а ты вдруг раз, и передумал. Нехорошо. Не люблю необязательных людей.

По Митькиным глазам прочитал еще больше удивления и злости.

— Мы с тобой ни о чем не договорились! — крикнул я. — Не слушай его, Митька!

Князь улыбнулся.

— Ну, не торопись! Думаю, что теперь-то ты будешь более сговорчив, а, Ник?

— Чего ты хочешь, урод?

— Ах, как грубо! — сказал князь, кивнул Топору. Неожиданный удар последовал незамедлительно. Но я успел его перехватить, отвел тяжелый молот в сторону. Топор неловко отшатнулся, хрюкнул что-то недовольно, снова замахнулся, но окрик князя его остановил. Топор недовольно отошел на шаг в сторону, сверля меня злобными маленькими глазками и покачивая в руке свое орудие.

— Не нужно кровопролития, Топор, — сказал князь, глядя на меня. — Зачем нам это раньше времени. У нас впереди хорошая битва. Правда, Ник?

В этот момент Дубина надавил на горло Митьке, кожа на шее натянулась, появилась капля крови, потекла по лезвию вниз. Митька замычал. Дубина оскалился, глядя мне в глаза.

Я тяжело вздохнул, сдался, опустил руки.

— Хорошо. Чего ты хочешь от меня?

Князь оживился.

— Ты же знаешь! Ты проведешь нас к мутантам, тебе откроют ворота, мы зайдем. Покажешь, где у них хранится кристалл. Всё! — он развел руки в стороны. — Больше от тебя ничего не требуется! Все просто!

Митька что-то промычал. Я глянул на него, помотал головой.

— Нет, князь. У тебя ничего не получится. Даже если я помогу тебе зайти, вас всех укокошат еще у ворот! И нас вместе с тобой! Нужен другой план.

Князь рассмеялся.

— Что за слова? Укокошат! Ты что, думаешь мы с топорами пойдем под пули мутантов? Кхе! У нас для этих пучеглазых есть кое-что посерьезнее!

— Да? — усмехнулся я в свою очередь. — Лазерные ружья?

Князь подошел ко мне вплотную, сказал серьезно.

— А ты почти угадал, Никифор Иваныч. Почти.

Он, продолжая смотреть мне в глаза, протянул руку в сторону. В нее вложили какой-то продолговатый предмет. Он взял его в руки перед собой, нажал невидимую кнопку, и продолговатый предмет с мягким клацаньем в три приема трансформировался в подобие винтовки. Нажатием другой невидимой кнопки, аппарат загудел, а когда, через несколько секунд стих, князь прицелился в противоположный угол, нажал курок. Из прямоугольного ствола, ослепляя нас, вылетела шипящая молния, ударила в деревянную подставку, и та будто взорвалась изнутри — сотни дымящихся щепок разлетелись по палатке.

Я рефлекторно прикрылся рукой, отшатнулся. Не ожидал.

Посмотрел на гордо вздернувшего подбородок князя, который снова нажал кнопку, винтовка сложилась обратно в прямоугольный предмет, который у него так же незаметно кто-то забрал.

— Как тебе такое, Ник? — спросил он.

Я глянул на Митьку, тот испуганно мотал головой.

Да, Митька, попали мы с тобой. Ничего, выпутаемся, уверен. Я что-нибудь придумаю.

Митька незаметно кивнул, будто слышал мои мысли. Или мой взгляд говорил сам за себя.

Я повернулся к князю. Он ждал ответа.

— Хорошо, — сказал я. — Впечатлил. Даже не спрашиваю, откуда у тебя это... ружье. Сколько у тебя таких? На всех хватит?

Он молча кивнул.

— Отлично, — продолжил я. — А мне тоже такую игрушку дадите?

Князь мотнул головой.

— Тебе это не понадобится. Зачем тебе мараться? Мои ребята все сделают сами, они обучены, натренированы.

— А сколько в твоём таборе бойцов? Десять, двадцать?

Князь засмеялся, подошел ко мне, по-дружески похлопал по плечу. Я дернулся. Он, словно не обратил на это внимания, сказал, ухмыляясь.

— Слушай, Ник, ты об этом не беспокойся! Все давно спланировано, продумано. От тебя сейчас требуется только главное сказать — ты с нами? Ты нам поможешь? Ты же понимаешь, что мы с тобой заключаем сделку, как говорится, ты — мне, я — тебе. Возьмем этот камень — кристалл Света — у мутантов и в Техно-город! Там нас ждут с нетерпением! Давно ждут! А я давно ждал этой возможности с камнем Силы.

— Слушай, — вдруг спросил я. — Я таки не пойму, я-то тебе зачем, если у тебя такое оружие, готовые бойцы, спланированная стратегия? Я тебе для чего? Шел бы, и брал эту крепость! Я же тебе не просто как ключик нужен, чтобы ворота открыть! Возьми у своих друзей взрывчатки побольше, шарахни по стене — и беги брать зимний дворец со своими вырожденками! — я кинул взгляд на Митьку. — Мы-то тебе зачем для этого?

Князь, видимо, устал стоять, щелкнул пальцами, ему поднесли кресло. Он сел лицом ко мне, почесал подмышкой, хмыкнул.

— Ты, видимо, плохо слушал, Ник. Мне не только камень Света нужен. Мне и твой камень тоже нужен. А иначе — смысл?

Я нахмурил брови.

Князь продолжал, медленно выговаривая слова и жестикулируя, видимо, чтобы до меня, наконец, дошло.

— У тебя камень Силы. Так случилось, что он изначальный, первый, главный. Без него остальные камни не работают, скажем так, в пространстве. Да, кристалл Света при подпитке газом, дает свет, который мутанты используют, как источник энергии. Но с твоим камнем он может работать хоть где, хоть в Лесу, хоть под землей. Понял? Хорошо. Чтобы добыть первичный камень Силы, мне пришлось, всего-навсего, устроить тебе засаду, садануть по башке и привести сюда. Всё! Можно даже сказать, что ты сам принес нам его! Я даже не поверил своим ушам, когда услышал про твой камень! Самый главный камень достался мне легче всего! — он засмеялся, нагло глядя мне в глаза. — До этого сколько мне приходилось нападать на общину, чтобы добыть его, сколько я людей потерял! А тут — оп, и готово!

Князь прервался, свистнул через плечо. Мы все молча стояли, пока ему принесли свежий дымящийся чай. Я лихорадочно думал, как нам с Митькой из этой кучи дерьма теперь выбирать. Хотя бы Митьку освободить. Похоже, на меня у князя долгоиграющие планы. Хреново. Подождите, а как же с кристаллом Света, и, судя по всему, со всеми остальными?

— Ты же не мутант, князь, — сказал я. — Или у тебя есть какой-то нормальный выродок, которому ты сможешь доверить кристалл Света? Они же ненормальные все!

— Ты меня за кого держишь, Никифор Иваныч! — возмутился князь. — Есть у меня нормальный мутант, которого примет кристалл. Я же не стану такими вещами рисковать! Можешь познакомиться — Алекс! Эй, где там мой друг Алекс?

Через вход протолкался высокий, крепкий мужик, подошел к нам, кивнул, как мне показалось, почтительно князю. Пучеглазый, светловолосый, истинный мутант. Конечно, мутанты все на одно лицо, но это показалось мне знакомым.

Князь предупредил мой вопрос.

— Да, да, Ник. Выдам секрет. Ты его видел в Городе. Благодаря ему, мы узнали, что камень у тебя, а потом выследили, устроили засаду. И вот ты здесь! Благодаря Алексу главный кристалл нам достался почти даром!

Он по-хозяйски похлопал Алекса по плечу, тот засмутился, даже покраснел. Холоп. И предатель.

Вспомнил, где я его видел! Это же повар! Мы его только один раз видели, когда в здание их Совета заходили. На первом этаже.

Вот, черт.

У меня сжались кулаки.

Князь тут же сказал.

— Ну, ладно, Алекс, иди. Иди готовься, скоро выдвигаемся. Да, Ник?

Я обреченно вздохнул.

Надо было что-то придумать, обхитрить этого хитреца. И спасти Митьку. Меня вряд ли убьют, я им нужен. А Митька не нужен. Когда я сделаю то, что они хотят, они его просто уберут. Выродки его убьют даже без приказа князя, с них станется. Я не удивлюсь, что князь, узнав об этом скажет: ох уж эти звери, что с них взять!

Нет, тут нужны какие-то гарантии.

Но можно ли верить этим террористам?

— Ник, — спросил князь. — Мы готовы. Давно готовы, ребята в нетерпении.

— Идем, — сказал я. — Но Митька пойдет с нами.

Князь вскинул брови.

— Я на это не рассчитывал!

— А я рассчитывал! — сказал я твердо. — И развяжите его! И кляп достаньте изо рта, чаю принесите! Он пойдет с нами! А, когда мы закончим, Митька уйдет домой. Ясно?

Князь отступил на шаг, замахал руками.

— Ладно, ладно! Пусть пойдет с нами! Только, чтобы не сбежал, он будет привязан к Дубине веревкой!

— К Кувалде! — сказал я.

Князь пожал плечами.

— Ну, ладно, к Кувалде. Если для тебя есть какая-то разница.

Я одним рывком оказался рядом с Дубиной, сжал, выламывая его руку с заточкой, прошипел в черную морду.

— Чтобы рядом тебя не видел, ты понял?

Стеная и выворачиваясь, Дубина прошипел.

— Да понял я, понял! Отпусти!

Я разжал ладонь, выродок свалился под ноги, уполз за спины сородичей, постанывая. Митька смотрел на меня глазами мутанта. Я сдернул повязку с лица, он выплюнул кляп, вдохнул всей грудью.

— Развяжите его! — потребовал я.

Кувалда задергался, глаза забегали.

— Развяжите, — послышался голос князя.

Только тогда выродки засуетились, обрезая веревки. Митька смотрел на меня благодарными глазами, но ничего не говорил. Когда руки его освободились, он крепко и неловко обнял меня, глаза заблестели. Я похлопал его по плечу, шепнул.

— Ничего, Митька, пробьемся, верь мне.

Он кивнул, засмутился.

Князь уже стоял рядом, умилялся.

— Ну, встреча друзей окончена? Можем выдвигаться? — спросил он ехидно. И скомандовал выродкам.

— Походный порядок! Оружие на изготовку! Выходим! Выходим!

И первый шагнул в раскрытый вход.

Мы с Митькой шагнули следом, за нами, привязанный к Митьке метровой веревкой, шел Кувалда. Лицо его выражало крайнюю степень недовольства. Справа, навалившись к палатке, сидел, сжимая руку, Дубина. Рядом с ним щебетала одна из красоток князя. Вокруг неорганизованной толпой толкались выродки.

Из-за угла палатки, топая, вышла огромная тень. Морда выплыла над головами выродков, шмыгнула носом, разинула зубастую пасть, в которую можно было целиком залезть. Мы с Митькой рефлекторно шарахнулись в сторону, толкая низкорослых выродков. Кто-то хихикнул, кто-то скабречно пошутил. Митька неожиданно витиевато выругался.

Князь обернулся на шум, глянул вверх на поднимающуюся над нами морду, улыбнулся, а потом строго сказал.

— Малыш! На место! На место, я сказал! Ты с нами не пойдешь, остаешься здесь, понял? На место, бестолочь!

Малыш, который недовольно заворчал, клацнул зубами, растворился в темноте так же неожиданно, как и появился.

— Боги неба и земли, — шептал Митька. — Такого медведя я еще не видел!

Я пришел в себя.

— Что? Это был медведь? Я думал это оживший тирекс!

— Про тираннозавров я пока ничего в наших краях не слышал, — серьезно сказал Митька.

Черная туша обиженно завернула за угол и свалилась на свое утоптанное место у стены палатки. Ничего себе, Малыш, размером со слона и пастью динозавра. Бог ты мой, почему у меня нет доступа к мозгам Никифора! Так можно и сердечный приступ получить, не дойдя до конечной цели. А, когда дойду, точно буду седой. Остается только верить, что с сединой придет и мудрость. Лишь бы дойти...

Мы выстроились в колонну, вдвинулись в заросли Леса.

Передо мной шел сам князь, вокруг него несколько крепких выроdkов, такие же, как Топор, десяток шел перед нами, прорубая путь. За мной Митька, вагончиком за ним Кувалда, а дальше еще растянулись десятка два выроdkов. Факелы освещали нам путь: три-четыре спереди, столько же за нами. Охранники князя тоже несли факелы справа и слева от нас. Благодаря этому в кромешной темноте Леса было достаточно комфортно, хотя стоило поднять взгляд вверх огней — черная, движущаяся, мрачная, ухающая темнота подавляла. Черные гигантские колонны деревьев смыкались сверху густым одеялом листвы, через которую не то что звезд, неба почти не видно было. Никогда бы я, даже под страхом смерти, не вышел ночью в этот Лес прогуляться.

Меня привлек странный писк, сопровождающий весь наш путь. Я спросил у Митьки, обернувшись.

— Ты тоже это слышишь?

— Что? — спросил он, стал озираться по сторонам.

— Писк.

— Писк, — Митька прислушался. — Да, слышу. Что это, в смысле, кто, как думаешь?

— Это наши боевые крысы! — ответил Кувалда гордо.

— Крысы? — я позвал князя. — Что он такое говорит? Какие крысы?

Князь обернулся, махнул рукой, крикнул.

— Стоять! Привал пять минут!

За ним тут же возник складной стульчик. Князь, тяжело вздохнув, опустился на него, вытянул ноги, усмехнулся.

— Да, давненько я по Лесу не гулял! Притомился!

Ага, на прогулку вышел князь со свитой. Ночной променад, блин. Да он вообще в своем уме? Или деградировал, все-таки, общаясь с дебилами, окружающими его столько лет?

Князь посмотрел на наши удивленные лица, улыбнулся.

— Вы что, не видели нашим собачек? Эй! — крикнул он, — Дрын! Подойди сюда, друг мой! Аккуратно только, а то гостей наших испугаешь!

Кувалда отошел за спину Митьке, который стал, как вкопанный. Выроdkи, шедшие за нами раздвинулись, и, срывая землю, натянув широкий поводок, появился бультерьер-переросток. Такая же острая, только волосатая морда, круглые, как лопухи, уши, широкие, когтистые лапы, маленькие черные глазки. Ну, собака и собака. Пока эта «собака» не повернулась боком. Цилиндрическое серое туловище на коротких коренастых лапах, одетое в какое-то подобие бронежилета, и характерный длинный около метра голый хвост, однозначно указывали на вид этого животного. Гигантская мутированная крыса.

Это существо подергало усатым подвижным носом, повернулось в нашу с Митькой сторону, глазки почернели, обнажились клыки с палец размером, раздалось громкое шипение. Крыса дернулась на нас, натягивая поводок. Дрына поддержали еще двое выроdkов, чтобы эта «крыса» не утащила его. Пасть «собачки» клацнула в нескольких сантиметрах от моей ноги. Я отпрянул, едва не свалившись без опоры в овраг.

Вокруг раздался дружный, веселый смех.

Утирая слезы, князь прохрипел.

— Ну, всё, Дрын, убирай собачку подальше! А то она наших дорогих гостей раньше времени загрызет! Ох, умора!

— Это что, шутки такие у вас? — возмутился я, вытирая лоб. — Это что за «собачки» такие?

Князь отсмеялся, встал, стульчик тут же исчез в полумраке.

— Да ты не обижайся, Ник, — сказал он добродушно. — Собачек этих мы в Мертвом Лесу набрали, еще щенками, приручили, натаскали. Хорошие собачки получились. Послушные и, что не маловажно, умные. Они нас не только по запаху отличают, они запоминают каждого отдельно. Ну, чем не собачки. Самое важное, что не лают. Ну, не умеют!

Он снова засмеялся.

Смешно ему.

Хотя, что не лают, может и важно для этих вот выроdkов, живущих под открытым небом. Выпустил такую «собачку» дом охранять, а она не будет издалека предупреждать лаем своим, а просто из-за куста — хватать! — и нет у тебя руки. Молча.

Крысу убрали от нас подальше, кое-как втроем утащили злобную тварь.

Мы снова выстроились в обычную колонну, продолжили путь.

Теперь же мы с Митькой оба иногда оглядывались на любой шорох, ожидая в любую секунду нападения тихого прирученного монстра. Но все обошлось. Выродки-крысоводы держались от нас — с другим запахом — подальше.

Так, еще где-то через час, мы подошли к стенам Города Мутантов с северной стороны. То есть, как объяснил Митька, вышли с противоположной стороны от общины, стене. Эта стена ничем не отличалась от той, что мы уже видели. Так же выстроены бетонные стены, такой же ров перед ним, зона отчуждения только чуть шире, как мне показалось.

— Это потому, — объяснил мне Митька шепотом, — что здесь Город находится под горой, вот и растения мутанты вырубают больше. Для безопасности. Кстати, ров с дерьмом здесь тоже шире, чем у южного входа.

Факелы выроdkи предварительно затушили, последние метров сто мы шли в полумраке. Чем ближе к Городу, тем реже деревья — тем больше света.

Еще одну особенность я заметил, выглянув из зарослей на самом краю Леса — отсюда открывался прекрасный вид на пруд, что простирался на несколько километров вправо, освещенный полной луной. Он весь был как на ладони, блестящий плоский стол, замкнутый со всех сторон плотной черной стеной высоких деревьев.

К нам подошел князь, прошептал.

— Ну, вот и пришли, Ник. Теперь твой ход, — он сильным рывком подтянул к себе Митьку. — И не вздумай делать глупости! Ну, ты меня понял!

Я промолчал.

Посмотрел в испуганные глаза Митьки как можно более спокойным взглядом, мол, не

переживай, все будет в лучшем виде. Подмигнул.

И, совершенно не зная, что будет дальше, шагнул из кустов на голую выстриженную землю, осветившись под полной луной, как под софитом на театральной сцене.

Я остановился в нескольких метрах от широкой зловонной ямы, озирался по сторонам, вглядывался на край стены. Неужели меня никто не видит? Спят они там, что ли? А как же охрана периметра?

Оглянулся назад. Черной пугающей массой возвышался Лес, посеребренные лунным светом качались гигантские ветви. И я, как бельмо на глазу, на этом пустыре, усердно выкошенном мутантами. По стене с этой стороны никакие лианы не ползли. А, может, их просто вырубил недавно.

Что делать дальше, я не знал. Ну, крикну, откроют мне, и что я скажу? Заблудился? В открытые ворота тут же набегут выродки. Не факт, что не убьют Митьку, а зачем он им. Вот я нужен.

Скверно.

И ситуация скверная, и на душе гадко.

Ведь, я же, получается, никакой не герой, а предатель. И как такому камень Силы доверили?

Я вздохнул. Ну, будь что будет.

— Эй! — крикнул я негромко. Но в ночной тишине эхо от Леса отразилось и сыграло несколько раз — эй-эй-эй!

В Лесу за спиной ухнула сова. Я оглянулся: Лес качался, выродков не было ни видно, ни слышно. Черные, они слились с фоном. Их и вблизи-то не разглядишь.

Через несколько секунд молчания с той стороны, я открыл было рот, чтобы снова крикнуть, погромче. Но над кромкой стены прямо передо мной высунулась голова в шлеме, появился луч, блеснул дугой и уперся в меня. Вот теперь я точно, как на сцене, одинокий бродячий певец, блин.

— Кто такой? — послышался голос сверху. — Чего надо?

— Я — Ник! Мне нужен Ант!

— Какой Ант? — спросили раздраженно.

Я лихорадочно вспоминал его должность в Городе. Как же его?

— Советник по безопасности! — крикнул я.

— Да ты что! Время-то сколько! — сказали со стены.

Я не успел что-то еще сказать, луч запрыгал, и я заметил, что к первой голове подошла вторая, что-то ему доложила. Послышалось «да ладно!», другой голос осёк его «да тихо ты!», и вторая голова исчезла. Первая голова снова вылезла, пробежала лучом по опушке леса, останавливаясь в нескольких местах, а потом луч снова уперся в меня, ослепив.

— Слышь! Как тебя!

— Ник!

— Ах, да, Ник. Подожди! Его вызвали! Скоро будет! Стой, где стоишь!

— Хорошо, — ответил я, выдохнул.

Ну, первая часть мармезонского балета прошла успешно. Ждем вторую часть.

Сверху снова крикнули.

— Оружие есть?

— Нет, — ответил я, развел руки в стороны, повернулся вокруг оси.

— Странно, — удивились со стены. — Как же ты по Лесу ходишь без оружия?

Я растерялся. И правда, как? Подозрительно выглядит.

— А я заговорённый! — крикнул я, распахнул рубаху и показал светящийся красный камень.

Луч со стены скакнул в сторону, со стены уважительно проговорили.

— Ну да, похоже на то.

Голова исчезла, оставив меня в круге света. Я остался стоять один.

Только сейчас заметил, как ветер в этом вырубленном туннеле гуляет вволю. В очередной раз меня качнуло от порыва, выдувая остатки тепла. Да сколько же еще тут стоять?

Я обернулся, пригляделся, никакого шума или движения видно не было.

Тоже, наверное, стоят в нетерпении, переминаются с ноги на ногу, оружие приготовили, крыс держат.

И вот над стеной появилось две головы, знакомый голос Анта прозвучал в тишине.

— Ник? Это ты?

— Я, кто же еще?

— Я открываю, заходи поскорей!

И тут же часть стены стала опускаться передо мной.

Я замаялся. Как же так? Он даже не поинтересовался, как я здесь очутился, именно с этой стороны Города? И про Митьку ничего не спросил?

Цепи гремели, плита все ближе.

Луч исчез вместе с головой. Видимо, спустились встретить меня.

Когда плита упала передо мной, я последний раз обернулся и шагнул на бетонную освещенную городом дорожку. Медленно двинулся по ней к проему, за которым были видны далекие тусклые огоньки домов, заводская труба выросла над плоскими крышами завода. Да, отсюда, сверху холма вид был совершенно другой, панорамный. И все их поселение, под названием Город, было как на ладони.

Я шагал и все думал, как же выродки незаметно пробегут такое расстояние? А если предупредить мутантов? А как же Митька? Если бы не он, тогда все было бы совсем по-другому!

Дойдя до стены, за которой уже виднелись мощные металлические конструкции, я услышал справа тихий голос Анта.

— Ник! Давай сюда, только медленно, чтобы никто ничего не заподозрил!

Ант стоял за стеной под металлической лестницей. В руках у него был автомат. За ним в полумраке еще был кто-то. Я кинул взгляд налево от проема — там тоже самое. Несколько человек в масках, в черной одежде — как ниндзи, сразу и не увидишь.

— Давай, давай, — поторопил меня Ант.

Я шагнул за стену. Анта узнал не сразу. Он, как и все бойцы был в балаклаве, только глаза его круглые с кошачьими зрачками светились, отражая лунный свет. И они будто бы улыбались.

Он обнял меня одной рукой за плечо, сказал.

— Все нормально! Не переживай! Мы ждали вас.

— Как? — только и выговорил я.

— Митька успел по рации сообщить, перед тем как вас скрутили.

— Митька? Но как?

— Он услышал, что тебя взяли, тут же по рации нам сказал, а потом... и сам пропал.

— Он там, — я показал за стену. — Они его тоже взяли! Он у них заложник!

Ант опустил голову, снова вскинул на меня взгляд.

— Хорошо. Я понял.

Он обернулся к другому мутанту, что-то ему прошептал. Тот сорвал с плеча рацию, тихо пробормотал. Я только услышал слово «заложник».

Ант отодвинул меня в сторону, сказал.

— Стой здесь, в безопасности, понял?

Я кивнул.

А дальше — началось.

Погасли фонари на площадке с внутренней стороны стены. Луну, словно по просьбе спецгруппы, затмила туча. В полной темноте мутанты выскочили за проем, и тут же застрекотали выстрелы, в том числе и со стены. В ответ прошипели, озаряя Лес, несколько молний, раздались крики, ругань, глухие удары.

Я не мог стоять в стороне, там такое без меня происходило! Как я могу такое пропустить!

Я обернулся. Рядом со мной стоял один из мутантов, то ли в резерве, то ли для моей охраны.

Со словами «извини, брат», я тихо ударил его в лоб, выхватил автомат, ловко перекинув ремень через его голову, пока он ошарашенно искал опору, и пулей вылетел за стену.

Справа и слева в полной темноте сверкали молнии, гремели короткие очереди, как свиньи, визжали крысы. Выродков оттеснили от проема, они бежали вдоль стены, и суперкрысы не помогли, пытались добраться до своих временных мостков через ров. Кто-то пытался перепрыгнуть липкую жижу, но влипал по самое горло и истошно вопил, не в силах уже оказывать сопротивление. Этим мутанты не трогали, оставили на потом, если кто-то из них еще будет жив. Остальная же масса выродков вместе с крысами пыталась спастись бегством, отстреливаясь молниями на ходу через плечо. Вспышки были беспорядочными, взлетали вверх, в бок. А пули мутантов настигали их, выродки с дикими воплями падали. Кто был ранен, мутанты их быстро скручивали, оставляли у стены, бежали дальше. Визжащих, как испуганные щенки, крыс, расстреливали. Ни одного пострадавшего мутанта от молний выродков я не увидел.

Мутанты гнали выродков вдоль стен. Где же Митька? Они не могли его взять с собой на штурм. И наверняка князь с группой телохранителей тоже остался в Лесу. Совершенно потеряв бдительность, да чего там, страх, я рванул по опущенному бетонному мосту к Лесу. Выглянувшая луна осветила мне дорогу. Я понимал, что стал замечен посреди просеки под светом луны, но продолжал бежать, пригнувшись, ожидая получить либо пулю, либо стрелу, либо удар молнии в любую секунду. Но напрасно, меня никто не встречал. Очевидно, увидев провал операции, князь быстренько слинял.

И Митьку с собой забрал?

Или убил?

Черт!

Я влетел в кусты, расцарапав лицо. Темнота Леса поглотила меня, луна не могла пробить этот мрак, и я тут же ослеп.

Стоя и соображая, что делать дальше, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте, я услышал голоса и шум справа.

Присел, затаился. Прислушался.

Голоса приближались, проходя мимо меня к опушке.

Что, выродки решили вернуться? Или это дополнительные силы? Но и у них не было шансов. Или были?

Я медленно, не разгибаясь, стал продвигаться обратно к просеке параллельно этой группе, держа оружие на изготовке. Только бы не вляпаться в какого-нибудь ползуна, шарокол или еще какую дрянь в темноте. Но обошлось. На самом краю, выглядывая из-за вроде бы нормального куста, стал ждать. Снял с предохранителя, загнал как можно тише патрон в патронник, выставил перед собой ствол автомата, прицелился.

Через несколько секунд показался первый.

Я едва не нажал на курок, услышал Митьку.

— Ник! Не стреляй! Это свои!

Я растерялся, опустил ствол, взгляделся в темноту.

Первым выходил весь в черном один из мутантов, Митька шел следом. Когда в свете луны я узнал его облик, только тогда решился выйти из укрытия.

За Митькой вышел еще один мутант. Оба мутанта были почти не заметны в темноте в своей одежде. Только светящиеся круглые кошачьи глаза выдавали их.

— Ты живой, Митрофан Бессмертнович! — воскликнул я, выбегая к нему.

Митька стоял, уже развязанный, улыбался на все тридцать два!

— Ник!

Я обнял его, как родного. Он и был для Никифора родным. И, похоже, для меня тоже таковым становился.

Я отстранился, продолжая держать его за плечи.

— Как ты понял, что это я? Ни хрена же не видно!

Митька усмехнулся.

— Это мы с тобой в темноте не видим, а эти парни, — он кивнул на мутантов, — у них кошачье зрение! Ты разве не знал! Они тебя почти сразу увидели, как ты вломился в кусты. Мы еще постояли, убедились, что это ты, а не выродок.

— А где князь? Как же тебя освободили?

Митька махнул рукой, посмотрел на Лес, кивнул на открытый проем в стене.

— Может, пойдём отсюда, а?

— Да, конечно! — сказал я. — Пошли, пошли. И давай, рассказывай дальше! Ну!

Мы двинулись к бетонному мосту, мутанты молча сопровождали нас по сторонам, внимательно поглядывая по сторонам и оглядываясь. Шли спокойно, не то, что мы. Ну, да, это мы с Митькой едва под ногами что-то видели, а эти парни будто со встроенными приборами ночного видения.

Я обнял смутившегося Митьку за плечи, в другой руке держал автомат.

— Да что рассказывать? — сказал Митька. — Все было давно приготовлено. Я же успел Анта предупредить.

— Как?

— Ну, я пошел за рацией, которую ты потерял, когда провалился...

— Это я помню! — перебил я. — Дальше-то что было?

— Ну, нашел я рацию. И тут услышал звук посторонний, не лесной, сразу насторожился.

— И что?

— Подкрался к кустам, увидел, что тебя утаскивают. Подумал, что, если бы убили, то смысл им тебя тащить? Значит, за тобой охотились. Ну, я отполз в сторону, тихо набрал по

рации Анта, я же видел, как ей пользоваться, чего там уметь — две кнопки! Ну, и сказал, что тебя выродки взяли. А потом услышал за спиной шорох. Я только и успел, что рацию в траву впихнуть, вглубь.

— И?

— И получил дубиной в лоб. Всё. Очнулся, когда меня на носилках каких-то связанного тащили.

— А что тебе Ант сказал?

Митька пожал плечами.

— Да ничего. Сказал, что понял меня, и еще сказал, конец связи. Всё.

Мы вошли на территорию Города. Со стороны подошел мутант, обиженно произнес.

— Вы у меня автомат отобрали.

Я протянул ему оружие.

— Извини, брат, время дорого было. Торопился друга спасти. — Я похлопал Митьку по плечу. — Вот, спас. Ну, почти, в смысле, сам!

Мутант забрал ствол, молча отошел в сторону. Из темноты спросил:

— Вам помощь не нужна?

Я глянул на Митьку.

— Ты как, в порядке?

— Да, — выдохнул Митька. — Устал только. И жрать хочу.

— Если не потерял аппетит, значит всё нормально! — сказал я, рассмеялся.

Обиженный мутант, решив, что нам и так хорошо, растворился в темноте.

Мы остались в полумраке вдвоем, растерянно озираясь. Кто-то из этих всевидящих мутантов обратит на нас внимание? Сказали же, что жрать хотим. И вообще, устали.

Вдали еще слышались редкие хлопки выстрелов, затихающие стоны никак не дохнувшей крысы.

Неужели же кто-то из выродков, все же, убежал?

И темноты неожиданно вынырнул Ант.

— Ребята, вы как?

— Да нормально, Ант, — сказал я. — Что там с выродками?

— Голова успел смыться, — ответил он. — И с ним несколько рабов.

Я посмотрел на Митьку, тот пожал плечами.

— Это кто? — уточнил я.

— Голова — это их князь. Главарь рабов, которых подчинил себе. Выродки, к сожалению, при правильном подходе, очень доверчивы. И этот урод, который назвал себя князем этой банды мародёров и убийц, хитрый тип. Он бросил Митьку с двумя охранниками прежде, чем мы его взяли. Митьке повезло. А нам нет. Мы не смогли взять князя. Опять ушел.

— То есть, вы не первый раз пытаетесь его взять?

Ант содрал с себя балаклаву, выдохнул на луну, сказал обреченно.

— Не первый. Но этот склизкий змей снова от нас ушел.

— Может, есть смысл по горячим следам? — спросил я.

— Да. И мы это сделаем. — Ант отстегнул магазин, передернул затвор, поймал патрон, вставил в магазин, поставил автомат на предохранитель, патрон ловко влетел в магазин, который исчез в кармане. Автомат пренебрежительно упал под ноги. — Сейчас, ребята вернутся, соберем группу и за ним. Хватит уже. Достал. Надо с ним кончать.

Он опустил прямо на землю, тяжело выдохнул.

Мы с Митькой переглянулись, медленно опустились рядом.

Ант продолжил, глядя на затянутую паутиной облаков луну.

— Ребята скоро закончат с ГЭС. — Он кинул на меня улыбающийся взгляд. — Благодаря тебе, Ник. Ты смог убедить Совет. Да что там, они просто в шоке от твоих картинок. Сразу забегали, вскрыли резервы, откопали закрома, стимулировали людей. Могут, ведь, когда захотят! Когда прижмёт! — И закончил тихо. — Суки.

Мы с Митькой снова переглянулись. Глаза у Митьки были, как у мутанта.

Ант замолчал. А я задал вопрос, который у меня появился во время этой спецоперации.

— Ант, я понимаю, что все было рассчитано, продумано, спланировано. Но все равно... почему ни один мутант не пострадал? Ведь я же слышал хлопки молнии, то есть, выродки использовали свое супероружие. Но ни на кого из мутантов оно не оказало никакого урона. Как так? Всё мимо?

Ант оторвался от потухшей луны, посмотрел на меня своим светящимся кошачьим взглядом.

— Они не мутанты, — сказал он тихо, оглянулся. Рядом никого не было, тогда он продолжил так же тихо. Мы с Митькой даже наклонились к нему, чтобы лучше слышать. — Этот отряд, все эти парни — я их собрал. С каждым отдельно занимался. Тренировался. Много часов, дней потратили на слаживание. Они — лучшие из лучших у нас, мутантов, в нашем Городе. Но они — не мы. Это киборги.

Мы уже не переглядывались с Митькой. Но, краем глаза, я ощутил на себе его открыторотый, как у рыбы на берегу, взгляд.

— Те самые? — спросил я. — Которые...

Ант поднял на меня блестящий взгляд, на губах играла улыбка.

— Да, Ник, те самые! У них не все конченные! У них есть оппозиция, сопротивление. Но только из первого поколения.

— Эт-то что з-за пок-коление? — спросил Митька, заикаясь.

Ант снова отвел взгляд на вынырнувшую из тучи луну, улыбнулся, словно вампир, ответил отстраненно, будто не с нами говорил, а сам с собой, или с луной.

— Первое поколение — это те, что созданы из людей. В них больше человеческого. Другие поколения — второе, третье — это все больше роботы. Мозга там нет. Только микросхемы. Как-то так. В общих чертах. Короче!

Он неожиданно быстро поднялся, встряхнулся. Поднял автомат, закинул на плечо. Спросил, глядя на нас горящими глазами сверху вниз.

— И так, ты с нами, Ник?

Я, как бравый солдат, мгновенно выйдя из мутантно-лунного транса, вскочил следом.

— Всегда готов! — и вскинул руку в пионерском приветствии.

— Я тоже! — крикнул, вскакивая, Митька. — Готов!

Я отодвинул Митьку в сторону, закачал головой.

— Нет, Митька, с тебя хватит! Отдыхай и — домой. Передашь там приветы всем от меня. Ведь это я — герой-спаситель, а ты...

— А что я? — вскрикнул Митька. — Не достоин? Я, может, ну, как Санчо Панса, а? Ну который на мельницы со своим другом?

Последние слова меня, конечно, впечатлили. И пример из Сервантеса (почему-то у меня в мозгах эти испанские имена хорошо отпечатались), и какая-то собачья преданность

Митьки... или не все так просто, и это жажда собственных приключений?

Если так, то да, испортил Никифор ученика своими эксцентрическими идеями.

А мне сейчас расхлебывать.

— Нет, Митька. Этот поход не для тебя. Ну, серьезно!

Митька обиженно отошел в сторону, скинув мою руку с плеча.

— Это даже для меня — чересчур! Я серьезно! У меня хотя бы вот этот камень есть, а у тебя что? Ну? Лук, нож, копье?

Ант поддержал меня.

— На самом деле, Митька. Спасибо тебе, ты уже герой. Столько пройти, столько пережить, особенно после встречи с выродками, и остаться человеком — сильным, бесстрашным. Это впечатлило даже меня, а уж я повидал, ты знаешь.

— Знаю, — пробурчал он.

— Ты свою задачу выполнил, ты уже молодец, правда, — сказал Ант. — Но ты молодой, тебя невеста ждет в Общине.

— Ты нужен ей, ты нужен Общине, — добавил я. — Помнишь? Что тебе сказал Никодим?

— Помню, — тихо сказал Митька, тяжело вздохнул.

— Вот и отлично, — сказал я.

Вокруг нас из темноты, как по команде, появились мутанты. Или киборги? Как теперь их отличать?

Ладно, разберемся. Если они свои, будем им доверять. Как Ант.

— Дан, — сказал Ант одному из черных костюмов. — Отведешь Митьку, покормишь, ну и все прочее. Пусть выспится как следует, не будить. Понял?

— Понял, — просто ответил Дан.

Может, он тоже киборг, подумалось вдруг. Слишком неэмоциональный какой-то, как полуробот.

Ант повернулся ко мне.

— А мы идем.

Это не был вопрос, не было предложение. Это была констатация факта — мы идем! Без вариантов.

Митька даже не обнял меня на прощание. Повернулся и ушел в темноту с Даном, свесив голову. Или он думает, что мы еще вернемся, встретимся?

Как знать? Может быть.

А может и нет.

Я посмотрел в до сих пор открытый шестиметровый проём в стене, поднял глаза выше, туда, где чернела в десять раз большая стена Леса, нависающая над всеми нами, как безмолвное, застывшее цунами, готовое в любой миг проглотить нас и даже не подавиться.

Следом за сбежавшими выродками Ант отправил небольшую группу из своего спецотряда. Связь поддерживали по рации. По всему выходило, что ждать нам недолго, поэтому группа не должна выйти за зону приема.

Время дорого, остатки выродков уходили, но нам пришлось дожидаться запуска ГЭС, переключения энергосистемы Города на нее. Все для того, чтобы взять с собой кристалл. Мы пришли к выводу, что князь побежит к своим кураторам, покровителям и спонсорам, то есть к киборгам в Техно-город. А мой кристалл Силы не имел преимуществ без других камней. Он, можно так сказать, только мне и добавлял силы. А вот в сочетании с другими камнями, пусть пока только с кристаллом Света, увеличивалось и его КПД, и другой кристалл приобретал не просто новые, еще и на порядок большие возможности.

И в Техно-городе, по рассказу Анта, нам это ох как пригодится.

— Ты еще не знаешь, что там, кто там, — рассказывал Ант, пока мы растягивали минуты ожидания, сидя у стены под лунным светом. — Это тебе не выродки. Эти, хоть и звери, но все же люди. А там просто машины, терминаторы — без совести, без страха, без души. Машины, созданные только для одного — убийства. И их там сотни.

— Это тебе твои парни-киборги рассказали? — спросил я.

— Да. Они потому и ушли оттуда, что ничего человеческого там не осталось. Кто сам сбежал, вырвался, кого мы перевербовали при взятии в плен, когда они очередную вылазку устраивали. Так вот, все человеческое у них там сначала мягко притеснялось, а потом откровенно истреблялось. Киборгам запретили вообще проявлять любые человеческие чувства, любые. А многие из них, из первого поколения, имели только какую-то часть механической. Кто-то руку, ногу, кто-то печень, сердце, скелеты им модифицировали, мышцы. Но мозги у всех оставались человеческие. И у них там семьи, дети, представляешь? Они школы открывали, детские садики. Своя подземная цивилизация!

— Ну, ничто человеческое и киборгам не чуждо, — констатировал я.

— В том то и дело, что человеческое. Дружба, преданность, любовь, самопожертвование. Компьютеру это зачем? Ему не цивилизацию нужно возродить, а механических воинов создать для завоевания! Это же проще! И вот ИИ производит второе поколение — у них мозга уже не было, начисто. Его заменили микросхемой. Ничего не скажу — хорошая, мощная, во многом даже превосходящая по скорости мышления, микросхема. И даже если у этих киборгов тело почти полностью было человеческое — мозг был заменен. Такая, скажем, промежуточная ступень технореволюции устроенного гениальным, но совершенно сумасшедшим искусственным интеллектом, который сидит где-то в самой глубине Техно-города.

— Ничего, — сказал я. — Скоро мы до него доберемся! С выродками покончим, князя выловим, а потом туда, в кибермуравейник. Разберемся и с этими паразитами, вырвем сердце этой гидре!

Ант усмехнулся.

— Все ты превращаешь в какой-то юмор!

— А так легче воспринимать эту реальность! — ответил я. — Когда все, как в сказке — чем дальше, тем страшней! Только с юмором, иронией и сатирой можно выжить. Иначе, просто с ума сойти. И застрелится. А я жить люблю, как говорится, привык. Да и свои

вопросы надо успеть решить. А для этого как раз и нужен светлый и позитивный настрой.

Ант серьезно посмотрел на меня, задумался о чем-то.

— Я тебя понял. Это как защитная реакция на твою миссию. Такая ответственность. Я бы сам не знаю, как себя вел.

Ну да, подумал я, но говорить ему пока не стал. Знал бы он, что, перед тем как получить эту миссию, меня из другого времени выдернули, вселили в тело этого парня, Никифора, а о прошлой жизни стерли все в подкорке.

В этот момент к нам подошел один из команды в маске.

— Ант, все готово, можем выдвигаться.

Ант быстро поднялся. Лунный романтизм улетучился, вернулся прежний Советник по безопасности, командир специального отряда киборгов. Я поднялся следом.

— Камень при вас? — спросил Ант.

— Да.

— А для Ника взяли, что я просил?

— Так точно. Вот.

Парень протянул мне небольшой предмет. Не тяжелый. Когда только я его развернул, то смог понять, что это. В темноте, даже при луне, все было серым и размытым. Это оказались крупные трехглазые очки с широким ремнем.

— Надевай, — сказал Ант. — Ты же обычный человек, в темноте ничего не видишь, а это тебе поможет хоть как-то быть похожим на нас.

Я осторожно надел на себя странные очки, которые плотно легли на лицо, как водолазная маска, подтянул ремень до нужного комфортного размера. И вообще ослеп.

— Сейчас, — сказал Ант, задел рукой что-то на очках и... изображение преобразилось! Выглянуло бледно-желтое солнце и осветило все вокруг! Я даже прищурился от неожиданности.

— Что, уже утро? — спросил я.

Ант и парень засмеялись.

— Да, утро. В этих очках у тебя теперь всегда будет утро. Как тебе? Удобно? Все видно?

— Да вообще отлично! Сами придумали?

Ант пожал плечами.

— Скажем так, доработали.

Ант сказал парню в маске.

— Петя, давай всех собирай, через три минуты выходим. Связь с Максом?

— Все отлично, — ответил Петя. — Они их ведут. Три километра.

— Хорошо. Значит минут через двадцать они будут у Гнезда.

Я спросил:

— Что за Гнездо?

— Мы так называли логово Головы, ну этого, князя.

Я удивился.

— А я назвал это место Табором. Они же как цыгане там живут. Костры палят, палатки эти, шкуры.

— Ну да, похоже. Только это не цыгане, а выродки, звери. Поэтому и Гнездо.

— Логично, — подтвердил я. — А что мне еще дадут в дорогу? А то ведь я теперь с этими электронными глазами наравне с вами могу идти!

— Не переживай! Налегке тебе идти не дадим, не переживай.

Одели меня по высшему мутантскому классу. Я стал выглядеть, да и ощущать, себя не хуже всех этих киборгов. Легкий шлем, специальная маска и перчатки, разгрузка, автомат, ботинки. У меня даже осанка выправилась. Ну, держитесь теперь, выродки и киборги!

Воины спецотряда построились у ворот, Петя проверял снаряжение, давал какие-то указания, делал замечания. Я оправлялся в сторонке от них, подгонял под себя форму, готовясь к переходу. Не заметил, как подошел Ант, взял меня за плечо.

— А вот то, за чем ты приходил вчера.

Открыл небольшую сумку, медленно достал ограненный камень. Я замер, глядя на него. Вовсе он не был белым, без газа он был голубоватый, так же как мой мягко светился, будто светлячок внутри был запаян.

Я сдвинул очки, чтобы посмотреть без прибора. В темноте он не светился вообще, если не считать игры лунного света на гранях. Обычный в общем камень, только темно-синий.

Я протянул ладонь, Ант вложил в нее камень. Ничего особенно и в весе. Только вот тепло было от него, словно только что на солнышке нагрелся в летний полдень.

— Вот интересно, как это работает? — спросил я.

— Я думаю, — ответил Ант, бережно укладывая камень обратно в сумку, — когда придет время, мы все узнаем.

— Ну, недолго осталось.

— Это точно, — вздохнул он и крикнул бойцам. — Парни, выходим! Арт первый, Петя замыкающий!

Построившись в колонну по одному, мы быстрым шагом двинулись через полосу отчуждения в Лес.

Заскрежетали цепи, поднимающие за нами ворота. Скрип стих, когда ветки неблагоприятного к мутантам Леса сомкнулись за крайним в колонне Петей. И мы погрузились в тишину ночного Леса.

Продвигались будто бы по той же тропе, которую прорубили до этого выродки. Это ускоряло движение и гарантировало от ловушек и прочих неожиданностей самого Леса. Иногда только то ветка ожившая норовила за шиворот схватить, то под ногами ночной зверек пробежит, типа ёжика. Но привыкнув к сюрпризам местной флоры и фауны, я уже не шарахался от этих сюрпризов, как в первые дни. Ветка схватила — не оглядываясь смахнул ее. Ёжик ползёт — подожду, или просто перепрыгну колючую кочку. Никаких поганок я больше не пинал почему зря, урок усвоил. Хоть Лес и не любил мутантов, но они к нему все равно относились с уважением. И, как бы не кичились своей независимостью, уважали его законы — ведь они были на его территории.

Почему-то с автоматом я не ощущал себя в Лесу в полной безопасности. Чего-то не хватало, и это было интуитивным. Я на ходу подобрал рядом с тропой длинную более-менее прямую палку метра полтора длиной и толщиной удобной для обхвата. Пока продвигались по тропе заточил один конец — получилось вполне сносное копьё, почти такое же, как и мое, только не из железного дерева. Ну, хоть что-то, думал я.

В очках ночного видения было комфортно. Через какое-то время я даже не обращал на них внимания, мягкий корпус плотно прилегал к лицу, не давил. Я даже забыл, что вокруг царилась ночь — шел спокойно за мутантами в цепи, как днем. Видимость была ограничена только высокой травой, кустами и колоннами деревьев. А полная луна сверху светила, как солнце.

Примерно через час колонна остановилась. Ант был передо мной, по рации ему

передали невнятное сообщение. Я переспросил.

— Мы подошли к Гнезду, — сообщил он вполголоса, обернувшись. — Но похоже выродки оставили свое убежище и удрали.

— Всем табором? — спросил я. — Вместе с детьми?

Ант принял еще одно сообщение по радиации.

— Сейчас группа проверит, ждем пока здесь.

А потом поднял руку, попросил всех вокруг замолчать. Что-то было не в порядке в Лесу. В ночной тишине, кроме шума деревьев, даже мне был различим странный звук. Мерные глухие удары, от которых подрагивала земля. И эти удары были все ближе, все отчетливей.

— Оружие к бою! — крикнул Ант.

Все тут же последовали приказу: защелкали затворы, стволы поднялись и ощерились вправо и влево в колонне.

В последний только миг до меня дошло, что это за удары.

Но сказать ничего не успел.

Раздался мощный протяжный рёв впереди, затрещали сучья, трава и кусты падали, как скошенные и через миг огромная туша медведя вломилась в нашу колонну, сминая и расшвыривая лапами сразу несколько бойцов. Затрещали короткие выстрелы. Туша проломилась через тропинку, унеслась в Лес, затерялась за большой сосной. Пули летели вдогонку, срезая траву, кусты, откалывая щепки от дерева.

Рёв раздался ближе, топот, несущаяся на нас туша пробивала себе дорогу через высокую траву. Миг — и трава перед разинутой пастью брызнула в стороны, я словно при замедленной съемке лишь увидел два горящих угля глаз того самого медведетирекса, которого видел в лагере выродков. Теперь этот монстр не был дружелюбным и неуклюжим, он стал воплощением мощной, хоть и тупой и слепой злобы. Падая в сторону, чтоб не попасть под каток этого слона, я со всех сил выбросил вперед копье, целясь в грудь мохнатого монстра.

Туша пролетела мимо, громко ухая лапищами по земле, оставляя за собой вмятины следов. Вслед ей трещали выстрелы. Я успел отпрыгнуть в сторону, перекатился по траве, вскочил на ноги. Безумный рёв огласил Лес. Через несколько секунд раздался глухой удар в березу в десятке метрах от нас, ветки дерева затряслись, посыпалась листва.

Подбежал Ант.

— Ты попал? — крикнул он.

— Не знаю, — ответил я, оглушенный.

— Похоже, что попал! Ну ты даешь! Эту тварь пули не берут!

— Так пошли и посмотрим! — сказал я, держа бесполезный автомат наизготовку.

Топота слышно не было, только глухое, стихающее рычание. В пробитый тушей проем в траве, шагнули сначала трое мутантов, мы с Антоном двинулись за ними.

Последние метры медведь проехал на боку. В дерево ударился спиной. Лохматая туша не шевелилась. На всякий случай мутанты, осторожно подкравшиеся к медведю, сделали несколько выстрелов в глаз — самое уязвимое место на голове для повреждения мозга. Тело даже не дернулось. Сдох.

Мы с Антоном подошли ближе, осмотрели. Из грудины торчала половина моего копья, густая черная кровь вылилась в огромную лужу. Я посчитал большой удачей, что мое копье попало между ребер и достигло цели — сердца. Удачей — попасть между ребер, но лишь моя сила позволила пробить эту кожаную броню и достать до сердца этого монстра,

которого даже пули не берут. Спасибо моему камню, без него точно бы ничего не получилось. Жалко, что я не знаю, как ведет себя камень под рубахой в эти моменты — раскаляется или извергает какие-то импульсы в мышцы?

Пришло уведомление.

Вы уничтожили: животное мутированное.

Вид: Бурый медведь

Род: Медведи

Семейство: Медвежьи

Отряд: Хищные

Класс: Млекопитающие, звери

Уровень: 3

Сила: 88

Ловкость: 31

Интеллект: 11

Физические показатели:

418 см/1460 кг/11лет

Вы получаете

Сила: 10

Ловкость: 2

Интеллект: 0

Интуиция: 5

Да, за такого полуторатонного монстра не густо: сила есть, интеллекта не надо. Но порадовало добавление интуиции, которая в этом случае подразумевается скоростью реакции.

Заодно узнал свои текущие параметры в этом мире, сделав жест головой.

Локация Большой Лес.

Уровень 1.

Основные показатели:

Сила 152 (Уровень 2, Кристалл Силы)

Выносливость 55

Скорость 42

Интеллект 78

Дополнительные показатели:

Дух 52

Память 11

Интуиция 27

Миссия 1 выполнена (Кристалл Света, раса мутант, подвид А (белый))

Миссия 2: найти Кристалл Энергии (раса киборг, тип 1)

Интересные движения. До перехода на второй уровень по основным показателям надо приложить усилия в скорости и выносливости. Желательно бы до того, как мы войдем в

муравейник Техно-города. Кто знает, что меня ждет там?

И я до сих пор не понимаю классификацию уровней в ЛЕСе. Как он это делает по отношению к людям разных рас, животным, растениям. О, а еще я не знаю уровни насекомых! Да чего там мелочиться, и бактерий. Кстати, а как вообще разделяются все живые организмы? Чисто для информации.

ЛЕС тут же выдал мне.

Все живые организмы разделяются на четыре основных царства:

1. БАКТЕРИИ (3 000 видов).
2. РАСТЕНИЯ (500 000 видов).
3. ЖИВОТНЫЕ (1 500 000 видов).
4. ГРИБЫ (100 000 видов)

Царство животных состоит из:

- подцарство простейшие (одноклеточные);
- подцарство многоклеточные.

К подцарству многоклеточных относятся:

- тип...

Перед глазами встала огромная таблица мелким шрифтом. Я даже мысленно прищурился, чтобы разглядеть подробности. Меня заинтересовал седьмой пункт этих типов — хордовые, у которого шесть типов, в том числе и млекопитающие, к которым и мы, люди, относимся, оставляя такую малую часть среди восьми отрядов в количестве более шести тысяч видов. Тех же насекомых больше миллиона видов, из них только одних муравьев на Земле ползает двадцать квадриллионов штук. Я даже не сразу сообразил, что это за число! Система мне подсказала, что квадриллион — это миллиард миллиардов.

У меня мозги вскипели от этой цифры. То есть, на каждого человека еще до Вспышки приходилось больше, чем по два миллиарда одних только муравьев! А сегодня, я так думаю, еще в сотни раз больше. Только муравьев! А, если сюда добавить комаров, пауков...

Как же нас мало, оказывается!

А человек по классификации вообще где?

Система мне тут же выдала.

Класс млекопитающие
Отряд приматы
Подотряд человекоподобные
Секция узконосые
Надсемейство гоминоиды
Семейство гоминиды
Род человек
Вид человек разумный

Самая крупница, даже среди приматов, то есть, среди остальных обезьян.

Вот где наше настоящее место в нормальной биологической классификации!

Не удивительно, что Лес к нам так и относится.

Сейчас.

А, может, и всегда так и относился.

И ждал своего часа.

И этот час пришел. Триста лет назад. Может, это он и устроил эту Вспышку-Сдвиг?

Все эти запросы-уведомления-мысли промелькнули перед моим взором и в моем сознании за несколько секунд, поэтому я ненадолго, да и вовремя, выпал из реальности.

Даже услышал, как Ант задал мне вопрос.

— Ты как, Ник? — он хлопал меня по плечу.

Подожли еще парни из отряда, не знаю, мутанты или киборги, тоже изумленно что-то говорили, показывая на бездыханное тело супермедведя. Я глупо улыбался в ответ, что-то отвечал.

— Камень дает тебе эту силу, я так понимаю, — сказал Ант. — Пусть и однократную, но тем не менее, это сработало. И, я так подозреваю, не первый раз?

— С чего ты взял? — спросил я, повернувшись к нему.

Он улыбнулся.

— Да по тебе видно, что ты как будто привык валить мутантов-хищников! Такой спокойный.

— Я не спокойный, — ответил я. — Я сосредоточенный. Иногда со мной это случается, хоть по мне это и не скажешь.

Ант внимательно посмотрел на меня своими меняющимися зрачками, будто рентгеном, ничего подозрительного не обнаружил, перевел тему.

— Время идет. Надо двигаться дальше. Пошли в брошенный лагерь выродков.

— Хорошо, пошли, — сказал я. — А у меня вопрос такой нестандартный.

— Слушаю, — ответил Ант, приготовившись.

— Если я убил зверя, я могу себе его шкуру забрать, а?

Ант пару секунд смотрел на меня вполне серьезно, потом лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Конечно, можешь, Ник! Вот только тебе куда его, себе на крышу дома в Общине постелить или на центральной вашей площади? А-ха!

Шутник, блин.

А с виду серьезный мутант, Советник...

Гнездо опустело. Костры потушены, палатки провалены, по поляне разбросаны остатки шкур, одежды. Выродки вместе с семьями бежали второпях.

По краям поляны, в отсутствие огня, стали забираться растения, уверенно вползали корни, вытягивали стебли. В местах, где стояли палатки, образовались трещины, в которые медленно затягивались шкуры, остатки одежды, проглатывались самой землей. Быстро действует Лес! Думаю, через неделю здесь и следа не останется от присутствия человека — все исчезнет, переварится, растворится. Снова расцветут цветы, пробьются новые кусты, деревья.

Передовой отряд из нескольких человек предварительно исследовал поселение, ожидал нас в начале поселения.

— Можем заходить, — сказал Ант. — Ты хотел тут что-то свое забрать?

— Да, — сказал я. — Есть тут одна полезная вещь, которую у меня отобрали.

Не без труда я разгреб шкуры упавшей крыши княжеской палатки, забрался внутрь, нашел-таки свое копьё. Родное. Прочное, удобное. Проверенное в бою. После столкновения с медведем, я убедился, что оно мне еще не раз пригодится в этом странном, заговоренном, магическом Лесу.

Выбрался из-под шкур, Ант ожидал меня рядом.

— Ого! — удивился он. — Я думал что-то на самом деле полезное. А это что, просто копьё?

— Не просто копьё! — сказал я, подкинул копьё в руке, перехватил другой рукой, чувствуя теплое дерево, удобно умещающееся в ладони. Будто его под меня делали индивидуально. — Это суперкопьё!

Ант пожал плечами.

— Ну, тебе видней. У тебя сила, тебе и копьё — оружие, — он усмехнулся. — Мне кажется, ты без всего, имея такую силу, пальцем можешь убить!

— Не знаю, не пробовал еще.

Отряд собрался у командира, ожидая дальнейших указаний.

Ант спросил.

— Так, парни, что скажете?

Руку поднял один из них, рослый, плечистый.

Ант кивнул ему.

— Говори, Макс.

— Группа человек тридцать, в том числе дети, двинулись в северо-восточном направлении. В сторону Техно-города. Их сопровождали несколько, до десятка, особей типа крыс. Надо быть начеку, если продолжим преследование.

— А преследование мы продолжим, — сказал Ант. — До Техно-города отсюда около десяти километров, идем все, дальше решим. Все знают, что впереди нас ждут ловушки, капканы и прочие сюрпризы от киборгов? Я прав, Петя?

— Так точно, — отозвался он из-за спины Макса, вышел вперед.

— Для тех, кто еще не в курсе, — вставил Ант, глядя на меня. — Техно-город — это подземный город, снаружи почти никаких строений нет. Есть, конечно, выходы на поверхность, но, чтобы до них добраться, а потом еще и обнаружить — необходим

проводник, который знает, где искать. Петя — киборг, который уже давно в нашей команде. Поэтому он пойдет с нами. Остальные, как мы попадем в Техно-город, возвращаются на базу. Макс старший. Объяснять никому ничего не нужно? Все ясно?

Все кивнули. Макс сказал.

— Так точно.

Ант закончил, хлопнув в ладоши.

— Выдвигаемся.

Отряд в количестве двенадцати человек выстроился в колонну и углубился в Лес. Мы с Антом так же шли в середине, Макс впереди, Петя замыкающий. Видимость в мутантских очках была прекрасная, уже привычно, несмотря на то что Луну затянуло тучами, и вокруг царила тьма. Путь не прокладывали свой, шли так же по следам бежавших выродков. У них никакого транспорта нет, как и у многих в Лесу, шли пешком, но выродки, как подвид мутантов, были более выносливыми, поэтому даже дети у них спокойно могли пару часов идти до Техно-города быстро и без привалов. Я думаю, что даже тренированные мутанты в нашей группе вряд ли смогли бы догнать их. Ну, и, судя по всему, Ант не ставит это целью.

Ночью заметно похолодало, воздух освежал и бодрил, среди деревьев появился туман. Это несколько ухудшало видимость, поэтому было принято решение сбавить темп. Макс выразил озабоченность по поводу необычной тишине.

— А что, — спросил я Анта на ходу. — Ночью не всегда так тихо в Лесу разве?

Ант, как и все бойцы, держал оружие наизготовку. Ответил вполборота.

— Вообще, Лес никогда не спит. Выходят на охоту и пропитание ночные животные и растения. Они, конечно, не такие шумные и суетливые, как дневные. Но сейчас на самом деле очень подозрительно тихо.

Он остановился, поднял ладонь, давая знак мне.

— Прислушайся! — прошептал он и замолк на несколько секунд. — Слышишь что-нибудь.

Я напряг слух настолько, насколько вообще был в состоянии. Даже зубы заломило. Но, кроме легких шагов удаляющегося от нас бойца, ничего не услышал.

— Нет, — честно ответил я. — Все тихо, все спокойно.

— Вот именно, — сказал Ант и двинулся по тропе, продолжая озираться по сторонам. — Все тихо, не означает, что спокойно. Даже наоборот. Какая-то тварь, или несколько тварей, особо злобных, точнее я бы сказал, те, что на самой вершине пищевой цепочки, вышли на охоту. Все остальные — затихли. Никто не хочет становиться их добычей. И эти твари сейчас наблюдают, в том числе, и за нами! Понимаешь, о чем я говорю?

— Что и мы являемся для этих тварей добычей, что ли?

Ант молча кивнул.

Отряд остановился.

— В чем дело, Фил? — шепотом спросил Ант впереди идущего.

Тот так же шепотом ответил.

— Макс что-то заметил впереди.

Следующий знак был всем сесть, спрятаться за высокой травой. Клацнули затворы.

— В чем дело, что происходит? — спросил я, не зная, в какую сторону выставить свое копьё. Или достать-таки из-за спины автомат? Надеюсь, что это не очередной медведь. Мне ответил Ант.

— Это крысы. У этих монстров инфракрасное зрение, они тепло различают.

— Как ты понял, что это крысы?

— По запаху, — прошептал Ант.

— Может стоит по радиации узнать у Макса, что там впереди?

— Нет. Не надо лишнего шума. Тихо. Они где-то совсем рядом.

Долго ждать не пришлось.

Как по команде, раздался оглушительный визг и Лес словно ожил. Под этим разноголосым визгом, задрожала земля, зашевелились кусты, зашуршала трава — со всех сторон.

Крысы ожидали нас с обеих сторон, кинулись одновременно.

Раздались ожидаемо выстрелы: одиночные, парные, очередью. Трава, скошенная пулями, падала, оголяя пространство. С одной стороны, открывая нас, с другой — противника. И определить, сколько их — не было возможности. Черные тени были молниеносны. Они пролетали через тропу, сшибая бойцов, вцепляясь в незащищенные места — в горло, в руки, в лицо, в ноги. Крыса, размером с собаку, да еще с разгона, вышибала мутанта с тропы, как кеглю. Крики ужаса разносились со всех сторон, они смешивались с пронзительными визгами крыс. И не понятно было — это визги раненых, или это боевой клич, как в самом начале.

Ант встал в полный рост, крутил автоматом то вправо, то влево, производя короткие прицельные выстрелы. Как и в случае с медведем, крысу пули не брали, по крайней мере сразу. При мне он одну ранил, она не долетела до Анта, упала, сбитая на лету, но тут же соскочила и прыгнула снова — высоко, пытаясь достать до лица, но была сбита прикладом, раздался хруст, визг, упавшую, Ант добил тремя выстрелами в голову. Я держал копьё обеими руками горизонтально, чтобы успеть поймать хоть справа, хоть слева. Тело напряжено, голова вертится, отзывается на любой шорох. Но в общем гвалте — криках, визгах, выстрелах, — что-то уловить на звук было не реально. Сзади по тропе было на удивление спокойно. Толи крыс было мало, и они среагировали только в начале группы, то ли цель у них была другая. Весь бой я так и простоял с сухим копьём. Выстрелы уже стали реже, визгов больше не слышалось. Теперь я услышал стоны раненых бойцов.

И вдруг, когда уже казалось, что все кончено, огромная черная тень выскочила из густого куста в двух метрах от меня, подпрыгнула на полтора метра вверх, раскрыла в полете блеснувшую клыками пасть, целясь прямо мне в лицо. Доля секунды, легкое движение руки, и мускулистое крысиное тело было как шашлык нанизано на копьё, которое пробило тело насквозь, уперлось мне в руку, выплеснув густую горячую кровь. Пасть еще щелкнула перед лицом, а потом тело отлетело по инерции на другую сторону, описав дугу и соскользнуло с копьё. Тушка затерялась в траве, но я быстро шагнул за ней, раздвинул скользким копьём траву, и вторым ударом в череп добил монстра, пригвоздив к земле. Только тогда шипящее и булькающее адское отродье затихло. И в этот момент ощутил этот грязно-трупный запах, исходящий от крысы.

Да, с обонянием у меня так же, как и со зрением.

Ну, я же обычный человек. Вот почему мы не выжили.

И вот почему в этой реальности выживают мутанты. То есть сильнейшие.

Я сплюнул на черную бесформенную массу, вернулся на тропу.

Ант и бойцы собирали раненых, открывали рюкзаки, оказывали помощь, если могли.

К сожалению, двоих мы в этом бою потеряли. Два мутанта.

Нас осталось десять.

Один человек, один киборг и восемь мутантов.

А до Техно-города еще идти и идти.

Петя-киборг не пострадал. Без него наша миссия стала бы труднее. Макс и еще трое бойцов были ранены. В основном укусы в руки и ноги. Тех же, кому не повезло быть укушенными в голову или шею — погибли. Хватка у этих монстров, как у бульдогов. И прибавьте сюда слаженность, скорость и неожиданность.

Сообразительные твари.

Мы некоторое время стояли молча над убитыми товарищами.

Ант произнес короткую речь.

— Прощайте, братья. Филипп Смоляной, Денис Береста. Мы вас знали, как Фила и Дена. Теперь вы уходите в Вечность. Встретимся там. Прощайте.

Все мутанты повторили по очереди: «Встретимся в Вечности».

Ант принял решение четверым возвращаться, чтобы унести убитых.

Все знают, что Лес быстро их захоронит — даже костей к рассвету не останется. Но у мутантов, в отличие от выродков, так не принято. Еще один тяжело раненый в ногу, пойдет с ними. Его ранения настолько тяжелы, что он не то что дальше продвигаться не может, он и раненых нести не в состоянии. Но в группе, не спеша, они дойдут.

Итого нас осталось пятеро. Я, Ант, Макс, Петя и еще один невысокий, жилистый мутант Арт.

Когда импровизированные носилки были сделаны, и раненые, хромые мутанты унесли своих товарищей, скрывшись в густой траве, мы продолжили свой путь к Техно-городу.

В этот момент мне пришло уведомление.

Вы уничтожили: животное мутированное.

Вид: Черная крыса

Род: Крысы

Семейство: Мышиные

Отряд: Грызуны

Класс: Млекопитающие, звери

Уровень: 4

Сила: 78

Ловкость: 82

Интеллект: 66

Физические показатели:

53 см/12 кг/7лет

Вы получаете

Сила: 8

Ловкость: 14

Интеллект: 4

Интуиция: 7

Интересные отличия от медведя. Силы я получил меньше, но во всем остальном — больше. Это значит, что крыса ловчее и умнее медведя? Ну, кто бы сомневался.

Теперь мы продвигались быстрее.

То зверье, что нам оставили выродки в двух засадах, закончилось. Они прилично нас задержали, помогли укрыться выродкам в Техно-городе. Они уже там, чай пьют с булками, отдыхают.

А у нас впереди была встреча не с животными, а с технологиями.

Через какое-то время, Макс остановил группу.

— Что случилось? — спросил Арт, тревожно оглядываясь и поднимая автомат.

— Ничего, — ответил Макс, показал жестом, чтобы убрал оружие. — Мы сделаем небольшой привал. Надо подкрепиться. До границы Техно-города пара сотен метров. Что там нас ждет, никто, кроме Пети не знает.

Он вопросительно посмотрел на Анта. Ант кивнул и сказал.

— А пока мы перекусываем, Петя нас немного проинформирует.

— Хорошо, — согласился Петя. — Но предупреждаю сразу: когда выйдем на Поле, я буду главным. Надеюсь, всем понятно, почему?

— Конечно, — ответили мы хором.

Мы устроились прямо на тропе, предварительно обрубив несколько проснувшихся ползунов. Из рюкзаков достали заготовленные сухпайки. Когда я распаковал «посылку», на мой удивительный взгляд засмеялся Ант.

— А ты чего ожидал? Тушеного мяса, хлеба, каши, или что вы там обычно едите в Общине!

— Но хотя бы скажи, что это, — попросил я, разглядывая небольшой брикет.

— Это концентрат, — с радостью ответил Арт. — Сухой. Не смотри, что тут мало, он очень калорийный, там все микроэлементы, сбалансированное количество углеводов, белков и жиров.

— Как в сале? — спросил я. — Судя по объему, я знаю что только сало дает столько калорий.

Арт удивленно на меня посмотрел, перевел взгляд на улыбающегося Анта, тоже улыбнулся.

— А, я понял, — сказал он. — Это шутка такая отшельников, да?

Я смотрел на него вполне серьезно, и шутить в данном случае даже не думал. За меня ответил Ант.

— Да шутит он, Арт, шутит! Я его знаю!

Я смотрел, как мутанты и даже киборг, с удовольствием откусывают этот похожий на толстый кусок хлеба концентрат, запивают чем-то из небольших бутылочек.

В животе заурчало.

Что ж, придется пробовать. Не голодным же ходить. А раз они говорят, что там все нормально с калориями, то... да и выбора нет. Придется есть эту гадость.

Но в конце трапезы я признал свою неосведомленность и предвзятость. Пусть на вкус это было как пенопласт, зато насыщение было стопроцентным. При этом желудок не утяжелялся. Возможно, этому еще поспособствовал очередной энергетический напиток а-ля мутант, который, с их слов, содержал всего лишь облепиху и шиповник.

Для интереса я запросил у ЛЕСа информации об этом напитке.

Уведомление от ЛЕС:

Вы использовали энергетический напиток «Мутант-премиум».

Ваши показатели улучшились на:

Сила +2

Выносливость +5

Скорость +1

Интеллект +1

Дополнительные показатели:

Дух +3

Память 0

Ну, что сказать. С мёдом не сравнить. Пока с мёдом ничего не шло в сравнение.

А в остальном — ну, и на том спасибо. Нормально, в общем, на четверочку, как завтрак туриста. Надеюсь, что обедать мы будем в одной из кафешек в подземном Техно-городе. Если к тому времени от него что-то еще останется.

Пока собирались, Петя скупно поделился основной информацией о Поле.

— Поле — это расчищенное, мертвое на первый взгляд, пространство над Техно-городом. Посреди него увидите антенны. Это место еще называют Техно-Лес или Искусственный Лес, кто как. Задача для нас дойти до нашего входа.

— Поясню для своих, Петя, — сказал Ант. — «Наш вход» — это отдельно сделанный вход Сопротивления Техно-города. Петя один из них. Именно через него он вышел и попал к нам.

— Да, — продолжил Петя. — Мое настоящее имя, если это можно назвать именем, Е-5.

— Оригинально, — усмехнулся Арт. Увидел, что у нас реакция совсем не ироническая, потупился.

Тут снова вмешался Ант.

— Когда Петя, ну тогда еще как раз Е-5, появился у нас, само собой мы не могли для него оставить это имя. Он был первый киборг, сделанный под мутанта, то есть похожего на нас. И, чтобы не вызывать лишних разговоров, мы и дали ему похожее имя — Петя, ближе всего по звучанию к Пятому.

Петя-пятый кивнул, стал рассказывать дальше.

— Так вот, я из первого поколения киборгов. Мы единственные остались с неповрежденным мозгом. Поэтому и мыслили еще как люди, в отличие от следующих поколений киборгов. Ну, и естественно, что у нас нашлись те, кому не понравились новые порядки и правила, введенные в Техно-городе. Короче, нас, как меньшинство, стали прижимать в правах. И нам это не понравилось. Не всем, но многим. И мы организовали Сопротивление. В общем, подробности позже, когда попадем внутрь и доберемся до своих. Самое тяжелое туда попасть. По периметру стоят несколько эшелонов защиты — ловушки разного вида, автоматические пулеметы, мины.

Пока Петя-киборг рассказывал, я незаметно вызвал из ЛЕСа его параметры.

Объект: человекоподобный

Раса: киборг, тип 1

Уровень: 4

Основные показатели:

Сила 77

Выносливость 45

Ну, уровень приличный, но вот остальные показатели так, средненькие. Хотя, как я могу сравнивать уровень киборга и, допустим, отшельника, то есть чистого человека?

Возможно, когда разберемся с этим Техно-муравейником, я запрошу подробную информацию у Системы. Пусть нормально объяснит все эти уровни, параметры у всех живых и неживых и даже полуживых существ этого мира. Если, конечно, сама в состоянии. Все больше у меня складывается подозрение, что данные какие-то пространственные, взятые наобум. Ну, ладно, ладно, просто я еще многого не знаю, или мне специально не дают всю информацию.

Но, опять же, с какой целью?

Мои размышления сбил Ант.

— Так, команда, уже светает, давайте-ка выдвигаться! Петя теперь главный, он нас ведет! Все слушаем его команды, выполняем с точностью до миллиметра и секунды! Всем ясно!

— Да! — ответили мы бодро хором.

— Парни, — продолжил Ант, вздохнул, посмотрел на всех поочередно. — Я хочу, чтобы мы остались живы, чтобы вернулись не просто домой, а вернулись с победой. Наша цель — Кристалл Энергии. Мы идем за ним, возвращаемся с ним. Или не возвращаемся совсем. Это всем понятно? Другого пути у нас нет. И нас только пятеро.

— Не только, — вставил Петя. — Когда мы спустимся в Техно-город, нас будет гораздо больше. Это я вам гарантирую. Разнести этот чертов железный муравейник очень многие мечтают.

— Разноситель — это мое второе имя! — засмеялся Макс. — Давай, Пятый, веди нас. Будь уверен, мы не подведем!

На этой пафосно-юмористической ноте мы и вышли из Леса. Для безопасности остановились на самом краю.

Перед нами лежало примерно километр диаметром круглое, как блин, Поле. Именно с большой буквы, как и говорил Пятый. Земля на нем была не то чтобы выжжена, трава пыталась тут пробиваться, но что-то ей не давало, завядшие травинки были не выше колена. Зато пышным цветом разросся лишайник и какой-то красный мох.

Посреди Поля возвышались высокие столбы, даже башни, примерно метра три в диаметре у основания и высотой выше ближайших деревьев, то есть где-то метров сто пятьдесят. На самом верху, как у пальмы, у этих «деревьев» торчали «ветки» — по двенадцать прямых палок. Всего этих антенн было шесть штук. Они образовывали круг, диаметром метров тридцать, в центре которого возвышался блестящий купол-сфера.

— А сейчас, — почему-то шепотом сказал Пятый. — Идите след-в-след за мной! Именно так, понятно?

— Понятно! — воскликнул Арт.

Слишком громко. И зря. Пятый обернулся к нему, но не успел ничего сказать. Потому что в пяти метрах от нас, разрывая мох, из-под земли поднялась блестящая стальная труба с шариком на конце. Раздался раздражающий импульсивный писк.

— Быстро все на землю! — шепотом прокричал Пятый.

Мы, как подкошенные упали, закрыв голову руками.

Прибор пищал, наверное, минуту. Я готовился к каким-то технологичным штучкам — вспышкам, лучам, вибрационным или акустическим атакам. Но ничего не произошло. Палка попищала и провалилась обратно под землю.

Мы облегченно вздохнули, приподнялись, но вставать пока не решались.

Арту от Пятого прилетела глухая оплеуха.

— Ты чего? — возмутился Арт.

Но его грозным шепотом осадил Ант.

— Еще одна такая выходка — я тебя сам пристрелю. Ты понял? Если мы говорим шепотом, значит, так надо.

Арт почесал затылок, понятливо закивал.

Первым поднялся Пятый, оглядел мох под ногами, шагнул вправо вдоль опушки, еще. Мы стояли на месте. Через шагов десять он молча махнул нам. Мы осторожно подошли, стараясь не наступать на мох вообще.

— Вот сейчас, — прошептал Пятый, — идите за мной, как я и говорил, след-в-след. Молча! И медленно. Надеюсь, теперь всем ясно?

Мы посмотрели на Арта. Тот бешено закивал, показал жестом, что рот у него на замке.

И Пятый сделал первый шаг по Полю.

Я шел замыкающим.

Перед тем, как шагнуть, я оглянулся на Лес, вскинул голову наверх, туда, где качались гигантские ветки деревьев, шумели, шептались. А над полем уже занималась заря, вот-вот солнце выйдет из-за деревьев, ознаменует новый день, обогреет все живое вокруг. Все, что над землей. А мы уходим под землю, и не ясно, когда вернемся, если вернемся вообще.

Арт уже делал третий осторожный, медленный шаг. Я заспешил за ним, потому что пружинящий мох уже принимал обратно свою форму, и через несколько секунд, я уже не смог бы точно найти место шага.

Напоследок я сделал запрос о своих параметрах. Так, на всякий случай.

Локация Техно-Лес.

Уровень 1.

Основные показатели:

Сила 162 (Уровень 2, Кристалл Силы)

Выносливость 62

Скорость 57

Интеллект 83

Дополнительные показатели:

Дух 56

Память 11

Интуиция 34

Миссия 1 выполнена (Кристалл Света, раса мутант, подвид А (белый))

Миссия 2: найти Кристалл Энергии (раса киборг, тип 1)

Больше книг на сайте - Knigoed.net